

От Вийона
до Аполлинера

От Вийона
до Аполлинера

Французская поэзия

Библиотека мировой литературы

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ

ОТ ВИЙОНА
ДО АПОЛЛИНЕРА

«КРИСТАЛЛ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1998

ББК 84.2 Фр.

Французская поэзия. От Вийона до Аполлинера. —
СПб: Кристалл: 1998. — 576 с.

ISBN 5-85366-015-2

ISBN 5-85366-015-2

© Оформление серии, «Кристалл», 1998.

Франсуа ВИЙОН
(1431—после 1463)

ИЗ «БОЛЬШОГО ЗАВЕЩАНИЯ»
(*строфы XI—XXVIII*)

XI

Пишу в году шестьдесят первом,
В котором из тюрьмы постылой
Я королем был милосердным
Освобожден для жизни милой.
Покуда не иссякли силы,
Я буду преданно служить
Ему отныне до могилы, —
Мне добрых дел не позабыть!

XII

Измучен горькою тоской,
Не в силах удержать рыданья,
Я слезы проливал рекой,
Страдал, не видя состраданья,
В игре нужды, обид, изгнанья
Я вечно битым был мячом

И понял жизнь без толкованья, —
Здесь Аверроэс ни при чем.

XIII

Я брел тогда в тоске и в горе
Без посоха и без креста,
С одной *Надеждою*, что вскоре,
Как верный ученик Христа,
Войду в открытые врата
Эммауса и принят буду.
Но не сбылась моя мечта:
Злой рок не дал свершиться чуду.

XIV

Я, видно, грешен, всех грешней,
И смерть не шлет господь за мною,
Пока грехи души своей
Я в муках бытия не смою.
Но коль раскаюсь я душою
И так приду на божий суд,
Оправдан буду я судьбою
За все, что выстрадано тут.

XV

Как мудро нас учил «Роман
О Розе»! Помню, там, в начале,

Завет нам превосходный дан,
Чтоб люди молодость прощали,
Жалели старость... Но едва ли
Враги мои считались с ним:
Меня всегда и всюду гнали,
Страданьям радуясь моим.

XVI

Мне горько. Не страшусь я смерти.
Когда бы знать наверняка,
Что людям счастье дам, поверьте,
Не дрогнула б моя рука!
Но вспять не потечет река,
Когда я буду тлеть в могиле, —
Что жизнь простого бедняка?
Одна песчинка в вихре пыли.

XVII

Однажды некий Диомед
Был к Александру приведен
В цепях на суд, держать ответ
За то, что стал пиратом он,
Из тех, чье имя — легион,
Разбойников морских дорог.
Сей Диомед был обречен
На смерть, — в те дни закон был строг.

XVIII

И гневно Александр вскричал:
«Что скажешь, вор, презренный тать?!»
Но тот без страха отвечал:
«За что же вором обзывать?
За то, что я сумел собрать
Лишь кучку удальцов, не боле?
Когда б имел я флот и рать, —
Как ты, сидел бы на престоле!

XIX

Как ты, мой царь! Но жизнь иначе
Уже не мог я повернуть,
И поневоле неудачи
Влекли меня на этот путь.
Пойми и милосерден будь!
В тех, кто познал все униженья
И нищету, не обессудь,
К законам нету уваженья».

XX

В молчанье выслушал пирата
И молвил царь, подъявля взор:
«Отныне будешь ты богатым!
Я изменил свой приговор».

Был царский суд и прав, и скор,
И, как Валерий нам поведал,
Пират стал честно жить с тех пор
И прошлое забвенью предал.

XXI

О, если б с Александром тоже
Я мог поговорить тогда,
Меня б не осудил он строже:
Мои грехи — моя беда,
Вся жизнь — лишений череда,
То хворь, то нищета и холод...
С пути сбивает нас нужда,
Волков из леса гонит голод.

XXII

Мне жалко молодые годы,
Хоть жил я многих веселей
До незаметного прихода
Печальной старости моей;
Не медленной походкой дней,
Не рысью месяцев, — умчалась
На крыльях жизнь, и радость с ней,
И ничего мне не осталось.

XXIII

Ушли года, а я без цели,
Нищ разумом, считаю дни,
Что раньше срока облетели...
Один, без крова, без родни, —
Не веришь? На меня взгляни!
Смотри, как всеми я отринут!
Друзья, родные, где они,
Как только грош последний вынут?!

XXIV

Но ведь не все я расточал,
Хоть был гуляка и обжора.
Я ради женщин отдавал
Лишь то, что взять мог, без укора
Для чести, у друзей, коль скоро
Брать у друзей была нужда.
И в том не вижу я позора:
Где нет греха, там нет стыда!

XXV

Да, я любил, молва не врет,
Горел и вновь готов гореть,
Но в сердце мрак и пуст живот —
Он не наполнен и на треть, —

На девок ли теперь смотреть?
Когда на дне стакана сухо,
Не станешь ни плясать, ни петь:
Пустое брюхо к песням глухо.

XXVI

Будь я прилежным школяром,
Будь юность не такой шальнойю,
Имел бы я перину, дом
И спал с законною женою...
Зачем, зачем моей весною
От книг бежал я в кабаки?!
Пишу я легкою рукою,
А сердце рвется на куски...

XXVII

То, что Экклезиаст святой
Велел, я выполнил давно.
Он говорил: «Ликуй душой,
Пока ты юн годами!» Но
Прибавил он еще одно, —
И это горькое признание! —
«Что в молодости нам дано?
Одни соблазны и незнание!»

XXVIII

Бесследно разлетелись дни,
И не вернуть уже былого.
Ткач, сколько нитку ни тyani,
До края заткана основа,
И места нет, на коем снова
Я ткал бы жизнь, как до сих пор!
Не жду ни доброго, ни злого, —
Смерть разорвет любой узор!

Перевод Ф. Мендельсона

БАЛЛАДА О ДАМАХ
БЫЛЫХ ВРЕМЕН

Скажи, в каких краях они,
Таис, Алкида — утешенье
Мужей, блиставших в оны дни?
Где Флора, Рима украшенья?
Где Эхо, чье звучало пенье,
Тревожа дремлющий затон,
Чья красота — как наважденье?..
Но где снега былых времен?

Где Элоиза, объясни,
Та, за кого приял мученья
Пьер Абеляр из Сен-Дени,
Познавший горечь оскопленья?
Где королева, чьим веленьем
Злосчастный Буридан казнен,
Зашит в мешок, утоплен в Сене?..
Но где снега былых времен?

Где Бланка, белизной сродни
Лилее, голосом — сирене?
Алиса, Берта, — где они?

Где Арамбур, чей двор в Майенне?
Где Жанна, дева из Лоррэни,
Чей славный путь был завершен
Костром в Руане? Где их тени?..
Но где снега былых времен?

Принц, красота живет мгновенье.
Увы, таков судьбы закон!
Звучит рефреном сожаленье:
Но где снега былых времен?..

Перевод Ф. Мендельсона

ЖАЛОБЫ ПРЕКРАСНОЙ
ОРУЖЕЙНИЦЫ

Мне никогда не позабыть
Плач Оружейницы Прекрасной,
Как ей хотелось юной быть
И как она взывала страстно:
«О, увяданья час злосчастный!
Зачем так рано наступил?
Чего я жду? Живу напрасно,
И даже умереть нет сил!

Ведь я любого гордеца
Когда-то сразу покоряла,
Купца, монаха и писца,
И все, не сетуя нисколько,
Из церкви или из кружала
За мной бежали по пятам,
Но я их часто отвергала,
Впадая в грех богатых дам.

Я чересчур была горда,
О чем жестоко сожалею,
Любила одного тогда

И всех других гнала в три шеи,
А он лишь становился злее,
Такую преданность кляня;
Теперь я знаю, став умнее:
Любил он деньги, не меня!

Но он держал меня в руках,
Моею красотой торгуя.
Упреки, колотушки, страх, —
Я все прощала, боль любую;
Бывало, ради поцелуя,
Я забывала сто обид...
Доныне стервеца люблю я!
А что осталось? Грех и стыд.

Он умер тридцать лет назад,
И я с тоскою понимаю,
Что годы вспять не полетят
И счастья больше не узнаю.
Лохмотья ветхие снимая,
Гляжу, чем стала я сама:
Седая, дряхлая, худая...
Готова я сойти с ума!

Что стало с этим чистым лбом?
Где медь волос? Где брови-стрелы?
Где взгляд, который жег огнем,

Сражая насмерть самых смелых?
Где маленький мой носик белый,
Где нежных ушек красота
И щеки — пара яблок спелых,
И свежесть розового рта?

Где белизна точеных рук
И плеч моих изгиб лебяжий?
Где пышных бедер полукруг,
Приподнятый в любовном раже,
Упругий зад, который даже
У старцев жар будил в крови,
И скрытый между крепких ляжек
Сад наслаждений и любви?

В морщинах лоб, и взгляд погас,
Мой волос сед, бровей не стало,
Померкло пламя синих глаз,
Которым столько завлекала,
Загнулся нос кривым кинжалом,
В ушах — седых волос кусты,
Беззубый рот глядит провалом
И щёк обвисли лоскуты...

Вот доля женской красоты!
Согнулись плечи, грудь запала,

И руки скручены в жгуты,
И зад и бедра — все пропало!
И ляжки, пышные бывало,
Как пара сморщенных колбас...
А сад любви? Там все увяло.
Ничто не привлекает глаз.

Так сожалеем о былом,
Старухи глупые, седые,
Сидим на корточках кружком,
Дни вспоминаем золотые, —
Ведь все мы были молодые,
Но рано огонек зажгли,
Сгорели вмиг дрова сухие,
И всех нас годы подвели!»

Перевод Ф. Мендельсона

БАЛЛАДА-МОЛИТВА БОГОРОДИЦЕ,

сочиненная Вийоном для своей матери

О дева мать, владычица земная,
Царица неба, первая в раю,
К твоим ногам смиренно припадаю:
Пусть я грешна, прости рабу твою!
Прими меня в избранников семью!
Ведь доброта твоя, о мать святая,
Так велика, что даже я питаю
Надежду робкую тебя узреть
Хоть издали! На это уповаю,
И с верой сей мне жить и умереть.

Скажи Христу, — его рабой всегда я
Покорною была, всю жизнь мою.
Пусть буду прощена, как молодая
Блудница, встретив доброго судью,
Как Теофил, кто душеньку свою
Сгубил, несчастный, черту угождая, —
Такого никому не пожелаю!
Но ты, Мария, можешь всех призреть,
К святым дарам нас, грешных, приобщая,
И с верой сей мне жить и умереть.

Старушка я, убогая, простая,
Не знаю даже букв — не утаю,
Лишь на стенах видала кущи рая
В часовне, где с молитвою стою,
И там же — ад. Гляжу и слезы лью.
В раю — свет божий, в пекле — тьма густая,
И страшно мне, и я шепчу, вздыхая,
Что мой удел — молиться и терпеть,
Надежды на спасенье не теряя,
И с верой сей мне жить и умереть.

Во чреве ты носила, пресвятая,
Иисуса, царству коего нет края;
Любви исполнен, он сошел из рая
Людей спасти и муки претерпеть,
Очистить нас и умереть, страдая.
Наш вседержитель благ, я это знаю,
И с верой сей мне жить и умереть.

Перевод Ф. Мендельсона

БАЛЛАДА О ПАРИЖАНКАХ

Идет молва на всех углах
О языках венецианок,
Искусных и болтливых свах,
О говорливости миланок,
О красноречии пизанок
И бойких Рима дочерей...
Но что вся слава итальянок!
Язык Парижа всех острей.

Не умолкает и в церквах
Трескучий говорок испанок,
Есть неумные в речах
Среди венгерок и гречанок,
Пруссачек, немок и норманнок,
Но далеко им, ей-же-ей,
До наших маленьких служанок!
Язык Парижа всех острей.

Бретонки повергают в страх,
Гасконки хуже тулузанок,
И не найти во всех краях
Косноязычней англичанок,

Что ж говорить мне про датчанок, —
Всех не вместишь в балладе сей! —
Про египтянок и турчанок?
Язык Парижа всех острей.

Принц, первый приз — для парижанок:
Они речистостью своей
Заткнут за пояс чужестранок!
Язык Парижа всех острей.

Перевод Ф. Мендельсона

УРОК ВИЙОНА

Красавцы, не теряйте самой
Прекрасной розы с ваших шляп!
Сомнет ее судья гнусавый,
Останется вам конопля;
В Рюэле холодна земля,
И в Монпипо грязь по колено,
И всюду вервие смолят
Для вас, как для Кайо Колэна.

Играют там не в дурака,
Там ставят жизнь, и душу тоже,
Честь проигравшим высока,
И смерть тяжка, — помилуй боже!
И тем, кто выиграл, на ложе
С Дидоною из Карфагена
Вовек не лечь... Так для чего же
Все отдавать за эту цену?

Теперь послушайте меня,
Совет я добрый дать хочу:
Пей днем, пей ночью у огня,
Пей, если пьянство по плечу,

И все, что есть — сукно, парчу, —
Спусти скорей! Придет пора,
Кому оставишь? Палачу?
От воровства не жди добра.

Перевод Ф. Мендельсона

БАЛЛАДА ПОСЛЕДНЯЯ

Вот и готово завещанье,
Что написал бедняк Вийон.
Теперь сходитесь для прощанья,
Для самых пышных похорон
Под громкий колокольный звон, —
Он умер, от любви страдая!
В том гульфиком поклялся он,
Юдоль земную покидая.

Его отправили в изгнанье,
Но что Париж, что Руссильон,
Везде о нем воспоминанья
Остались у девиц и жен.
Нигде не унимался он,
Любой красотке угождая,
И был по-прежнему силен,
Юдоль земную покидая.

Все раздавал без колебанья,
И вот, до нитки разорен,
Скончался, претерпев страданья,
Амура стрелами пронзен

Навылет, — бедный ветрогон!
Но вот вам истина святая:
Он был, как юноша, влюблен,
Юдоль земную покидая.

Принц, ты не будешь удивлен,
Узнав, что, к чаше припадая,
До дна испил ее Вийон,
Юдоль земную покидая.

Перевод Ф. Мендельсона

БАЛЛАДА-ЗАВЕТ ВИЙОНА

Голь перекатная, без чести, без ума,
Глупцы обманутые, вы живете
Чем бог пошлет, да нож, да ночи тьма...
Опомнитесь! Вы ж у себя крадете!
Неужто хочется на эшафоте,
Ломая руки, биться, как в бреду,
Взывая тщетно к богу и суду?
Кто молодость провел с законом в ссоре,
Потом клянет злосчастную звезду!
Кто сеет зло — пожнет позор и горе.

Зло в вас самих гнездится, как чума.
Мстить некому, — в себя же попадете!
Да, все мы знаем: этот мир — тюрьма,
Смиренье и добро здесь не в почете,
Но гнать людей, травить, как на охоте,
Срывая с них одежды на ходу,
В чужом ходить, чужую есть еду —
Помилуй бог! Юнцы такие вскоре
Казненных умножают череду, —
Кто сеет зло — пожнет позор и горе.

К чему же грабить, разорять дома,
Лгать, подличать для прокормленья плоти,
Красть, взламывать амбары, закрома?
Не страшно вам? Единым днем живете!
А что вас ждет? Петля в конечном счете.
Но я скажу вам, как избыть беду:
Вернитесь к богу, к честному труду,
Тогда излечитесь от смертной хвори,
А иначе — все встретится в аду!
Кто сеет зло — пожнет позор и горе.

Велел апостол позабыть вражду
И вместе мыкать горе и нужду,
Любить друг друга, попусту не споря,
Лишь в мире счастье, нет его в раздоре.
Об этом не напрасно речь веду, —
Написано злодеям на роду:
Кто сеет зло — пожнет позор и горе!

Перевод Ф. Мендельсона

СПОР СЕРДЦА И ТЕЛА ВИЙОНА

— Кто там стучится? — Я. — Кто это «я»?

— Я, Сердце скорбное Вийона-бедняка,

Что еле жив без пищи, без питья,

Как старьй пес, скулит из уголка.

Гляжу — такая горечь и тоска!..

— Но отчего? — В страстях не знал предела!

— А ты при чем? — Я о тебе скорбело

Всю жизнь. — Отстань! Дай мне поразмышлять...

— И долго? — Жди, чтоб юность пролетела!

— Тогда молчу. — А мне... мне наплевать.

— Чего ты хочешь? — Сытого житья.

— Тебе за тридцать! — Не старик пока...

— И не дитя! Но до сих пор друзья

Тебя влекут к соблазнам кабака.

Что знаешь ты? — Что? Мух от молока

Я отличаю: черное на белом...

— И это все? — А ты чего хотело?

Коль непонятно, повторю опять.

— Погибло ты! — Держусь пока что смело.

— Тогда молчу. — А мне... мне наплевать.

— Мне горько, а тебя болезнь твоя
Измучила. Иного дурака
Безмозглого еще простило б я,
Но не пустая ж у тебя башка!
Иль жизнь тебе такая не тяжка?
Иль мало ты позора претерпело?
Что ж, отвечай! — Тебе-то что за дело?
Все кончится, как буду подыхать.
— Утешило, сколь мудро, сколь умело!
Теперь молчу. — А мне... мне наплевать.

— Мне больно... — Эта боль — судьба моя:
Гнетет Сатурна тяжкая рука
Меня всю жизнь! — Сужденье дурачья!
Всяк сам себе хозяин, жив пока,
И... вспомни Соломона-старика:
Он говорил, что мудрецу всецело
Послушен рок и что не в звездах дело...
— Вранье! Ведь не могу иным я стать,
Как никогда не станет уголь мелом!
— Тогда молчу. — А мне... мне наплевать.

— Ведь жить ты хочешь? — Мне не надоело.
— И ты раскаешься? — Нет, время не припело.
— Людей шальных оставь! — Во как запело!
Людей оставь... А с кем тогда гулять?

- Опомнись! Ты себя загубишь, Тело!
- Но ведь иного нет для нас удела...
- Тогда молчу. — А мне... мне наплевать.

Перевод Ф. Мендельсона

БАЛЛАДА ПОВЕШЕННЫХ

О люди-братья, мы взываем к вам:
Простите нас и дайте нам покой!
За доброту, за жалость к мертвецам
Господь воздаст вам щедрою рукой.
Вот мы висим печальной чередой,
Над нами воронья глумится стая,
Плоть мертвую на части раздирая,
Рвут бороды, пьют гной из наших глаз...
Не смейтесь, на повешенных взирая,
А помолитесь господу за нас!

Мы — братья ваши, хоть и палачам
Достались мы, обмануты судьбой.
Но ведь никто, — известно это вам? —
Никто из нас не властен над собой!
Мы скоро станем прахом и золой,
Окончена для нас стезя земная,
Нам бог судья! И к вам, живым, взывая,
Лишь об одном мы просим в этот час:
Не будьте строги, мертвых осуждая,
И помолитесь господу за нас!

Здесь никогда покоя нет костям:
То хлещет дождь, то сушит солнца зной,
То град сечет, то ветер по ночам
И летом, и зимою, и весной
Качает нас по прихоти шальной
Туда, сюда и стонет, завывая,
Последние клочки одежд срывая,
Скелеты выставляет напоказ...
Страшитесь, люди, это смерть худая!
И помолитесь господу за нас.

О господи, открой нам двери рая!
Мы жили на земле, в аду сгорая.
О люди, не до шуток нам сейчас,
Насмешкой мертвецов не оскорбляя,
Молитесь, братья, господу за нас!

Перевод Ф. Мендельсона

Клеман МАРО
(1497—1544)

СТАРИК

Уж я не тот любовник страстный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста молодого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!

Перевод А. Пушкина

Пьер РОНСАР
(1524—1585)

ОДА

Дитя мое, идем взглянуть на розу,
Что по утру свой пурпурный наряд
В лучах зари прекрасной распахнула.
В ее листах теперь такая ль свежесть,
Какую юность в твой невинный взгляд,
В уста и щеки нежные вдохнула?
Увы! Еще закат пылает яркий,
А уж она увяла, посмотри,
И лепестки печально отряхает!
Ты мачеха, воистину, природа,
Когда лишь от зари и до зари
Такой цветок живет, благоухает!
И так, дитя, поверь мне, невозвратно
Как день мелькнут года твоей красы
И с ними прелесть первая расцвета!
Срывай, срывай отраду юной жизни!
Наступят скорбной старости часы —
Увянешь ты, как роза эта.

Перевод Н. Энгельгардта

Франсуа МАЛЕРБ
(1555—1628)

СМЕРТЬ

О смерть! Кто, кто тебя свирепей может быть?
Молениям нашим не внимаешь,
Перстами слух от нас ты заграждаешь
И заставляешь слезы лить!
Убогий в хижине, соломою покрытой,
Дань тяжкую тебе со вздохом отдает
И на престоле царь, могучий, знаменитый,
Как колос, под косой твоей падет.

Перевод А. Измайлова

Жан-Батист МОЛЬЕР
(1622—1673)

БЛАГОДАРНОСТЬ КОРОЛЮ

Своею ленью невозможной,
О муза, наконец смутила ты меня:
Сегодня утром неотложно
Явиться ты должна на выход короля.
Зачем — тебе прекрасно видно;
И неужель не стыдно,
Что раньше ты не вздумала принести
Поклон за благодетельную честь?
Но все же лучше поздно,
Чем никогда. Итак, дружочек мой,
Изволь теперь готовиться серьезно
Явиться в Лувр с повинной головой.
Не вздумай только музой нарядиться:
Едва ль одобрят там такой простой убор;
Там любят блеск, все, что ласкает взор:
Могла ты раньше в этом убедиться.
Гораздо лучше, посещая двор,
Хоть бы на час один в маркиза превратиться.
А чтоб маркизом быть и слыть,

Учись на видных всем примерах,
Не вздумай в платье и в манерах
Ты что-нибудь серьезное забыть:
На шляпу наложи ты перьев с три десятка,
Надень ее на завитой парик,
Смотри, чтоб брыжжи были в крупных складках
И чтоб камзол не был велик;
А главное — широкой лентой сзади
Свой плащ ты подстегни — так принято у всех
Маркизов-модников в наряде,
А модный тон сулит тебе успех.
И вот в таком блистательном параде
Ступай через гвардейский зал,
Причесывай парик то спереди, то сзади,
Осматривай толпу среди говора похвал.
И лишь заметишь ты знакомые фигуры, —
Погромче называй, с приветом, имена:
Ведь в этой фамильярности видна
Всегда черта породистой природы.
Тихонько поскреби у двери гребешком,
Дойдя до королевского покоя;
А ежели дойти за теснотою
Не сразу удалось, — взберись-ка петушком
На что-нибудь, чтоб только показаться,
Иль шляпу подними повыше и скорей
Кричи — да громче, нечего стесняться! —
«Маркиз такой-то ждет! Живей, камер-лакей!»

Затем в толпу скорее замешайся,
Локтями напролом без жалости толкайся,
Чтоб только к двери ближе подступить;
А ежели лакей, сей страж неумолимый,
Тебя не пожелает пропустить, —
Стой твердо на своем, не уступай ни пяди:
Ведь для кого-нибудь придется отворить, —
Так ты проскочишь сзади...
А как проскочишь — не зевай:
Старайся подойти поближе;
Пускай тебя бранят, толкают, — не плошай!
Получше стань да поклонись пониже,
Навстречу королю придвинувшись вперед.
Наверно, государь, как только подойдет,
Узнать тебя не затруднится;
Тогда не медля, в тот же миг
С приветствием к нему должна ты обратиться.
Конечно, можешь ты и развязать язык,
С восторгом говоря о милостях неожиданных
И незаслуженных, столь щедро излианных
На недостойную тебя
Его всеблагостной державною десницею,
О том, что, благодетеля любя,
Намерена ты впредь без усталости трудиться,
Что мысли все твои и весь душевный жар
Стремятся лишь к тому, чтоб стать ему приятной.
Ты можешь обещать и труд невероятный:

На это музам дан неистощимый дар,
И все они болтать большие мастерицы,
Переплетая лесть, хвалы и небылицы.
Но, друг мой, короли не любят длинных слов;
А наш король всегда настолько занят делом,
Что некогда ему, среди царственных трудов,
Выслушивать, что ты в усердьи скажешь смелом.
И лестью ты его ничуть не соблазнишь:
Как только ты начнешь о милостях рацею,
Он сразу все поймет, и, коль ты замолчишь,
Он наградит тебя улыбкою своею —
Улыбкой той, что так чарует все сердца,
И мимо он пройдет, и вся твоя затея
Достигнет цели и конца.

Перевод Б. Лившица

БУРИМЕ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ
О ХОРОШЕМ ТОНЕ

Навряд ли кто меня заставит даже... *палкой*
С лягушкой сочетать... *коричное вино!*
Заране данных рифм я не люблю... *давно*
И предпочту скорей всю жизнь сидеть
за... *прялкой.*

Мне слава светская всегда казалась... *жалкой.*
И слов набор внушал уныние... *одно.*
Зачем мне под Кутра погибнуть не... *дано,*
Чтоб дружбы мой сонет вовек не свел
со... *свалкой.*

Пусть лучше ест меня, как медленная... *ржа,*
Озлобленный на всех, придирчивый... *ханжа,*
Чем стать мне автором подобного... *сонета!*

Я это говорю вам звонко, как... *щегол.*
Прощайте! Я бежать на край согласен... *света,*
И да хранит вас, принц, судьба от всяких... *зол*

СТАНСЫ

Мне хочется, чтоб, сон ваш прерывая,
Мой вздох и вас заставил воспылать...
Вы слишком долго спите, дорогая,
Ведь не любить — не то же ли, что спать?

Не бойтесь ничего: не так уж плохи
Дела любви, и невелик недуг,
Когда, любя, мы в каждом сердца вздохе
Находим средство от сердечных мук.

Любовь — недуг, когда ее скрывают:
Признайтесь мне — и станет жизнь легка.
Не надо тайн: любовь их отвергает.
Но вы боитесь этого божка!

Где легче бремя вы найдете сами?
Ужель такое иго можно клясть?
Иль вы, владея столькими сердцами,
Самой любви признать не в силах власть?

Молю вас, Амаранта, уступите —
С любовью спорить никому не след!
Любите же, покуда вы в зените:
Года бегут, годам возврата нет!

Перевод Б. Лившица

КОРОЛЮ ПО СЛУЧАЮ
ПОКОРЕНИЯ ФРАНШ-КОНТЕ

Сонет

Мы о таких, король, не слышали победах!
Грядущее с трудом постичь сумеет их;
Все, что известно нам о славных наших дедах,
Нельзя и сравнивать с величьем дел твоих.

Как? Ты едва решил — и вот, в мгновение ока
К нам область целая присоединена!
Я вижу: быстротой стремительность потока
Иль молний длань твоя превосходить должна.

Однако, о король, вернувшись с поля брани,
От наших муз не жди себе достойной дани.
Конечно, подвиг твой мы все должны воспеть,

Но песнь хвалебная покуда не готова:
Преславные твои дела быстрей, чем слово,
И нам за ними не поспеть.

Перевод Б. Лившица

Пьер КОРНЕЛЬ
(1606—1684)

ИЗ «СИДА»
ДОН РОДРИГ

Пронзен до сердца глубины
Сей неожиданной, убийственной вестью,
Влекомый в бой чужою мезтью,
Погибнуть должен я за чуждые вины.
Что делать? Где искать защиты?
Надежды, радости и чувства все убиты.
Уже любви моей готовился венец;
И вдруг, о страшные премены!
Обижен смертно мой отец;
Обижен он отцом Химены.

В груди какая чувств борьба!
Внимать ли должности? послушаться ли страсти?
Но ах! во всем одне напасти
Мне уготовила жестокая судьба:
Иль вечно стыд, иль вечно горе,
Иль всех лишиться благ, иль дни влачить

в позоре.

Священны были мне равно любовь и честь,
И в жизни нет за них замены:
Обиду мне нельзя понести,
Но можно ль мстить отцу Химены?

До смерти нет покоя мне;
Век будут душу рвать невеста и родитель.
Усердный я иль слабый мститель,
Пред тем или другим все остаюсь в вине.
Смерть — край страданьям человека:
Умру, и ничьего в гроб не снесу упрека.
Меж долга и любви какой я судия?
Что мне равнять, решать их цену?
Коль умереть все должен я,
Умру, не оскорбив Химену.

Как! мне ли умереть с стыдом!
По всей Гишпании прославиться позором!
Свой даже гроб стягнуть укором,
Что я бесчестье ввел в наш благородный дом!
Внимать слепой любви внушенья,
В которой без того уж нет мне награжденья!
Нет, нет, избавимся от тяжких сих цепей,
От унижительного плена.
Честь! ты утехой будь моей,
Когда утратится Химена.

Так, ум мрачила мой любовь;
Отцу обязан я всех прежде и всех боле:
Успех сраженья в божьей воле;
Но, верно, чистою моя прольется кровь.
Стыжусь я даже замедленья.
Во что б ни стало мне, пойдем искать отмщенья.
Так, честь моя, тебе с начала до конца
Ни в чем не сотворю измены:
Отмщу я смертью за отца,
Отмщу, хотя отцу Химены.

Перевод П. Катенина

СТАНСЫ

Смертный в жизни представляет
Зеркало тоски и бед;
Лишь родится, он рыдает,
Так как скорбь предузнает.

Слезы в юности всечасно
Без причины отрок льет;
Там учитель занапрасно
Бедного младенца бьет.

Пылка юность повергает
В пущие беды его;
Он любовниц избирает
И не мыслит ничего.

Как возрос — другая лишность
Кратка века часть займет;
Честь, богатство, слава, пышность
Дух колеблет и мятет.

Старика всяк презирает;
Крепость жизни потеряв,

Мучится он и страдает,
Дряхл, задумчив и не здрав.

Мысль мы к мысли прибираем,
Ищем счастья своего,
Наконец все умираем,
Вот родимся для чего.

Перевод М. Хераскова

ВОЛЬТЕР
(1694—1778)

ДЕВСТВЕННИЦА

Я не рожден святыню славословить,
Мой слабый глас не взыдет до небес;
Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Иоанниных чудес.
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блистая красотой,
Она была под юбкою герой.
Я признаюсь — вечернею порой
Милее мне смиренная девица,
Послушная, как агнец полевой;
Иоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И, что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственный хранила круглый год.

О ты, певец сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрипницею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

Перевод А. Пушкина

ТЕЛЕМА И МАКАР

Непостоянна, своевольна,
Ничем Телема не довольна;
Всегда душа ее полна
Младенческого беспокойства;
Любила толстяка она
Совсем иного с нею свойства:
Макар не тужит ни о чем,
Ему покой всего дороже;
С весельем шумным незнаком,
Он незнаком со скукой тоже;
Заснет он ночью крепким сном,
Едва глаза свои зажмурит;
Поутру встанет молодцом,
День целый после балагурит.
В любви причудливой своей
К Макару часто нестерпимой
Была Телема: милым ей
Хотелось быть боготворимой.
Однажды, чем-то оскорбясь,
Увлечшись живостью сердечной,
В упреках горьких излилась
Пред ним она. Макар беспечный
Покинул бедную, смеясь.
Без друга скучно и уныло

Тянулись дни. Из края в край
За ним бежать она давай, —
Жить без Макара тошно было.
Надежды ветреной полна
Приходит в Царское она.
Того ли встретит, иль другого:
«Не здесь ли милый мой дружок?»
Макара нет ли дорогого?»
Никто без хохота не мог
Услышать имени такого.
«Какой Макар тобой любим?»
Как разлучилась ты с ним?
Что он, голубушка, за диво?»
Она в ответ нетерпеливо:
«Нет лучше друга моего;
Он добродушен, доброхотен,
Веселонравен, беззаботен,
Не ненавидит никого,
И сам никем не ненавидим.»
«Ступай, — ответствовали ей, —
Здесь нет его, таких людей
Мы при дворе совсем не видим.»

Решилась далее идти
Моя беглянка молодая;
Заходит в лавру по пути,
Макара мирного найти
В сей мирной пристани мечтая.

Игумен ей: «Сказать ли вам?
Его мы долго поджидали;
Но, признаюсь, по пустякам!
Посты, раздор и скуку нам
В замену стены наши дали».
Один неласковый чернец
Сказал вертушке наконец:
«Охота по миру шататься!
Найдется ль, полно, ваш беглец?
На том он свете, может статься!»
Телему сей живой мертвец
Чуть не взбесил таким приветом.
«Его найду я, мой отец,
Не беспокойтесь об этом.
Нет! о Макаре дорогом
Не понапрасну я тоскую:
Одна я жизнь ему дарую;
Не может быть он в мире том,
Когда я в этом существую!»

«Но где же встречу друга я? —
Мечтает странница моя. —
В столице? что же? не чудесно:
Между певцами, верно, он,
Которыми изображен
Он столь искусно и прелестно.»
Один из них ей молвил так:
«Вы обманулися никак;

Не появлялся, к сожаленью,
И между ними ваш чудак;
О чем мы пишем кое-как,
По одному воображенью!»

Совет пред нею. На него
Взглянула странница — и мимо:
«Нет, для Макара моего
Такое место нестерпимо!
Там нет его. Не спорю в том:
Прельститься мог бы он двором,
Двор полон чудного угара;
Но за присутственным столом
Век не увижу я Макара!»
Надеясь друга повстречать,
Телема стала навещать
Гулянья, зрелища столицы,
Ко всем заглядывала в лица —
По пустякам! Приглашена
В дома блестящие она,
Где те счастливыцы председатель,
Которых светским языком
Людьми с утонченным умом,
Людьми со вкусом называют;
Они приветливы лицом,
Речами веселы, свободны
И с милым сердцу беглецом
Ей показались очень сходны.

Но чем с Макаром дорогим
Похожей быть они старались,
Тем от прямого сходства с ним
Они заметней удалялись!

Тоска, печаль ее взяла;
Наскуча бегать по-пустому
Из места в место, побрела
Она тихохонько до дому.
В давно покинутый приют
Приходит странница — и что же?
Уже Макар с улыбкой тут
Подругу ждал на брачном ложе.
«Со мною в мире и любви, —
Он молвил, — с этих пор живи;
Живи, о лишнем не тоскуя,
И коль расстаться вновь со мной
Не хочешь, нрава тишиной
Себе приязнь мою даруя,
От угожденья моего
Не требуй более того,
Что я даю, что дать могу я.»

Перевод Е. Баратынского

СТАНСЫ

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни,
И мой рассвет соедини
С моей вечернею зарею!

Мой век невидимо проходит,
Из круга смехов и харит
Уж время скрыться мне велит
И за руку меня выводит.

Пред ним смириться должно нам.
Кто применяться не умеет
Своим прменчивым годам,
Тот горесть их одну имеет.

Счастливым резвым, молодым
Оставим страсти заблужденья;
Живем мы в мире два мгновенья —
Одно рассудку отдадим.

Ужель навек вы убежали,
Любовь, мечтанья первых дней —

Вы, услаждавшие печали
Минутной младости моей?

Нам должно дважды умирать:
Проститься с сладостным мечтаньем —
Вот смерть ужасная страданьем!
Что значит после не дышать?

На сумрачном моем закате,
Среди вечерней темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманов сладостной мечты.

Тогда на голос мой унылый
Мне дружба руку подала,
Она любви подобна милой
В одной лишь нежности была.

Я ей принес увядши розы
Веселых юношества дней,
И вслед пошел, но лил я слезы,
Что мог идти вослед лишь ей!

СНОВИДЕНИЕ

Недавно, обольщен прелестным сновиденьем,
В венце сияющем царем я зрел себя;
Мечталось, я любил тебя —
И сердце билось наслажденьем.
Я страсть у ног твоих в восторгах изъяснял.
Мечты! ах! отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только царство потерял.

Перевод А. Пушкина

* * *

Не редко правды вид самой
Бывает смешан с грубой лжею.
Предавшись в прошлу ночь Морфею,
На трон я был взведен мечтой.
Любил тебя тогда и смело в том открылся:
Проснувшись, не все зрел отнято судьбой...
Престола только я лишился.

Перевод Ю. Нелединского-Мелецкого

ПРОЩАНИЕ С ЖИЗНЬЮ

Итак, прощайте! Скоро, скоро
Переселюсь я наконец
В страну такую, из которой
Не возвратился мой отец!
Не жду от вас ни сожаленья,
Не жду ни слез, мои друзья!
Враги мои! уверен я,
Вы также с чувством сожаленья
Во гроб уложите меня!
Удел весьма обыкновенный!..
Когда же очередь свою
И вам придется непременно
Сойти в Харонову ладью,
Чтоб отыскать в реке забвенья
Свои несчастные творенья—
То, верьте, милые, и вас
Проводят с смехом, в добрый час!

Когда сыграл на сцене мира
Пустую роль свою актер,
Тогда с народного кумира
Долой мишурная порфира,

И свист — безумцу приговор!..
Болезнью тяжкой изнуренных,
Я видел много разных лиц:
Седых ханжей, седых девиц,
Мужей и мудрых и почтенных.
Увы! греховного плода
Они вкушали неизбежно,
И отходили безмятежно
Никто не ведает куда!
Холодный зритель улыбался;
Лукавый родственник смеялся;
Сатира колким языком
О них минуты две судила,
Потом холодная могила
Навек бесчувственным песком
Их трупы грешные прикрыла!..

Скажите ж мне в последний раз,
Непостижимые созданья:
Куда из круга мирозданья,
Куда вы кроетесь от нас?
Кто этот мир без сожаленья
Покинуть может навсегда?
Нет тот ли, кто без заблужденья,
Как неподвижная звезда
Среди воздушного волненья,

Привык умом своим владеть,
И, сын бессмертия и праха,
Без суеверия и страха
Умеет жить и умереть.

Перевод А. Полежаева

Понс-Дени ЛЕБРЕН
(1729—1807)

ОДА

Анакреон, ты люб был девам,
Старик восьмидесяти лет,
И Граций хор, пленен напевом,
Тебя венком венчал, поэт.

И Пиндар, лебедь Беотийский,
Пройдя столетия предел,
То славил праздник Олимпийский,
То о любви протяжно пел.

Софокла, старика седого,
Венчала, Мельпомена, ты.
Люблю смотреть, как старость снова
Срывает лавры и цветы.

И я кладу персты на лиру,
На Пинде шаг мой слышен вновь:
Свободу воспевал я миру,
И цепи пел твои, Любовь!

В дни юности следил, Гораций,
Я с робостью тропу твою.
Еще могу воспеть я Граций,
Еще героев я пою.

То воздыхаю я с Тибуллом,
То за Тиртеем петь хочу,
То, дерзостно, вслед за Катуллом,
Рой ядовитых стрел мечу.

И пусть во взорах свет вечерний
Все краски мира затемнил:
Зато я чужд надменной черни,
И дружбе более я мил.

И снова я блажен и светел,
Лишь Музы дом мой посетят,
И верю, что Любовь я встретил,
Лишь встречу девы нежный взгляд.

Нет, не сведу с Любви я взоры:
Всегда я ею упоен,
И под рукой иной Авроры
И я воскресну, как Тифон!

* * *

- Я разорился от воров!
- Жалею о твоём я горе.
- Украли пук моих стихов!
- Жалею я об воре.

Перевод И. Дмитриева

* * *

Всегдашний гость, мучитель мой,
О Балдус! долго ль мне зевать, дремать с тобой?
Будь крошечку умней или — дай жить в покое!
Когда жестокий рок сведет тебя со мной —
Я не один и нас не двое.

Перевод К. Батюшкова

Эварист ПАРНИ
(1753—1814)

ЭЛЕГИЯ

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
Но сам в себе его находит!
В печальной юности моей
Я был счастлив — одну минуту,
Зато, увы! и горесть люту
Терпел от рока и людей!
Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!
Блажен, кому надежды глас
В самом несчастье сердцу вятен!
Но прочь уже теперь бежит
Мечта, что прежде сердцу льстила;
Надежда сердцу изменила,
И вздох за нею вслед летит!
Хочу я часто заблуждаться,
Забить неверную... но нет!

Несносной правды вижу свет,
И должно мне с мечтой расстаться!
На свете все я потерял,
Цвет юности моей увял:
Любовь, что счастьем мне мечталась,
Любовь одна во мне осталась!

Перевод К. Батюшкова

ЛОЖНЫЙ СТРАХ

Помнишь ли, мой друг бесценный!
Как с амурами тишком,
Мраком ночи окруженный,
Я к тебе прокрался в дом?
Помнишь ли, о друг мой нежный!
Как дрожащая рука
От победы неизбежной
Защищалась — но слегка?
Слышен шум! — ты испугалась!
Свет блеснул и вмиг погас;
Ты к груди моей прижалась,
Чуть дыша... блаженный час!
Ты пугалась — я смеялся.
«Нам ли ведать, Хлоя, страх!
Гименей за все ручался,
И амуры на часах.
Все в безмолвии глубоком,
Все почило сладким сном!
Дремлет Аргус томным оком
Под Морфеевым крылом!»
Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,

Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном —
Молча новое свиданье
Обещали вечерком.
Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день, —
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо:
Чуть блеснуло б и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.
Дружбе дам я час единый,
Вакху час и сну другой.
Остальною ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

Перевод К. Батюшкова

ПРИВИДЕНИЕ

Посмотрите! в двадцать лет
Бледность щеки покрывает;
С утром вянет жизни цвет:
Парка дни мои считает
И отсрочки не дает.
Что же медлить! Ведь Зевеса
Плач и стон не укротит.
Смерти мрачной занавеса
Упадет — и я забыт!

Я забыт... но из могилы,
Если можно воскресать,
Я не стану, друг мой милый,
Как мертвец тебя пугать.
В час полуночных явлений
Я не стану в виде тени,
То внезапно, то тишком,
С воплем в твой являться дом.

Нет, по смерти невидимкой
Буду вокруг тебя летать;
На груди твоей под дымкой

Тайны прелести лобзать;
Стану всюду развевать
Легким уст прикосновеньем,
Как зефира дуновеньем,
От каштановых волос
Тонкий запах свежих роз.

Если лилия листьями
Ко груди твоей прильнет,
Если яркими лучами
В камельке огонь блеснет,
Если пламень потаенный
По ланитам пробежал,
Если пояс сокровенный
Развязался и упал, —
Улыбнися, друг бесценный,
Это я! — Когда же ты,
Сном закрыв прелестны очи,
Обнажив во мраке ночи
Роз и лилий красоты,
Я вздохну... и глас мой томный,
Арфы голосу подобный,
Тихо в воздухе умрет.
Если ж легкими крылами
Сон глаза твои сомкнет,
Я невидимо мечтами

Стану плавать над тобой.
Сон твой, Хлоя, будет долог...
Но когда блеснет сквозь полог
Луч денницы золотой,
Ты проснешься... о, блаженство!
Я увижу совершенство...
Тайны прелести красот,
Где сам пламенный Эрот
Оттенил рукой своею
Розой девственну лилею.
Все опять в моих глазах!
Все покровы исчезают;
Час блаженнейший!.. Но, ах!
Мертвые не воскресают.

Перевод К. Батюшкова

ВАКХАНКА

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бежала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвивали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград, —
Все в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг — она упала!

И тимпан над головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвоз! и неги глас!

Перевод К. Батюшкова

СОН ВОИНОВ

*Битва кончилась, ратники пируют
вокруг зажженных дубов...*

...Но вскоре пламень потухает,
И гаснет пепел черных пней,
И томный сон отягощает
Лежащих воев средь полей.
Сомкнулись очи; но призраки
Тревожат краткий их покой:
Иный лесов проходит мраки,
Зверей голодных слышит вой;
Иный на лодке в море волн, —
Веслом десница не владеет,
И гибнет в бездне бранный челн;
Иный места узрел знакомы,
Места отчизны, милый край!
Уж слышит псов домашних лай
И зрит отцов поля и дома
И нежных чад своих... Мечты!
Проснулся в бездне темноты!
Иный чудовище сражает —
Бесплодно меч его сверкает;
Махнул еще, его рука,
Подъята вверх... окостенела;

Бежать хотел — его нога
Дрожит, недвижима, замлела;
Встает — и пал! Иный плывет
Поверх прозрачных тихих вод
И пенит волны под рукою;
Волна, усиленна волною,
Клубится, пенится горой
И вдруг обрушилась, клокочет;
Несчастный борется с рекой,
Воззвать к дружине верной хочет, —
И голос замер на устах!
Другой бежит на поле ратном,
Бежит, глотая пыль и прах;
Трикрат сверкнул мечом булатным —
И в воздухе недвижим меч!
Звеня упали латы с плеч...
Копье рамена прободает,
И хлещет кровь из них рекой;
Несчастный раны зажимает
Холодной, трепетной рукой!
Проснулся он... и тщетно ищет
И ран, и вражьего копья,
Но ветер шумит и в роще свищет;
И волны мутного ручья
Подошвы скал угрюмых роют,
Клубятся, пенятся и воют
Средь дебрей снежных и холмов...

Перевод К. Батюшкова

ПЕСНЯ ЭРИКА

Сижу на берегу потока,
Бор дремлет в сумраке; все спит вокруг, а я
Сижу на берегу — и мыслю далеко,
Там, там... где жизнь моя!..
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока,
Снедаем ревностью, задумчив, молчалив...
Не торжествуй еще, о ты, любимец рока!
Ты счастлив — но я жив...
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока...
Вздохнешь ли ты о нем, о друг, неверный друг...
И точно ль он любим? — ах, эта мысль жестока!..
Кипит отмщеньем дух,
И меч в руке моей мутит струи потока.

Перевод Д. Давыдова

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнь играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.
Пусть наша ветреная младость
Потонет в неге и вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.
Когда же юность легким дымом
Умчит веселья юных дней,
Тогда у старости отыдем
Все, что отыметя у ней.

Перевод А. Пушкина

ПРОЗЕРПИНА

Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат;
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из Аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла, и колесница
Уж к Аиду их несет:
Мчатся облаком одеты;
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенья,

Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца
Повинуется желаньям,
Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет
И молчит и томно стонет...
Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат;
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Кереры дочь уходит,
И счастливца за собой
Из Элизия выводит
Потаенною тропой;
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

Перевод А. Пушкина

ЗАВТРА

(к Лиле)

Меня ты лаской забавляешь
И беспрестанно обещаешь...
Но обещанья, как листок,
Резвись, уносит ветерок.
Ты всякий день твердишь, Лилета:
Приду я завтра до рассвета,
Но, как наступит мрачна ночь,
Утехи и любовь стыдливость гонит прочь
Ты снова завтра повторяешь.
Теперь ты даром обладаешь
Казаться новой с каждым днем.
Но время быстрое крылом
Тебя коснется мимоходом —
Дурнеть ты будешь с каждым годом;
Ты завтра ж станешь увядать,
И завтра же тебя начну я забывать.

Перевод А. Бестужева-Марлинского

ОЖИДАНИЕ

Она придет! к ее устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страстным я томим;
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье:
Мы ими счастью вредим
И сокращаем наслажденье.

Перевод Е. Баратынского

Никола ЖИЛЬБЕР
(1751—1780)

К ПРОВИДЕНИЮ

Пред богом милости я сердце обнажил:
Он призрел на мое крушенье;
Уврачевал мой дух и сердце укрепил;
Несчастных любит провиденье.

Уже я слышал крик враждебных мне сердец:
Погибни он во мраке гроба!
Но милосердный бог воззвал мне как отец:
«Хвала тебе презренных злоба!

Друзья твои — льстецы, коварство — их язык,
Обман невинности смиренной;
Тот, с кем ты хлеб делил, бежит продать твой лик,
Его коварством очерненной.

Но за тебя на них восстанавливаю я суд
Необольстимого потомства;
И на челе своем злодеи не сотрут
Печати черной вероломства».

Я сердце чистое, как жертву для небес,
Хранил любви в груди суровой;
И за годы тоски, страдания и слез
Я ждал любви, как жизни новой;

И что ж? произнося обет ее святой,
Коварно в грудь мне нож вонзали;
И, оттолкнув меня, убитого тоской,
На гроб с улыбкой указали.

Увы, минутный гость я на земном пиру,
Испивши горькую отраву,
Уже главу склонял ко смертному одру,
Возненавидя жизнь и славу.

Уже в последний раз приветствовать я мнил
Великолепную природу.
Хвала тебе, мой бог, ты жизнь мне возвратил,
И сердцу гордость и свободу!

Спасительная длань, почий еще на мне!
Страх тайны все еще со мною:
От бури спасшийся пловец и по земле
Ступает робкою стопою;

А я еще плыву, и бездны подо мной!
Быть может, вновь гроза их взроет;
Синеющийя брег вновь затуманит мглой
И свет звезды моей сокроет.

О провидение! ты, ты мой зыбкий челн
Спасало бурями гонимой;
Не брось еще его, средь новых жизни волн,
До пристани — уже мне зримой.

Перевод Н. Гнедича

Андре ШЕНЬЕ
(1762—1794)

ЮНАЯ ТАРЕНТИНКА

О чайки! в небеса бросайте ваши стоны!
Богине милые, рыдайте, альционы!

Она жила, Мирто! дитя невинных нег!
Корабль ее стремил на Сицилийский брег,
Где песня радости, и гимны, и свирели
Ее бы провели к супружеской постели!
Недремлющий замок и кедровый ларец
Ревниво берегли и свадебный венец,
И ароматный нард, и ткани дорогие,
И для стыдливых рук браслеты золотые.
Но в час, когда она мечтала на корме,
Молясь созвездиям, внезапно ветер во тьме
Ее схватил! Едва воззвав к ночной богине,
Она дрожит, скользит, и вот она в пучине!

И вот она меж волн, земли Тарентской дочь!
И тело нежное валы уносят в ночь!

Тефия, вся в слезах, спешит к скале
прибрежной —
Найти от чуд морских ему приют надежный.
По знаку матери, из лона зыбких вод
Прекрасных nereid бессмертный хор встает:
Несут погибшую в прохладный грот, и с миром
Слагают на утес, обвеянный Зефиром.
А после, с воплями, зовут своих подруг, —
И нимфы, кинув лес, источник, холм и луг,
Спешат на этот зов, бегут на берег моря,
И в груди бьют себя, печальным крикам вторя.
«Увы! — звучит их стон. — Напрасно ждет
жених!

Нет, не наденешь ты венчальных риз своих!
В браслетах блещущих не будут руки сжаты!
На косы темные не брызнут ароматы!»

Перевод В. Брюсова

ГОМЕР

Отрывок

«О, сребролукий бог, бог Клароса! к тебе я,
О, Сминфей-Аполлон, взываю. Здесь, слабея,
Паду, когда вождем не будешь ты слепца!» —
Так старец восклицал, вздыхая без конца.
Бредя вдоль леса, он на камень сел, терзаем
Тоской. Три пастуха, страны той дети, лаем
Собак привлечены, хранителей их стад,
Давно за старцем шли. И, отозвав назад
Молоссов яростных, от их зубов и лая
Бессилье грустное слепца оберегая,
Беседовали так, к нему идя тропой:
«Кто сей седой старик, покинутый, слепой?
Не бог ли, что сошел к нам из иного мира?
Высок он станом, горд; бесформенная лира
На поясе простом; он говорит — и вот
Дрожат леса, поля, весь воздух, зыби вод!»

Он слышит их слова, он слушает; и звуки
Их слов его живут; он простирает руки
С мольбой. Они ему: «О, не страшись, пришлец!

(Когда не некий бог, святых высот жилец,
Сокрыт под внешностью, случайною и брэнной;
Столь царственной красой горит твой лик
почтенный!)

О, если смертный — ты, несчастный старец,
знай,

Что люди, волнами в чей ты заброшен край,
Не встретят странника обидою бесцельной.
Но, видно, не дает Рок блага безраздельно:
Великий дар богов — твой благородный глас,
Но ими у твоих свет солнца отнят глаз!»

«О, дети! голос ваш звучит по-детски нежно!
Разумен ваш язык вполне! Но неизбежно
Пришельца бедного, в чужой стране, страшит
Возможность встретить смех и горечь злых обид.
Нет, не равняйте вы меня с бессмертных хором!
Морщины, снег волос, ночь вечная пред взором, —
Похожи ль на богов? лик не таков у них!
Я — только человек, несчастнее других.
Вам ведом ли бедняк, скиталец терпеливый?
С ним сравнивать меня, лишь с ним одним
должны вы.

Но, верьте, не за то мне внешний мир закрыт,
Что с Фебом спорил я, как древле Фамирид;
Я, как Эдип, в руках эринний, не был тоже

Отцеубийцею на материнском ложе!
Все ж боги мощные мой обрекли закат
На бедность, слепоту, изгнание и глад!»

Перевод В. Брюсова

* * *

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя сдает;
На девственных устах улыбка замирает,
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в душе твоей читали.
Любви не утаишь: мы любим, и как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ними
Красавец молодой с очами голубыми,
С кудрями черными?.. Краснеешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бродит
Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
И долго вслед за ним незримая глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
Не властвует конем по прихоти своей.

Перевод А. Пушкина

* * *

Покров, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью
Алкиду передан. Алкид его принял.
В божественной крови яд быстрый побежал.
Се — ярый мученик, в ночи скитаясь, воеет;
Стопамя тяжкими вершину Эты роет;
Гнет, ломит древесю; исторженные пни
Высоко громоздит; его рукой они
В костер навалены; он их зажег; он всходит
Недвижим на костер он в небо взор возводит;
Под мышцей палица; в ногах Немецкий лев
Разостлан. Дунул ветер; поднялся свист и рев;
Треща горит костер; и вскоре пламя, воя,
Уносит к небесам бессмертный дух героя.

Перевод А. Пушкина

* * *

Приблизься утром к ней, когда Морфей
Свой подсыпает мак, цветы его и зерна,
В подушку мягкую, и томная рука
Красавицы, скользя, блуждает, и слегка
Луч солнца крадется под пух ресниц закрытых,
И тени снов дрожат на розовых ланитах!

Перевод В. Бенедиктова

* * *

«Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий,
Внемли, боже кларосский, молению старца,
погибнет
Ныне, ежели ты не предыдешь слепому
вожатым». —
Рек и сел на камне слепец утомленный. Но следом
Шли за ним три пастыря, дети страны той
пустынной.
Скоро сбежались за лай собак, их стада
стерегущих.
Ярость уняв их, они защитили бессилие старца;
Издали внемля ему, приближались; и думали:
«Кто же
Сей белоглавый старик, одинокий, слепой — уж
не бог ли?»
Горд и высок; висит на поясе бедном простая
Лира, и голос его возмущает волны и небо». —
Вот шаги он услышал, ухо клонит, и, смутясь, уж
Руки простер для моленья странник несчастный.
«Не бойся.
Ежели только не скрыт в земном и дряхлеющем
теле

* * *

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморю плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

Перевод А. Пушкина

НАЯДА

Есть грот: наяда там в полдневные часы
Дремоте предает усталые красы,
И часто вижу я, как нимфа молодая
На ложе лиственном покоится нагая,
На руку белую, под говор ключевой,
Склоняясь челом, венчанным осокой.

Перевод Е. Баратынского

* * *

Под бурю судеб, унылый, часто я,
Скучая тягостной неволей бытия,
Нести ярмо мое утрачивая силу,
Гляжу с отрадою на близкую могилу,
Приветствую ее, покой ее люблю,
И цепи отряхнуть я сам себя молю.
Но вскоре мнимая решимость позабыта,
И томной слабости душа моя открыта:
Страшна могила мне; и ближние, друзья,
Мое грядущее, и молодость моя,
И обещания в груди сокрытой музы —
Все обольстительно скрепляет жизни узы,
И далеко ищу, как жребий мой ни строг,
Я жить и бедствовать услужливый предлог.

Перевод Е. Баратынского

МУЧИТЕЛЬНАЯ НОЧЬ

Мучительная ночь! Да скоро ли заря
Взойдет? Скажите мне: дождусь ли утра я?
Подумайте, всю ночь ворочаться — как сладко!
Несносная тоска, истома, лихорадка!
Камилла! Это ты — всему виной. Ты спишь,
Камилла, — а меня бессонницей томишь,
Да, ты, моя любовь; — о, если б ты хотела —
Ночь эта для меня б, как птица, пролетела.
Средь сонных грез твоих душа моя вянься,
Летает над тобой. Поутру пробудясь,
Прочтешь мои стихи — узнаешь все. О боги!
С тяжелой головой привстав в ночной тревоге,
Тобою полон весь, писал я; на меня
Смотрел унылый свет лампадного огня,
Когда со вздохами я слез обильных влагу
И душу проливал и сердце на бумагу; —
А ты, Камилла, спишь; закрыт твой ясный взор;
Через нежных, алых уст немой полураствор
Струится легкий пар спокойного дыханья —
Пар полный теплоты и роз благоуханья!
Но если ты не спишь, Камилла, и когда
Мне сладость отдыха полночного чужда,

Ты в это время... ты — средь счастья земного
Преступно бодрствуешь в объятиях другого,

И между тем, как мне бессонница горька,
Ты ночь бранишь за то, что слишком коротка!..
О бог забвения! Приди, закрой мне очи,
Задерни их навек завесой смертной ночи!
Она теперь... с другим. Гром! Молния! Гроза!
О боги! для чего вы дали мне глаза,
Способные судить о красоте? Напрасно
Вы сердце дали мне, которое не властно
Предохранить себя от ядовитых ран
И вводится легко в прельстительный обман!
Другая — с красотой скромнейшей — лучше
любит.

И, дорожа своим возлюбленным, не губит
Его так ветренно; ей можно доверять;
Она любовника боится потерять
Затем, что ей не так легко найти другого.
Она верна: пред ней соблазна рокового
Не ставят здесь и там; — а кроткие черты,
Веселость, ровный нрав — замена красоты.
Красавица ж, когда неугомонно всюду
О ней шумят, кричат: «вот красота! вот
чудо!» —
Готова оскорблять святыню чувства — да!
Она становится капризна и горда;

Сегодня вам она оказывает нежность,
А завтра — явную, обидную небрежность, —
И коль у ней из рук иной и ускользнет —
Беда не велика: у ней толпа, народ.
Она любит наружностью своею
И чувствует любовь, внушенную лишь ею.

Перевод В. Бенедиктова

* * *

Багровый гаснет день; толпится за оградой
Вернувшихся телиц недоенное стадо,
Им в ясли сочная навалена трава,
И ждут они, жуя, пока ты, рукава
По локоть засучив и волосы откинув,
Готовишь звонкий ряд расписанных кувшинов.
Беспечно на тебя ленивые глядят,
Лишь красно-бурой той, заметь, неласков взгляд;
В глазах ее давно сокрытая есть злоба,
Недаром от других она паслась особо;
Но если вместе мы к строптивой подойдем
И ноги сильные опутаем ремнем,
Мы покорим ее, и под твоей рукою
Польется молоко журчащею струею.

Перевод А. К. Толстого

* * *

Амур взялся за плуг — и земледелец новый,
Запряг в ярмо волов, на них взял бич суровый.
И чуть лишь свежая бразда проведена —
Он, щедрою рукой кидая семена,
Властительно кричит к Юпитеру: «Послушай!
Не порти жатву мне ни влагою, ни сушей!
Не то — с Европой вновь явлюсь я —
мститель твой —
И вновь ты склонишься мычащей головой!»

Перевод В. Бенедиктова

* * *

Ко мне стрелок молодой, спеши! любим ты мною;
Любим, а я равна Диане красотой;
И так же я бела, и так же я стройна,
И в резвости живой стыдлива, как она;
И в час вечерний дня, с поникшими очами.
Долиной темною, теряясь меж кустами,
Как мимо пастухов я тихо прохожу
И, дева робкая, на дерзких не гляжу, —
Тогда кажусь я им не смертною простою:
«О, как прелестна ты! — несется вслед
за мною. —
Неера, берегись вверять себя волнам!
Ты новым божеством покажешься пловцам —
И будут умолять от бури неизбежной
Богиню светлых вод с Неерой белоснежной».

Перевод И. Козлова

* * *

Супруг надменный коз, лоснящийся от жиру,
Встал на дыбы и, лоб склоня, грозит Сатиру.
Сатир, поняв его недружелюбный вид,
Сильнее уперся разрезами копыт, —
И вот навстречу лбу несется лоб наклонный,
Удар — и грянул лес, и дрогнул воздух сонный.

Перевод А. Фета

ИДИЛЛИЯ

Стремятся не ко мне с любовью и хвалами,
И много от сестры отстала я годами.
Душистый ли цветок мне юноша дарит,
Он мне его дает, а на сестру глядит;
Любуется ль моей младенческой красою,
Всегда примолвит он: как сходна я с сестрою.
Увы! двенадцать раз лишь мне весна цвела;
Мне в песнях не поют, что я сердцам мила,
Что я плененных мной изменой убиваю.
Но что же, подождем, — мою красу я знаю;
Я знаю, у меня, во блеске молодом,
Есть алые уста с их ровным жемчугом,
И розы на щеках, и кудри золотые,
Ресницы черные, и очи голубые...

Перевод И. Козлова

МОЛОДАЯ УЗНИЦА

«Неспелый колос ждет, нетронутый косой,
Все лето виноград питается росой,
Грозящей осени не чужа;
Я также хороша, я также молода!
Пусть все полно кругом и страха, и стыда, —
Холодной смерти не хочу я!

Лишь стоик сгорбленный бежит навстречу к ней,
Я плачу, грустная... В окно тюрьмы моей
Приветно смотрит блеск лазури,
За днем безрадостным и радостный придет:
Увы! Кто пил всегда без пресыщенья мед?
Кто видел океан без бури?

Широкая мечта живет в моей груди,
Тюрьма гнетет меня напрасно: впереди
Летит, летит надежда смело...
Так, чудом избежав охотника сетей,
В родные небеса счастливей и смелей
Несется с песней Филомела.

О, мне ли умереть? Упреком не смущен,
Спокойно и легко проносится мой сон

Без дум, без призраков ужасных,
Явлюсь ли утром, все приветствуют меня,
И радость тихую в очах читаю я
У этих узников несчастных.

Жизнь, как знакомый путь, передо мной светла
Еще деревьев тех немного я прошла,
Что смотрят на дорогу нашу;
Пир жизни начался, и, кланяясь гостям,
Едва, едва поднести успела я к губам
Свою наполненную чашу.

Весна моя цветет, а жатвы жду с серпом:
Как солнце, обойдя вселенную кругом,
Я кончить год хочу тяжелый;
Как зреющий цветок, краса своих полей,
Я свет увидела их утренних лучей, —
Я кончить день хочу веселый.

О смерть! Меня твой лик забвеньем не манит.
Ступай утешить тех, кого печаль томит
Иль совесть мучит, негодуя...
А у меня в груди тепло струится кровь,
Мне рощи темные, мне песни, мне любовь...
Холодной смерти не хочу я!»

Так, пробудясь в тюрьме, печальный узник сам,
Внимал тревожно я замедленным речам
Какой-то узницы... И муки,
И ужас, и тюрьму — я все позабывал
И в стройные стихи, томясь, перелагал
Ее пленительные звуки.

Те песни, чудные свидетели тюрьмы,
Кого-нибудь склонят певицу этой тьмы
Искать, назвать ее своею...
Был полон прелести аккорд звеневших нот,
И, как она, за дни бояться станет тот,
Кто будет проводить их с нею.

Перевод А. Апухтина

Мари-Жозеф ШЕНЬЕ
(1764—1811)

ГИМН НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ ПРАХА ВОЛЬТЕРА
ВО ФРАНЦУЗСКИЙ ПАНТЕОН

(11 июля 1791 г.). Музыка Госсекса

Нет, слезы проливать теперь совсем не время;
Сегодня — торжества, не сожалений день:
Пусть песни бодрости славнейшую меж всеми
Французами венчают тень.

Давно ли этот прах, тиранами гонимый,
Средь плача общего бежал от наших врат?
А ныне, возвращен народом в край родимый,
Он освятит собой наш град.

Привет, божественный! Ты был нам всем примером
И в наши стены вновь вступаешь гордо днесь;
Лишь нам принадлежит все, что звалось
Вольтером:
Ты родился и умер здесь.

Ты духом творчества сограждан вызвал к жизни:
Прими же Франции свободной фимиами;
Ты, превзошедший всех мужей в своей отчизне,
Возглавь собой сей славный храм.

Гроза священников, над гибельной их ложью
Ты факел разума вознес, как Прометей,
И смертным указал на бездну у подножья
Их лицемерных алтарей.

Ты кистью мощною на римском небосводе
Лик древней доблести пред нами воскресил
И в сердце Франции стремление к свободе
Речами Брутов пробудил.

На сто ладов твоя чарующая лира —
И человечности, и разуму верна —
Сквозь радужную ложь Гомеровского мира
Нам сеет правды семена.

Спешите, граждане, Вольтеру дать дорогу!
Велик, любим и чтим, он восстает среди нас.
Что проповедовать нам поклоненье богу
И вольность, как в свой смертный час.

Напрасно ищет он те башни роковые,
Что дважды плен его соделал храмом муз:
Бастилии уж нет, нет больше тирании, —
Дотла разрушен их союз.

На поле Марсово глядит он, где святою
Свободою престол бессмертный водружен;
Французов стекшихся он видит пред собою,
Их клятвам вновь внимает он.

За победителем, сокрыт клубами пыли,
Позорный фанатизм подымет дикий крик;
Так к Капитолию и Цезарь и Эмилий
Влекли поверженных владык.

Его триумф во дни сценической забавы
Был меньше, хоть народ, излив восторгов пыл,
Ему, согбенному под тяжким грузом славы,
В веках бессмертье присудил.

Ла Барр! Калас! Сюда, страдальческие тени!
Он ваш отмститель был, вы — должники его:
Покиньте скорбный брег, оставьте ваши пени,
Включитесь в наше торжество!

Народы-пастыри, следившие паренье
Сего отважного орла с гельветских гор!
Вы, жители Юры, пусть ваши песнопенья
Вольются в наш хвалебный хор.

Сыны Америки и дети Альбиона,
Воспойте разума опору и пример;
Вы, вольности друзья, чье сердце непреклонно,
Он ваш согражданин, Вольтер!

Народы, ждущие паденья самовластья,
Ликуйте: вольность вас от уз освободит.
Ее рукой средь нас алтарь воздвигнут счастья,
Сей день повсюду знаменит!

О божество божеств, природа, провиденье,
Не знавшее границ от века существо,
Исконное добра и правды воплощенье,
Начало мира самого,

Ты вольность создало, а рабство человеком
Придумано самим, но часто человек
Для будущих веков, вступая в тяжбу с веком,
Свободы бережет ковчег.

Свободы божество, простри над нами крылья,
Плодотвори поля, от всех врагов укрой,
Пошли нам вечный мир, отраду изобилья
И век искусства золотой.

Пошли нам доблести, таланты, просвещение
И с чувством долга дай сознание наших прав,
Свободу чистую, законов попечение,
Под стать законам нравы дав.

Перевод Б. Лившица

ГИМН В ЧЕСТЬ ПОБЕДЫ, ПРОПЕТЫЙ
МОНТАНЬЯРАМИ НА ПОЛЕ СОГЛАСИЯ
20 ПРЕРИАЛЯ II ГОДА РЕСПУБЛИКИ
(июнь 1793 г.)

Мужчины

О, боже сил! Сам у народа
Зажег ты мужество в груди,
Победа — спутница похода —
Несет знамена впереди.
Вершины Альп и Пиренеев
Тиранов гибель зреть могли,
И там, на севере, слабея,
В крови их полчища легли.

Мужской хор

Но прежде чем вложить мечи свои в ножны,
Клянемся все, что зло мы истребить должны!

Женщины

Внимайте, матери и девы,
Тому, кто правит всей землей,
Супруги, дети, братья — все вы

Шли за свободу смело в бой.
Когда приспешник преступления
Жизнь молодую пресекал,
Сын за отца — ему в отмщенье —
Над трупом павшего вставал.

Женский хор

Но прежде чем вложить мечи свои в ножны,
Клянемся все, что зло вы истребить должны!

Мужчины и Женщины

Так будьте, воины, смелее!
Молитесь, девушки, нежней!
Отдайте, матери, скорее
Для дела славы сыновей!
Вы, старики, рукой дрожащей
Не в силах приподнять копьё —
Так шлите юности кипящей
Благословение свое!

Хор

Но прежде чем вложить мечи свои в ножны,
Клянемся все, что зло мы истребить должны!

ГИМН РАВЕНСТВУ

(19 июля 1792 г.)

Тебе, о Равенство, благая
Опора вольности и прав,
Поем мы этот гимн, слагая
Его средь празднеств и забав.

Сей день, для родины священный,
Принес благодеяний рой,
В сей день твой голос драгоценный
Сплотил французов меж собой.

Ты свергло с мерзостью бесправья
Придаток титулов пустой,
Игрушку глупого тщеславья,
Все попиравшего пятой.

Разбив народные оковы,
Ты рабство обратило в сон:
С отменой преимуществ новый
И дух и смысл обрел закон.

Кумир свободного народа,
Ты меньше вedom, чем любим:
И Тибра и Кефиса воды
Гордились именем твоим.

Стремясь к бессмертию ревниво,
И воины и мудрецы
В горах Гельвеции счастливой
Тебе кадили, как жрецы.

И Франклин, победитель молний,
Став у державного руля,
Твоею славою исполнил
Пенсильванийские поля.

Луара, Рона, Сена, живо
Брега украсив, ждут забав:
С челом, увенчанным оливой,
Сойди и празднество возглавь.

О, благотворное светило,
Свой бесконечный свет излей,
Чтоб тирании блеск затмило
Сияние твоих лучей.

Он сгинет в ночи преисподней,
Гонимый славою твоей, —
С тобой и почва плодородней,
И небеса с тобой ясней.

Перевод Б. Лившица

ГИМН ВЕРХОВНОМУ СУЩЕСТВУ
(1794 г.)

Источник истины, кого не чтит хулитель,
Свободы божество и естества отец,
Всего живущего извечный покровитель,
Его хранитель и творец —

Никем не созданный и всем необходимый,
Зиждитель доблестный, законности оплот,
Враг самовластия, вовек неколебимый,
Французы ждут твоих щедрот.

Ты сушу утвердил над зыбкими морями,
Ты правишь молнией и ветры всюду шлешь,
Ты, солнцу сообщив живительное пламя,
Всем смертным пищу подаешь.

Ночная странница заоблачным туманом
Безмолвной поступью идет наперерез:
Ты указал ей путь, и звездным караваном
Равнину населил небес.

Повсюду твой алтарь мы зрим нерукотворный:
В селеньях, в городах, в пещерах дикарей,
В долине низменной и на вершине горной.
И в небе и на дне морей.

Но есть алтарь иной, — твоя святых святая, —
Над эмпиреями тобой взнесенный храм:
Не в сердце ль праведном сам бог живет, вдыхая
Его чистейший фимиам?

В очах у воина, бесстрашия и гнева
Исполненных, твое величие сквозит;
Во взор опущенный неискушенной девы
Ты заложил прелестный стыд.

На старческом челе премудрости высокой, —
Твоей премудрости, — след ясно различим;
Осиротевшее дитя не одиноко
Под взглядом отческим твоим.

Ты возвращаешь там, в земли горячих недрах,
Чудесное зерно грядущего плода.
Ты посылаешь ей дождей напиток щедрых
И благостные холода.

Когда же глас весны волшебным наважденьем,
Разлитым в воздухе, воспаляет кровь,

Все то, что создал ты, — предавшись
наслажденьям,
Себя воспроизводит вновь.

От сенских берегов до вод Гипербореев
Природу облачив в слепительный убор,
Несчетные дары своим сынам рассеяв,
Ты внемлешь их умильный хор.

И солнца и миры, путь соблюдая верный,
Простерты пред тобой, твои лишь чудеса
Поют на все лады, гармонией безмерной
Преисполняя небеса.

Под сенью царственной ты в страх приводишь
власти,
Но скорбь врачуешь ты под кровлями лачуг;
Гроза преступника, не ты ль во дни несчастий
Защита и последний друг?

Тиранам и рабам ничто твоя опека:
Что добродетель им и равенства завет?
Ты лишь свободного сподобил человека
Нести в душе бессмертья свет.

Перевод Б. Лившица

Жан-Франсуа ДЮСИ
(1733—1816)

МИР

Из кубка твоего, о Геба,
Как богу, юность мне налей!
Я нектаром взнесен на небо,
Забыл о старости своей.

Вакх, этот день собой означь ты!
Бери меня, Цитера, в плен!
Не буду связан я у мачты,
Когда заслышу вой сирен!

Веселья! Песен! Предоставим
Зоилам наши строфы клясть.
Сегодня радость мы прославим,
А Парки могут тайно прясть.

Но горе! что порыв напрасный!
Когда, восторгом опьянен,
Я ласкам отдаюсь прекрасной,—
Мне говорят: зовет Харон.

Река любви влечет поэта,
Пактол глаза его манит:
Но ждет нас сумрачная Лета,
За Летою — горестный Коцит.

Прощайте, зрелища, химеры!
Лишь сладострастие со мной...
Сегодня ужин у Глицеры:
О, сто́ит жить для ней одной!

Но нет Глицеры! Лик Харона
Я вижу. О, жестокий Рок!
Мне ужинать в стране Плутона,
Я адский перешел поток.

Перевод В. Брюсова

Антуан АРНО
(1766—1834)

ЛИСТОК

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. «Не знаю сам;
Гроза разбила дуб родимый;
С тех пор, по долам, по горам
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете все стремится,
Куда и лист лавровый мчится
И легкий розовый листок».

Перевод В. Жуковского

УЕДИНЕНИЕ

Блажен, кто в отдаленной сени,
Вдали взыскательных невежд,
Дни делит меж трудов и лени,
Воспоминаний и надежд;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрыт, по милости творца,
От усыпителя-глупца,
От пробудителя-нахала.

Перевод А. Пушкина

МАЙСКИЙ ЖУК

«Чего же ты жужжишь? тебе дана свобода!» —
Так мальчик говорил, что майского жука
За лапку привязал на ветку ивняка.
Так Август говорил пред толпами народа.
Так ныне говорят иные в свой черед,
Что любят чувствовать указку господина.
Свобода, — в мыслях их, — веревка
в пол-аршина,
На коей бегают привязанный народ.

Перевод В. Брюсова

Никола-Жермен ЛЕОНАР
(1744—1793)

НЕСКРОМНЫЙ ВОПРОС

Однажды я спросил у милой
На утре радужного дня:
«Скажи, Дорида, сколько было
Твоих любезных до меня?»
И вижу я: она считает,
Все десять пальцев в ход пустив.
Мне краска щеки заливает,
И я дрожу, лицо склонив.
«Не легкий труд, как видно, это,—
Шепчу,— так много было их?»
Она в ответ: «Я до ответа
Сочту возлюбленных твоих».

Перевод В. Брюсова

Шарль МИЛЬВУА
(1782—1816)

ПЕСНЬ АРАБА НАД МОГИЛОЮ КОНЯ

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

О путник, со мною страданья дели:
Царь быстрого бега простерт на земли;
И воздухом брани уже он не дышит;
И грозного ржанья пустыни не слышит;
В стремленьи погибель его нагнала;
Вонзенная в шею дрожала стрела;
И кровь благородна струею бежала;
И влагу потока струя обагряла.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал

Убийцу сразила моя булава:
На прах отделенна скатилась глава;
Железо вкусило напиток кровавый,

И труп истлевет в пустыне без славы...
Но спит он, со мною летавший на брань;
Трикраты воззвал я: спутник мой, встань!
Воззвал... безответен... угаснула сила...
И бранные кости одеда могила.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

С того ненавистного страшного дня
И солнце не светит с небес на меня;
Забыл о победе, и в мышцах нет силы;
Брожу одинокий, задумчив, унылый;
Иеменя доселе драгие края
Уже не отчизна — могила моя;
И мною дорога верблюда забвенна,
И дерево амвры, и куща священна.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

В час зноя и жажды скакал он со мной
Ко древу прохлады, к струе ключевой;
И мавра топтали могучи копыты;
И грудь от противных была мне защита;

Мой верный соратник в бою и трудах,
Он, бодрый, при первых денницы лучах,
Стрелюю, покорен велению длани,
Летал на свиданья любви и брани.

О друг! кого и ветер в полях не обгонял,
Ты спишь — на зыбкий одр песков пустынных пал.

Ты видел и Зару — блаженны часы! —
Сокровище сердца и чудо красы;
Уста вероломны тебя величали,
И нежные длани хребет твой ласкали;
Ах! Зара как серна стыдлива была;
Как юная пальма долины цвела;
Но Зара пришьельца пленилась красою
И скрылась... ты, спутник, остался со мною.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

О спутник! тоскует твой друг над тобой;
Но скоро, покрыты могилой одной,
Мы вкупе воздремлем в жилище отрады;
Над нами повеет дыханье прохлады;
И скоро, при глаسه великого дня,

Из пыльного гроба исторгнув меня,
Величествен, гордый, с бессмертной красою,
Ты пламенной солнца помчишься стезею.

Перевод В. Жуковского

ЛЕТА

Душ холодных упованье,
Неприятный ручей,
Чье докучное журчанье
Усыпляет Элизей!
Так! достоин ты укора:
Для чего в твоих водах
Погибает без разбора
Память горестей и благ?
Прочь с нещадным утешеньем!
Я минувшее люблю
И вовек утех забвеньем
Мук забвенья не куплю.

Перевод Е. Баратынского

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ВЕРГИЛИЯ

От родины вдали и в хижине суровой,
Свои глаза смежить уже навек готовый,
Вергилий лиру взял, и нежный тихий глас
Печально зазвучал, увы! в последний раз.

«О Август, верный друг, один плыви далеко!
Я свой окончил путь, я гибну раньше срока,
И смерти вестница, пророча новый путь,
Уже томлением наполнила мне грудь.
Напрасно возвратил ты мне поля родные,
Не жить мне в их тиши, и руки здесь чужие
Мой бедный прах в земле безвестной погребут.
Неаполь! милый край! счастливейший приют!
Последней родиной тебя избрал я тщетно!
На берегах твоих, в твоей стране приветной
Как сладко бы уснул мой утомленный прах!
И скромный памятник на тихих берегах
Там нимфы, может быть, венками украшали б,
И путники порой, быть может, посещали б.
Прощай, родимый край, земля, где вырос я,
Прощай, отцовский кров, о родина моя!

О Мантуя, прощай! Да минет благосклонный
Марс — твой удел, увы! столь близкий от
Кремоны.

О вы, мои друзья, расстаться час настал!
Гораций и Назон, Тибулл и нежный Галл,
Припомните меня, когда не буду в мире.
Три раза ложе пусть стоит пустым на пире,
Три раза вспомните свершить под шум пиров
Вы возлиянья в честь Плутона и богов.
За память не могу иной я дать награды,
Как ваши песни спеть былым певцам Эллады.
Сколь я несчастней их! У славы я отъят,
И мой заветный труд еще едва начат».
Так говоря, берет он в руки «Энеиду»,
За мигом миг его лицо угрюмей с виду,
Решимость строгий взор его изобразил.
«Труд слабый, — говорит, — труд без огня,
без сил,

Погибни! Принесешь ты мне лишь посрамленье.
Костру я предаю незрелое творенье.
Приблизься, Альмедон, и выслушай меня:
Как только я умру, ты бросишь в пасть огня
Сей опыт юноши, наброски «Энеиды»,
И скажешь: это дар — вам, сестры Пиериды».

И с этой речью он, и с этою мольбой
Уснул; но уж лучи денницы молодой

Его тяжелых век сияньем не раскрыли.
Но скоро хижину огни озолотили;
Предсмертную мольбу исполнил Альмедон;
Им зажжена сосна, пахучий кедр зажжен,
Прощай, великий труд, ты будешь пепла гряда...
Но пламя вдруг дрожит и гаснет. Это чудо
Второй и третий раз опять повторено.
Дрожа, постиг старик, что от богов оно,
Он понял, что благих небес решение это!
И, иго сняв с себя тяжелого обета,
Бессмертный свиток он, что небом был храним,
С благоговением вручил тебе, о Рим.

Перевод В. Брюсова

ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

Желтел печально злак полей,
Брега взрывал источник мутный,
И голосистый соловей
Умолкнул в роще бесприютной.
На преждевременный конец
Суровым роком обреченный,
Прощался так молодой певец
С дубравой, сердцу драгоценной:
«Судьба исполнилась моя,
Прости, убежище драгое!
О прорицанье роковое!
Твой страшный голос помню я:
«Готовься, юноша несчастный!
Во мраке осени ненастной
Глубокий мрак тебе грозит;
Уж он зияет из Эрева,
Последний лист падет со древа,
Твой час последний прозвучит!»
И вяну я: лучи дневные
Вседневно тягче для очей;
Вы улетели, сны златые

Минутной юности моей!
Покину все, что сердцу мило.
Уж мглою небо обложило,
Уж поздних ветров слышен свист!
Что медлить? время наступило:
Вались, вались, поблеклый лист!
Судьбе противиться бессильный,
Я жажду ночи гробовой.
Вались, вались! мой холм могильный
От грустной матери сокрой!
Когда ж вечернею порою
К нему пустынную тропую,
Вдоль незабвенного ручья,
Придет поплакать надо мною
Подруга нежная моя,
Твой легкий шорох в чуткой сени,
На берегах Стигийских вод,
Моей обрадованной тени
Да возвестит ее приход!»

Сбылось! Увы! судьбины гнева
Покорством бедный не смягчил:
Последний лист упал со древа,
Последний час его пробил.
Близ роши той его могила!

С кручиной тяжкою своей
К ней часто мать приходила...
Не приходила дева к ней!

Перевод Е. Баратынского

Альфонс де ЛАМАРТИН
(1790—1865)

ОДИНОЧЕСТВО

Когда на склоне дня, в тени усевшись дуба
И грусти полн, гляжу с высокого холма
На дол, у ног моих простершийся, мне любо
Следить, как все внизу преобразует мгла.

Здесь плещется река волною возмущенной
И мчится вдаль, стремясь неведомо куда;
Там стынет озеро, в чьей глади вечно сонной
Мерцает только что взошедшая звезда.

Пока за гребень гор, где мрачный бор теснится,
Еще цепляется зари последний луч,
Владычицы теней восходит колесница,
Уже осеребрив края далеких туч.

Меж тем, с готической срываясь колокольни,
Вечерний благовест по воздуху плывет,

И медным голосам, с звучаньем жизни дольней
Сливающимся в хор, внимает пешеход.

Но хладною душой и чуждой вдохновенью
На это зрелище взирая без конца,
Я по земле влачусь блуждающею тенью:
Ах, жизнетворный диск не греет мертвеца!

С холма на холм вотще перевозжу я взоры,
На полдень с севера, с заката на восход.
В свой окоем включив безмерные просторы,
Я мыслю: «Счастье нигде меня не ждет».

Какое дело мне до этих долов, хижин,
Дворцов, лесов, озер, до этих скал и рек?
Одно лишь существо ушло — и, неподвижен
В бездушной красоте, мир опустел навек!

В конце ли своего пути или в начале
Стоит светило дня, его круговорот
Теперь без радости слежу я и печали:
Что нужды в солнце мне? Что время мне несет?

Что, кроме пустоты, предстало б мне в эфире,
Когда б я мог лететь вослед его лучу?

Мне ничего уже не надо в этом мире,
Я ничего уже от жизни не хочу.

Но, может быть, ступив за грани нашей сферы,
Оставив истлевать в земле мой бранный прах,
Иное солнце — то, о ком я здесь без меры
Мечтаю, — я в иных узрел бы небесах!

Там чистых родников меня пьянила б влага,
Там вновь обрел бы я любви нетленной свет
И то высокое, единственное благо,
Которому средь нас именованья нет!

Зачем же не могу, подхвачен колесницей
Авроры, мой кумир, вновь встретиться с тобой?
Зачем в изгнании мне суждено томиться?
Что общего еще между землей и мной?

Когда увядший лист слетает на поляну,
Его подьмет ветр и гонит под уклон;
Я тоже желтый лист, и я давно уж вяну:
Неси ж меня отсель, о бурный аквилон!

Перевод Б. Лившица

ПРИЗЫВАНИЕ

О ты, которая мне в душу заглянула,
Как странница земли, как горний серафим, —
Твоя любовь лучом во тьме блеснула
Глазам восторженным моим.
Явися мне, прелестное созданье,
Скажи мне имя, родину и цель:
Земля ль твоя святая колыбель,
Иль ты небесное дыханье?

Не завтра ль озарит тебя веков светило,
Или тебя здесь небо осудило
Идти в изгнание по трудному пути?..
Ах, кто б ты ни была, с каким бы назначеньем,
О дочь земли иль гостя горних мест,
Позволь мне жизнь с твоим боготвореньем
Тебе, как дар любви моей, принести!

Когда ты на земле здесь с нами остаешься,
Будь мне подругою — и знай, что я тот прах
Целую, где земли ты ножкою коснешься;
Но если ты на миг один у нас в гостях

И скоро к ангелам на ангельских крылах,
Любив меня лишь миг, на небо вознесешься, —
То вспомни обо мне в блаженных небесах.

Перевод А. Фета

ОЗЕРО

Итак, всему конец! К таинственному берегу
Во мрак небытия несет меня волной,
И воспротивиться на миг единый бегу
Не в силах якорь мой.

Ах, озеро, взгляни: один лишь год печали
Промчался — и теперь на самых тех местах,
Где мы бродили с ней, сидели и мечтали,
Сижу один в слезах!

Ты так же со скалой угрюмою шептало
И грызло грудь ее могучею волной
И ветром пену с волн встревоженных кидало
На ножки дорогой.

О вечер счастья! где ты, когда я с нею
Скользил по озеру, исполнен сладких дум,
И услаждал мой слух гармонией своею
Согласных весел шум?

Но вдруг раздался звук среди тишины священной.
И эхо сладостно завторило словам,

Притихло озеро — и голос незабвенный
Понесся по волнам:

«О время, не лети! Куда, куда стремится
Часов твоих побег?»

О дай, о дай ты нам подоле насладиться
Днем счастья, днем утех!

Беги для страждущих, — довольно их воззвала
Судьба на жизни путь! —

Лети и притупи их рока злое жало
И счастливых забудь.

Напрасно я прошу хоть миг один у рока:
Сатурн летит стрелой.

Я говорю: о ночь, продлись! — и блеск востока
Уж спорит с темнотою.

Любовь, любовь! Восторгов неужели

Не подаришь ты нам —

У нас нет пристани, и время нас без цели

Мчит быстро по волнам».

О время, неужель позволено судьбою,

Чтоб дни, когда любовь все радости свои

Дает нам, пронесли с такой же быстротою,
Как горестные дни?

Ах, если бы хоть след остался наслаждений!
Неужели всему конец и навсегда,
И время воротить нам радостных мгновений
Не хочет никогда?

Пучины прошлого, ничтожество и вечность,
Какая цель у вас похищенным часам?
Скажите, может ли хоть раз моя беспечность
Поверить райским снам?

Ах, озеро, скалы, леса и сумрак свода
Пещеры, — смерть от вас с весною мчится прочь!
Не забывай хоть ты, прелестная природа,
Блаженнейшую ночь!

В час мертвой тишины, в час бурь осwirепелых,
И в берегах твоих, играющих с волной,
И в соснах сумрачных, и в скалах поседелых,
Висящих над водой,

И в тихом ветерке с прохладными крылами,
И в шуме берегов, вторящих берегам,

И в ясной звездочке, серебристыми лучами
Скользящей по струям.

Чтоб свежий ветерок дыханьем ароматным
И даже шелестом таинственным тростник, —
Все б говорило здесь молчанием понятным:
«Любовь, заплачь о них!»

Перевод А. Фета

ЗЛОБНЫЙ ГЕНИЙ

Когда задумчивый, унылый
Сижу с тобой наедине
И, непонятной движим силой,
Лью слезы в сладкой тишине;
Когда во мрак густого бора
Тебя влеку я за собой;
Когда в восторгах разговора
В тебя вселяюсь я душой;
Когда одно твое дыханье
Пленяет мой ревнивый слух;
Когда любви очарованье
Волнует грудь мою и дух;
Когда главою на колена
Ко мне ты страстно припадешь
И кудри пышные гебена
С небрежной негой разовьешь,
И я задумчиво покою
Мой взор в огне твоих очей, —
Тогда невольною тоскою
Мрачится рай души моей.
Ты окропляешь в умиленьи
Слезой горючею меня;
Но и в сердечном упоеньи
В восторге чувств страдаю я.

«О мой любезный! ты ли муки
Мне неизвестные таишь? —
Вокруг меня обвивши руки,
Ты мне печально говоришь. —
Прошу за страсть мою награды!
Открой мне, милый, скорбь твою!
Бальзам любви, бальзам отрады
Тебе я в сердце излию!»

Не вопрошай меня напрасно,
Моя владычица, мой бог!
Люблю тебя сердечно, страстно —
Никто сильнее любить не мог!
Люблю... но змий мне сердце гложет;
Везде ношу его с собой,
И в самом счастье тревожит
Меня какой-то гений злой.
Он, он мечтой непостижимой
Меня навек очаровал,
И мой покой ненарушимый
И нить блаженства разорвал.
«Пройдет любовь, исчезнет радость, —
Он мне язвительно твердит, —
Как запах роз, как ветер, младость
С ланит цветущих отлетит!..»

Альфред де ВИНЬИ
(1797—1863)

РОГ
(Отрывок)

Люблю я звучный рог в глубокой мгле лесов,
Пусть лани загнанной он знаменует зов
Или охотника прощальные приветы,
Вечерним ветерком подхваченные где-то.

Не раз ему в ночи, дыханье затая,
Внимал я радостно, но чаще плакал я,
Когда мне чудилось, что, издали нахлынув,
Плывут предсмертные стенанья паладинов.

О, горы синие! О, скалы в серебре!
Фразонские пласты! Долина Марборе!
Стремящиеся вниз, сквозь снежные преграды,
Источники, ручьи, потоки, водопады!

Подножья в зелени, вершины изо льда,
Двухъярусный убор, застывший навсегда,

О, как средь вас звучат торжественно и строго
Раскаты дальние охотничьего рога!

Перевод Б. Лившица

СМЕРТЬ ВОЛКА

I

Как над пожарищем клубится дым летучий,
Над раскаленную луною плыли тучи.
Мы просекою шли. Недвижно мрачный лес,
Чернея, достигал верхушками небес.
Мы шли внимательно — и вдруг у старой ели
Глубокие следы когтей мы разглядели;
Переглянулись все, все затаили дух,
И все, остановясь, мы наострили слух.
— Все замерло кругом. Деревья не дышали;
Лишь с замка старого, из непроглядной дали,
Звук резкий флюгера к нам ветер доносил,
Но, не спускаясь вниз, листвою не шелестил, —
И дубы дольные, как будто бы локтями
На скалы опершись, дремали перед нами.
На свежие следы пошел один из нас —
Охотник опытный: слух чуткий, верный глаз
Не изменял ему, когда он шел на зверя, —
И ждали молча мы, в его уменье веря.
К земле нагнулся он, потом на землю лег,
Смотрел внимательно и вдоль и поперек,
Встал, и, значительно качая головою,
Нам объявил, что здесь мы видим пред собою

След малых двух волчат и двух волков больших.
Мы взялись за ножи, стараясь ловко их
Скрывать с блестящими стволами наших ружей,
И тихо двинулись. Как вдруг, в минуту ту же,
Ступая медленно, цепляясь за сучки,
Уж мы заметили — как будто огоньки —
Сверканье волчьих глаз. Мы дальше все
стремились,

И вот передние из нас остановились.
За ними стали все. Уж ясно видел взгляд
Перед волчицею резвившихся волчат,
И прыгали они, как псы с их громким лаем,
Когда, придя домой, мы лаской их встречаем;
Но шуму не было: враг-человек зверям
Повсюду грезится, как призрак смерти нам.
Их мать красиво так лежала перед ними,
Как изваяние волчицы, славной в Риме,
Вскормившей молоком живительным своим
Младенцев, призванных построить вечный Рим.
Спокойно волк стоял. Вдруг, с молнией во взгляде,
Взглянув кругом себя, поняв, что он в засаде,
Что некуда бежать, что он со всех сторон
Людьми с рабами их, борзыми, окружен,
Он к своре бросился и, землю взрыв когтями,
С минуту искал, кто злее между псами...

Мы только видели, как белые клыки
Сверкнули, с жертвою, попавшею в тиски.

Казалось, не было такой могучей власти,
Чтоб он разжал клыки огнем дышавшей пасти:
Когда внутри его скрещался нож об нож,
Мы замечали в нем минутную лишь дрожь;
Одна вслед за другой в него влетая, пули
В тот только миг его значительно шатнули,
Когда, задавленный, из челюстей стальных,
Свалился наземь пес в конвульсиях немых.

Тогда, измерив нас уж мутными глазами,
В груди и в животе с вонзенными ножами,
Увидев в близости стволов грозящих круг, —
До выстрела еще, он на кровавый луг
Лег сам — перед людьми и перед смертью
гордый, —

Облизывая кровь, струившуюся с морды.
Потом закрыл глаза. И ни единый звук
Не выдал пред людьми его предсмертных мук.

II

Не слыша более ни выстрела, ни шума,
Опершись на ружье, я увлечен был думой.
Охотники давно преследовать пошли
Волчицу и волчат — и были уж вдали,
Я думал о вдове красивой и суровой.
Смерть мужа разделить она была б готова,
Но воспитать детей повелевал ей долг,

Чтобы из каждого хороший вышел волк:
Чтобы не шел с людьми в их городах на стачки,
Чтоб голод выносил, но чтоб не брал подачки, —
Как пес, который гнать из-за кустов готов
Владельцев истинных из их родных лесов.

III

О! если б человек был так же духом тверд
Как званием своим «царя зверей» он горд!
Бесстрашно умирать умеют звери эти;
А мы — гордимся тем, что перед ними дети!
Когда приходит смерть, нам трудно перенять
Величие зверей — умение молчать.
Волк серый! Ты погиб, но смерть твоя прекрасна.
Я понял мысль твою в предсмертном взгляде
ясно.

Он говорил, твой взгляд: «Работай над собой,
И дух свой укрепляй суровою борьбой
До непреклонности и твердости могучей,
Которую внушил мне с детства лес дремучий.
Ныть, плакать, вопиять — все подло, все равно.
Иди бестрепетно; всех в мире ждет одно.
Когда ж окрепнешь ты, всей жизни смысл
проникнув, —
Тогда терпи, как я, и умирай, не пикнув».

Виктор ГЮГО
(1802—1885)

МОТЫЛЕК И РОЗА

Шептала Мотыльку застенчивая Роза:

«О милый мой!

Не схожи мы судьбой: я вечно здесь; как греза,
Ты надо мной!

Друг друга любим мы; моя земная доля

Тебе близка;

И часто кажется, что на просторе поля

Мы — два цветка!

Но я прикована, а ветерка дыханье

Тебя влечет,

И тщетно я хочу струить благоуханье

На твой полет!

Вспорхнув, ты радостно уносишься над лугом

В лазурный день!

А я слежу, как здесь меня обходит кругом
Моя же тень!

То улетаешь ты, то близко; то со мною,
То в небесах,
И я покорно жду, но с каждою зарею
Я вся в слезах.

О царь мой! чтоб могли мы оба, без усилия,
Дышать, любя, —
Прильни к земле, как я, иль дай мне тоже
крылья,
Как у тебя!»

Перевод В. Брюсова

MUGITUSQUE BOVUM...*

Мычание волов в Вергилиевы годы,
На склоне дня среди безоблачной природы,
Иль в час, когда рассвет, с полей прогнавши
мрак,
Волнами льет росу, ты говорило так:

— Луга, наполнитесь травой! Зрите, нивы!
Пусть свой убор земля колеблет горделивый
И жатву воспоет средь злата хлебных рек!
Живите: камень, куст, и скот, и человек!
В закатный час, когда в траве, уже багряной,
Деревья черные, поднявшись над поляной.
На дальний косогор, как призраки, ползут,
И смуглый селянин, дневной окончив труд,
Идет в свой дом, где зрит над кровлей струйку
дыма,

Пусть жажда встретиться с подругою любимой,
Пускай желание прижать к груди дитя,
Вчера лишь на руках шалившее, шутя,

---

* И мычание волов... (лат). — Вергилий, «Георгики»,
кн. 2, ст. 470.

Растут в его душе, как удлиненье тени!
Предметы! Существа! Живите в легкой смене,
Цветя улыбками, без страха, без числа!
Покойся, человек! Будь мирен, сон вола!
Живите, множьтесь! Бросайте всюду семя!
Пускай, куда ни глянь, почувствуется всеми,
При входе ли в дома, под цвелью ли болот,
В ночном ли трепете, объявшем небосвод,—
Порыв безудержный любить: в траве ль зеленой,
В пруде ль, в пещере ли, в просёке ль
оголенной,

Любить всегда, везде, любить, что хватит сил,
Под безмятежностью темно-золотых светил.
Заставьте трепетать уста, крыла и воздух,
Сердцебиения любви, забывшей роздых!
Лобзанье вечное пускай лежит на всем,
И миром, счастьем, надеждой и добром,
Плоды небесные, падите вниз, на землю! —
Так говорили вы, и, как Вергилий, внемлю
Я вашим голосам торжественным, воны,
И нежит лебедя — вода, скалу — валы,
Березу — ветерок, и человека — небо...
О, естество! О, тень! О, пропасти Эреба!

Перевод Б. Лившица

ЗАТМЕНИЕ

Порой сомнение земной объемлет шар.
В глазах у всех темно; туман иль странный пар.
Не знаешь: сумерки ли это иль похмелье?
Куда ни глянь — ни в ком ни гнева,

ни веселья

Исчезновение уже смущает нас.
Впивается во тьму совиный желтый глаз.
Все виды молнии на небесах змеятся.
Алтарь склоняется, и черви в нем роятся.
Во мраке Ирменсул — почти Иегова.
Мудрец роняет вслух бессвязные слова.
Все спутано: добро со злом, и правда с ложью;

У лестницы Числа чуть видимо подножье,
И вверх по ней никто, отважный, не скользит.
Там — в Гефсимании Додонин глас звучит;
Там — где гремит Синай — дымится рядом

Этна;

Толпятся, ссорятся, дивятся безответно.
Указывает путь один слепой другим.
Неправы небеса пред разумом людским.
Мыслитель верует, мудрец уже не верит,
А совесть слушает, и пробует, и мерит,

И, сбита с пути, ощупывает мрак:
Где Веда чистая? Где вымыслы писак?
Всех добродетелей исчезли очертанья.
Разгул чудовищных теней — на дне сознанья,
И в глубине небес, где скрылось божество, —
Ни клятв, ни честности, ни веры — ничего.
Вершина чуть видна, а маяка следа нет
И ответ факела тиару всю багрянит.
Блуждают, ждут, глядят в смятении кругом.
Любовь во всех сердцах, волнуясь, бьет крылом,
Не ведая, верна ль природа ей людская.
Зги не видать. Кричат, друг друга окликают:
«Кто там? Ответь!» Сосед не узнает порою
Соседа. Вся толпа — сплошной пчелиный рой.
Друг к другу тянутся, глядят в глаза, но все же
Разобщены, и зло и ночь средь царства дрожи
Воздвигли свой престол. Несчастливая толпа
В глубокой пропасти беспомощно слепа.
Как будто ледоход на дне пучин грохочет.
Все близко и темно; мрак надо всем хохочет.
Дождит: небесный свод сокрыли облака.
Ребенок малый стал похож на старика.
И кажется, что нет отныне жизни вечной.

Зловещая душа зрит в муке бесконечной
Затменье господ, внушающее страх.

Рождение ли? Иль смерть? Когда? В каких
мирах?

Народы сумрачны и трепетом объаты,
Слились в единый гул и горны, и набаты;
Холодный ветер с земли сорвал последний грим,
И демон говорит с улыбкой: «Я — незрим».

Перевод Б. Лившица

Я ВИДЕЛ ГЛАЗ ТЕЛЬЦА

Я видел Глаз Тельца. И я сказал ему:

— О ты, пронесший к нам сквозь адскую ли
тѣму,
Сквозь светы ль райские, огонь неизмеримый,
Ты знаешь свой закон, как я — твой облик
зримый

От тайны к тайне нам немислим переход.

Все — сфинкс. Как знать, когда, робея, небосвод

Кометы яростной принять обязан пламя,

Что в нем сотрет она своими волосами?

В сем мире бытия, где все имеет смысл,

Ответь, ты кто — маяк иль ночи черной мыс?

Быть может, ты маяк, зажженный на бугшприте,

И жизнь вокруг тебя — водоворот событий?

Светило! В час, когда все было рождено,

Подобное другим, вошло ты, как звено,

В цепь страшных судорог и шквалов бурой пены

Слепого хаоса, что стать желал вселенной.

Как все живущее: полип иль алкион,

Ты в ритме творческом свой обрело закон;

Ты горних ужасов — лежишь — печать большая

И пламенной строфой искришься, завершая

Огромный звездный гимн, что небом мы зовем:

Природа — вечный Пан — должна в свой окоем,
Остолбенеv, принять тебя, как сновиденье!
Альдебаран! Брегов неведомых свечение,
Ты не вполне горишь на дне пучин ночном,
Как те, что солнцами нарек нам астроном.
Склонив блестящий лик над пропастью незримой,
Ты не вполне похож собой на херувима.
О призрак! О мираж! Ты все же не вполне
Лишь зрительный обман в зловещей вышине.
Но что в тебе признать должны мы дивом дивным:
Ты — света колесо, вращеньем непрерывным —
Расцветши навсегда — наш услаждаешь глаз:
То жемчуг, то сапфир, то оникс, то алмаз.
Обвитый молнией и ею светел, чудом
Ты вдруг становишься из лала изумрудом.
Тобой был некогда смятен ливийский маг,
При виде радуги твоей. Но знай, что так
Блестишь ты не один, преград себе не зная:
Душа людей, как ты, — планета четверная.
В нас — чудеса твои. Светило, вот они!
Поэзия с тобой сравнилась искони:
Орфей, Гомер, Эсхил и Ювенал — четыре
Ее глашатая. Когда в затихшем мире,
На утренней заре иль в сумеречный час,
Поют кузнечики и птичий слышен глас,
Где Арно, где Авон, где Инд — повсюду музы
Мы зрим присутствие. Тягчайшие обузы

Снимая с наших плеч, она ни на один
 Не покидает миг своих святых вершин.
 За Каллиопою, Полимнией, Эрато
 И Немезидою — гармонии крылатой,
 И дик и радостен, предвечный лик сквозит;
 Она идиллию громами разрешит.
 Светило! В ней — любовь, и смех, и гнев, и бездны
 Скорбей, как и в тебе, великий вихорь звездный.
 Глагол и луч, она кротка к своим рабам,
 Советы подает народам и царям,
 Поет благим сердцам, льет свет
 добра — злонравным,
 Речет — и тайное соделывает явным.
 В ней человечество находит тот размах,
 Что, сбросив цезарей, взнесенных на щитах,
 Развенчивает их, идею лишь лелея.
 В ней — Франция и Рим, Эллада и Халдея.
 Полюбит драмою, сатирою сразит,
 Псалмом иль песнею печально зазвучит,
 А в эпопее зрят властители дурные
 Последствия слепой и глупой тирании,
 Неотвратимый исход всех сеятелей зла:
 Карету в золоте, что их во храм везла
 На увенчание, и тут же, рядом — спицы
 Едва приметные позорной колесницы.
 Она свершает здесь, где плачется Адам,
 Что в бесконечности ты совершаешь сам.

Но если, следуя высокому завету,
Приводишь к цели ты безумную комету
И выправляешь звезд блуждающих пути,
Мы силой разума умеем обрести,
Где — бог, где — ад, где — цель и счастья
и страданий,
Вертящийся маяк на звездном океане!

Перевод Б. Лившица

OCEANO NOX

Вас сколько, моряки, вас сколько, капитаны,
Чтоплыли весело в неведомые страны,
В тех далях голубых остались навсегда!
Исчезло сколько вас, — жестокий, грустный жребий!
В бездонной глубине, при беспросветном небе,
Навек вас погребла незрячая вода!

Как часто путь назад не мог найти к отчизне
Весь экипаж судна! Страницы многих жизней
Шторм вырывал и их бросал по волнам вмиг!
Вовек нам не узнать судьбы их в мгле туманной.
Но каждая волна неслась с добычей бранной:
Матроса та влекла, а та — разбитый бриг.

И никому не знать, что́ стало с вашим телом,
Несчастные! Оно, по сумрачным пределам
Влачась, черепом о грани камней бьет.
А сколько умерло, единой грезой живших,
Отцов и матерей, часами стороживших
На берегу — возврат того, кто не придет!

Порой, по вечерам, ведут о вас беседы,
Присев на якорях, и юноши и девы

И ваши имена опять твердят, смешав
Со смехом, с песнями, с рассказами о шквале
И с поцелуем тех, кого не целовали, —
Тогда как спите вы в лесу подводных трав.

Мечтают: «Где они? на острове безвестном,
Быть может, царствуют, расставшись с кругом
тесным
Для лучших стран?» Потом — и имена в туман
Уходят, как тела ушли на дно бесследно,
И Время стелет тень над вашей тенью бледной —
Забвенье темное на темный океан.

Вас забывают все — с тем, чтоб не вспомнить
снова:
Свой плуг есть у того, свой челн есть у другого!
И только в ночь, когда шторм правит торжество,
Порой еще твердит о вас вдова седая,
Устав вас ожидать и пепел разгребая
Пустого очага и сердца своего.

Когда же и ее закроет смерть ресницы,
Вас некому назвать! — ни камню у гробницы
На узком кладбище, пугающем мечту,
Ни иве, что листья роняет над могилой,
Ни даже песенке, наивной и унылой,
Что нищий пропоет на сгорбленном мосту!

Где все, погибшие под голос непогоды?
О, много горестных у вас рассказов, воды
(Им внемлют матери, колена преклонив!),
Их вы поете нам, взнося свой вал мятежный, —
И потому у вас все песни безнадежны,
Когда вы катите к нам вечером прилив!

Перевод В. Брюсова

МАРГАРИТКА

В долине вечерний играл ветерок...
Роскошное солнце — небесный цветок,
Мешая разлиться таинственной мгле,
На западе тихо склонилось к земле.
А тут, недалеко, над ветхой стеной,
Поросшей крапивой и сорной травой,
Взошла маргаритка, в наряде простом,
В венке белоснежно-лучистом своем,
И, глядя, как солнце горит в небесах,
Шептала: «Я так же, как солнце, в лучах!»

Перевод С. Дурова

* * *

Земля кремнистая, холодная, скупая,
Где, пот и кровь свою обильно проливая,
Из одного куска насущного весь век
В трудах и горестях томится человек;
Где человек и сам черствеет, словно камень;
И где из городов заметно со дня на день
Бежит все лучшее, что только в мире есть:
Свобода, Правда, Любовь, Покой и Честь;
Где гордость — общий бог; где заступом

МОГИЛЬНЫМ

Слепая смерть грозит и сильным и бессильным;
Где высота — там мрак; где золото — там все
Вертится перед ним, как будто колесо;
В лесах — свирепый волк; в селеньях —

ЛЮТЫЙ ГОЛОД;

Здесь зной тропический, а там полярный холод;
Среди взволнованных грозой морских зыбей
Везде виднеются обломки кораблей,
А на полях кругом мятеж толпы голодной,

Иль зарево войны кровавой и бесплодной;
Пожарища и стон повсюду в городах...

И это, это все — звезда на небесах!

Перевод С. Дурова

У НОЧНОГО ОКНА

1

Златые иглы звезд сверкают меж ветвями,
Лоснистая волна тяжелыми струями
Бьет в океанский брег;
Порою облака проносятся, как птицы,
И ветер шепчет слов бессвязных вереницы,
Как спящий человек.
В природе все течет, как из раскрытой урны:
Огонь переходит в дым, и в пену — вихорь
бурный,
Все — мимолетный миг.
Что можно взять, держать и сохранить навеки?
Летит за часом час, и с каждым часом некий
Мы видим в мире сдвиг.
Где неподвижность звезд в сей движущейся
тайне?
Что — небо зримое, действительно ль бескрайне
И вечно ли оно?
Над нами россыпь солнц всегда ль одна и та же?
Потомок узрит ли все тех же самых стражей,
Что видеть нам дано?

2

О ночи, будете ль всегда вы тем, что ныне?
Навеки ли разбит шатер небесной сини
Над головой у нас?
Скажи, Альдебаран, ответь, кольцо Сатурна,
Не узрим ли когда в личине безлазурной —
Сквозь прорезь — новых глаз?

Не загорятся ли там новые светила,
И дуги новые, и новые стропила,
Что вечный зодчий ввел
В собор, чьим папертям конца не знает,
Где семисвешником Медведицы пылает
Чудовищный престол?

Сей ветер, что дал вам жизнь среди голубого
лона,

Венера, Сириус, созвездье Ориона,
Ужель навек затих?
И никогда, его дыханием согреты,
Уж не поднимутся в апреле вечном светы
Цветов совсем других?

Познали ли мы мир с его безмерным чудом,
Мы, тростники болот, мы, черви, чья под спудом
Слюда едва блестит?
Кто вымолвит средь нас кощунственное слово,
Что на челе ночей господь тиары новой
Уже не поместит?

3

Ужели Бог вконец свое растратил пламя?
Не извергает ли миры он за мирами?
Ответь, Зенит! НаDIR!
Не полнит ли господь собой свое творенье?
Ужель угасших уст излил он все горенье
В наш охладевший мир?

Когда огромные являются кометы,
С собою принося глубин бездонных свету,
Дано ли видеть нам,
Куда бегут они — вселенные иль души,
Скиталицы пучин, горящие втируши,
По нашим небесам?

Кто, у истока став, познал первопричину?
Кто, магом и царем сойдя в сию пучину,
Всех тайн хранит ключи?

О, призраки людей, несчастием согбенных!
Кто произнес: «Творец, нам хватит солнц-
вселенных.

Довольно. Опочий!»

Кто мятежом попрет закон тысячелетий?
Кто в силах запретить чему-нибудь на свете
Движение его?
Расширившись, всегда любой предел осилишь,
Вся тварь живет, растет и множится, а мы лишь
Свидетели всего.

Мы — лишь свидетели, мы — в трепете
глубоком.

Как все живущее, живым исполнен соком
Высокий небосвод,
И древо дивное, живя в сплетеньях темных,
Возносит в небеса — своих ветвей огромных
Неисчислимый плод.

Творенье впереди, за ним стоит создатель,
А человек — увы, лишь жалкий наблюдатель
Обличия вещей.
Достаточно поднять чело над тем, что — рядом.
Чтоб за завесою скрестить свой взгляд со взглядом
Всевидящих очей.

4

Не скажем же себе: «У нас свои светила!»
Быть может, флоты солнц, уже раскрыв ветрила,
Плывут на нас сейчас.
Быть может, одолев предвечную истому,
Творец перекроит по чертежу иному
Все то, что видит глаз.

Как знать? Кто даст ответ? Над темным
небосклоном,
Над сим, созданными творца загроможденным
Священным лесом сил,
Что волны бытия питают в иступленье,
Быть может, узрим мы внезапное явление
Испуганных светил, —

Растерянных светил, пришедших из пучины,
Восставших из глубин иль бросивших вершины
И в наш земной туман,
Под своды черные, воспламенившись в беге,
Упавших стаяй птиц, которых сбил на бреге
Свирепый ураган.

Они появятся, зардевшись издалече,
Смерч грозных светочей, рубиновые печи,

Сжигая все окрест,
Уничтожая нас, перегорая сами,
Затем что наряду с блаженными мирами
Есть злые духи звезд.

Быть может, в этот миг — на дне ночей
беззвездных

Уже вздувается рожденный в мрачных безднах
Блестящих светов рой,
И бесконечности неведомое море
На наши небеса стремится и сбросит вскоре
Смертельных звезд прибой.

Перевод Б. Лившица

НАРОДУ

Тебе подобен он: ужасен и спокоен,
С тобою он один соперничать достоин.
Он — весь движение, он мощен и широк.
Его смиряет луч и будит ветерок.
Порой — гармония, он — хриплый крик порою.
В нем спят чудовища под синей глубиною,
В нем набухает смерч, в нем бездн безвестный ад,
Откуда смельчаки уж не придут назад,
Колоссы прядают в его простор свирепый:
Как ты — тиран, корабль он превращает
в щепы.

Как разум над тобой, маяк над ним горит.
Кто знает, почему он нежит, он громит?
Волна, где, чудится, гремят о латы латы,
Бросает в недра тьмы ужасные раскаты.
Сей вал тебе сродни, людской водоворот:
Сегодня заревев, он завтра всех пожрет.
Как меч, его волна остра. Прекрасной дщери,
Он вечный гимн поет рожденной им Венере.
В свой непомерный круг он властно заключил,
Подобно зеркалу, весь хоровод светил.
В нем — сила грубая, и прелесть в нем живая.

Он с корнем рвет скалу, былинку сберегая.
К вершинам снежных гор он мечет пену вод,
Но только он, как ты, не замедляет ход,
И, на пустынный брег ступивши молчаливо,
Мы взор вперяем вдаль и верим в час прилива..

Перевод Б. Лившица

НАПОЛЕОН III

Свершилось! От стыда должна бы зареветь,
Приветствуя тебя салютом, пушек медь!
Привыкнув ко всему подкрадываться сзади,
Ты уцепился, карл, теперь за имя дяди!
Самовлюбленный шут, устроив балаган,
Ты в шляпу Эсслинга втыкаешь свой султан,
Наполеонов сон тревожа в тьме могильной,
Ты пробуешь сапог натянуть семимильный
И, жалкий попугай, расправивши крыла,
На свой насест зовешь Аркольского орла!
Терсит уж родственник Ахилла Пелиада!
Так вот к чему вела вся эта Илиада!
Так это для тебя вставал на брата брат
И русские войска гнал пред собой Мюрат?
Так это для тебя сквозь дым и огонь орудий
Навстречу смерти шли, не дрогнув, эти люди
И, кровью напоив ненасытимый прах,
Слагали голову в эпических боях?
Так это для тебя — уже теряя силы,
Весь материк дрожал от поступи Аттилы,
И Лондон трепетал, и сожжена Москва?
Все, все для твоего, о карлик, торжества:
Чтоб мог ты, внемя лесть Фьялена, Маскарильи,

Развратничать в кругу придворной камарильи,
Чтоб в луврских оргиях делил с тобой угар
Разгульных пиршеств Дейц иль господин Мокар?
Так это для тебя — по киверам, папахам
Пронесся грозный смерч? Погиб под Рейхенбахом
Дюрок? Сражен ядром при Ваграме Лассаль?
Так это для тебя — безмерная печаль
Вставала призраком со снежных перепутий?
Картечью Коленкур настигнут был в редуте,
И гвардия легла костями под Ватерло?
В тот самый час, когда, огромное крыло
Влача по насыпям могильным и курганам,
Нам обнажает ветер на каждом поле бранном
Несчетных черепов зияющий оскал, —
По славным поприщам ты бродишь, как шакал,
И именем чужим орудуешь, пройдоха!
И вот уж щелкает в руке у скомороха
Бич, всех властителей земных повергший ниц,
И солнечных коней — Маренго, Аустерлиц,
Мондови, Риволи, — позоря их возницу,
В свою впрягаешь ты, ничтожный, колесницу!

Перевод Б. Лившица

* * *

Вергилий, бог, едва не ставший серафимом,
Подчас венчает стих лучом неизъяснимым —
Ведь он еще в те дни в наш кругозор проник
И пел, когда Христа был слышен детский крик.
Ведь он из тех, кого касалось языками
С востока дальнего прорвавшееся пламя.
Ведь он из тех, кого на горней высоте
Златил, забрезжив, день, рассветший во Христе!
Так вифлеемская заря, еще незрима,
По воле божией чело светлила Рима.

Перевод Б. Лившица

* * *

1

Нисходит жизнь моя уж в сумрак гробовой,
И мне доступней смысл вещей потусторонний:
Прекрасней праведник, поверженный судьбой;
Обожествленье солнц — когда они на склоне.

Брут, падая на меч, Катона не дивит;
Мор, помня Фрозия, не думает спастись;
Сократ, кого поит цикутою Анит,
Мешает ли Христу блаженно улыбаться?

Тупой и суетный, мимо идет народ.
Лишь собственное нам ужасно осужденье,
И совесть чистая, лаская нас, дает
Сияние душе и плоти очищенье.

Над горькой бездною я умиротворен.
Люблю сей дикий шум — безбрежности начало;
Ловлю и говор волн, и ночью ветра стон,
И отдаюсь всему, что скорбью в них звучало.

2

Нам нужен хоть один, кто б молвил: я готов —
Родная Франция, я жертвую собою!
Чтоб совести в сердцах еще не умер зов,
Народ! чтоб ты пребыл горящею душою!

Чтоб нынче, как вчера, — всегда чисты, как
твердь
В погоду ясную, и сильны волей твердой,
Средь нас нашлись они, приемлющие смерть,
Изгнание и ночь таинственно и гордо.

Я сам — из тех, кого на землю валит рок,
Бичуя опытом и долгом наказуя,
Но счастья скорбного сомнительный цветок
И радость мрачную, не сетуя, беру я.

Другие, лучшие, чем я, уж умерли:
Присноблаженствуют во славе невечерней.
Они взнеслись с Голгоф. На чела их легли
Сиянья, что идут от всех венцов и терний.

В них — все великое: страданье и любовь.
Их лики светятся — как бы дары сквозь воздух;

На крестном их пути страдальческая кровь
Застыла звездами и говорит о звездах.

3

Сократ — провидец. Я — свидетель жизни сей —
Иду, оставив все в руках жестоких рока,
И слышу дальний смех моих былых друзей,
Пока я прохожу, задумавшись глубоко.

Друг другу говорят они, мне мнится, так:
— Что там на берегу вдали маячит тенью?
Смотрите-ка туда. Оно стоит, никак.
Ужели человек иль только привиденье?

Друзья, то — человек и призрак вместе с тем!
Он взором погружен в спокойные глубины
И, в жажде умереть, стал у могилы, нем,
Пленный тучей, где дрожат дерев вершины.

О, ведайте, иной моей поры друзья,
Когда б я говорил, о вас бы вел я речи.
Задумчивостью скорбь свою питаю я,
К заре последней льнет таинственный мой вечер.

Вы — те, что молвили: он прав! — а по домам
Готовы вновь поднять меня на посмеянье,
Я мало претерпел, я меньше значу сам,
И не меня мое касается страданье.

Но кто бы вы и что б вы ни были теперь,
Как может сердце в вас ничем не разрываться?
Ужель среди близких нет совсем у вас потерь?
Как знать, где мертвые? Как в силах вы смеяться?

4

Я вижу: счастлив тот, кто все переживет!
И, призрак, ухожу ютиться меж развалин.
На бреге рыбаки следят за ростом вод.
Увеличения теней я жду, печален.

Я созерцаю; мне пустыня лишь нужна.
Из сердца удалив желаний бранных семя,
Стараюсь вовремя очнуться ото сна,
Что называется обычно жизнью всеми.

Смерть уведет меня в блаженный свой уют:
Уж кони черные браздят пространство где-то.
Как я похож на тех, что, поспешивши, ждут,
Когда же на пути нагонит их карета!

Мне жалость не нужна: я осужден на смерть,
Но дух мой, облечен в рассвет и скорбь, как
в стóлу,
Сквозь дыры на руках Христовых видит твердь:
Ведь только мученик — источник света долу.

5

Я грежу, истина, тобой лишь ослеплен.
Число моих врагов? Им нету исчисленья.
Воспоминания рассеялись, как сон.
Во мне встает, как тень, обширное забвенье.

Я даже имени не знаю тех, кто грыз
Меня, мечтателя, позорной клеветою.
Я вижу на верху горы сиянье риз,
Твое крыло, душа, слегка уж голубое!

О, если я кому, желая лично мстить,
Нанес хотя удар вне поля общей брани,
О, если я сказал сурово: ненавидь! —
Хотя бы одному из любящих созданий,

О, если кто-нибудь мной в сердце ранен был —
Как громовой удар, приемлю кару божью!

МИШЕЛЮ НЕЮ

О вы, сыны отцов, уже прошедших мимо,
Но сделавших славней наш край, чем оба Рима, —
Для нас, исчезнувших в таинственной тиши!
Играйте, бегайте пред нами, малыши!
К невинным вашим лбам приобщена лукаво
История, и вы полны французской славой.
Когда сознания придут для вас года,
На лики предков взор вперяйте, и всегда,
С невольным трепетом, гордясь и боязливо,
В своей душе храните их. Должны вы —
Быть всех смелей, честней и доблестней стократ.
Нет, ваши имена не вам принадлежат,
И в них потребовать отчета каждый вправе:
Богатство общее они — и в нашей славе,
И в наших бедствиях, во дни стыда и тьмы.
Да, вы их носите, но бережем их — мы!

Перевод В. Брюсова

НАДПИСЬ НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ
«БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ»

Однажды вечером, переходя дорогу,
Я встретил путника: он в консульскую тогу,
Казалось, был одет; в лучах последних дня
Он замер призраком и, бросив на меня
Блестящий взор, чья глубь, я чувствовал,
бездонна,
Сказал мне: — Знаешь ли, я был во время оно
Высокой, горизонт заполнившей горой;
Затем, преодолев сей пленной жизни строй,
По лестнице существ пройдя еще ступень, я
Священным дубом стал; в час жертвоприношенья
Я шумы странные струил в ночную синь;
Потом родился львом, мечтал среди пустынь,
И ночи сумрачной я слал свой рев из прерий;
Теперь я — человек; я — Данте Алигьери.

Перевод Б. Лившица

Альбрехту ДЮРЕРУ

В густых лесах, где ток животворящей мглы
Питает крепостью древесные стволы,
Неправда ль, сколько раз, добравшись до

просеки,

Испуган, побледнев, поднять не смея веки,
Ты ускорял, дрожа, свой судорожный шаг,
О Дюрер, пестун мой, о живописец-маг!
По всем твоим холстам, которым мир дивится,
Нельзя не угадать, что взором духовидца
Ты ясно различал укрывшихся в тени
И фавнов лапчатых, и лешего огни,
И Пана, меж цветов засевающего в засаду,
И с пригоршней листвы, бегущую дриаду,
Ты в лесе видел мир, нечистый испокон:
Двусмысленную жизнь, где все — то явь, то сон.
Там — сосны льнут к земле, здесь —

на огромном вязе

Все ветви скрючились в замысловатой вязи
И в чаще, движимой, как водоросль на дне,
Ничто не умерло и не живет вполне.
Кресс тянется к воде, а ясени на кручах
Под страшным хворостом, в терновниках

ползучи:

Сгибают черных стоп узластые персты;
Лебязьешене глядят в ручей цветы,
И, пробужденное шагами пешехода,
Встает чудовище и, пальцами уroda
Сжимая дерева широкие узлы,
Сверкает чешуей и мечет взор из мглы.

О прозябание! О дух! О персть! О сила!
Не все ль равно — кора иль кожа вас покрыла?
Учитель, сколько раз я ни бродил в лесах,
Мне в сердце проникал тебе знакомый страх,
Чуть дунет ветер, и я увижу, как повисли
На всех ветвях дерев их сбивчивые мысли.
Творец, единственный свидетель тайных дел,
Творец, который все живущее согрел
Сокрытым пламенем, он знает: неслучайно
Я всюду чувствую биенье жизни тайной
И слышу в сумраке и смех и голоса
Чудовищных дубов, разросшихся в леса.

Перевод Б. Лившица

* * *

Когда все вишни мы доели,
Она насупилась в углу.
— Я предпочла бы карамели.
Как надоел мне твой Сен-Клу!

Еще бы — жажда! Пару ягод
Как тут не съесть? Но погляди:
Я, верно, не отмою за год
Ни рта, ни пальцев! Уходи!

Под колотушки и угрозы
Я слушал эту дребедень.
Июнь! Июнь! Лучи и розы!
Поет лазурь, и молкнет тень.

Прелестную смиряя буку,
Сквозь град попреков и острот,
Я ей обтер цветами руку
И поцелуем — алый рот.

СОПОСТАВЛЕНИЕ

— Признайтесь, мертвецы! Кто ваши палачи?

Кто в груди вам вонзил безжалостно мечи?

Ответь сначала ты, встающая из тени.

Кто ты? — Религия.— Кто твой палач?

— Священник.

— А ваши имена? — Рассудок. Честность.

Стыд.

— Кто ж вас на смерть сразил? — Всех церковь.

— Ну, а ты?

— Я совесть общества.— Скажи, кем ты убита?

— Присягою.— А ты, что кровью вся залита?

— Я справедливость.— Кто ж был палачом

твоим?

— Судья.— А ты, гигант, простертый, недвижим

В грязи, пятнающий твой ореол геройский?

— Зовусь я Аустерлиц.— Кто твой убийца?

— Войско.

Перевод Б. Лившица

ФОРТЫ

Они — парижских врат сторожевые псы,
Затем что мы — внутри осадной полосы,
Затем что там — орда, чьи подлые отряды
Уж добираются до городской ограды.
Все двадцать девять псов, усевшись на холмы,
Тревожно и грозя глядятся в дебри тьмы
И, подавая знак друг другу в час укромный,
Поводят бронзой шей вокруг стены огромной.
Они не знают сна, когда все спит кругом,
И, легкими хрипя, выкашливают гром;
Внезапным пламенем звездообразных вспышек
Порою молния летит в долины с вышек,
Густые сумерки во всем таят обман:
В молчаньи — западню, в покое — ратный

стан

Но тщетно вьется враг и ставит сеть ловушек:
Не подпуская к нам его ужасных пушек,
Они глядят вокруг, ошупывая мрак.
Париж — тюрьма, Париж — могила и бивак,
От мира целого стоит отъединенный
И держит караул, но, наконец, бессонный,
Сдается сну — и тишь объемлет все и всех.
Мужчины, женщины и дети, плач и смех,

Шаги, повозки, шум на улицах, на Сене,
Под тысячами крыш шептанья сновидений,
Слова надежды: «Верь!» и голода: «Умри!» —
Все смолкло. Тишина. До утренней зари
Весь город погружен в ужасные миражи...
Забвенья, сон... Они одни стоят на страже.

Вдруг вскакивают все внезапно. Впопыхах
Склоняют слух к земле... — там, далеко, впотьмах
Не клокотание ль глубокое вулканов?
Весь город слушает, и ото сна воспрянув,
Поля пробуждены; и вот на первый рев
Ответствует второй, глух, страшен и суров,
Как бы взрываются и рушатся утесы,
И эхо множит гром и грохот стоголосый.
Они, они! В густом тумане под горой
Они заметили лафетов вражьих строй,
Орудия они открыли очерк резкий,
И там, где вспугнута сова на перелеске,
Они увидели заполнившее скат
Скопленье черное шагающих солдат:
Глаза предателей в кустарниках пылают.

Как хороши форты, что в сумрак ночи лают!

Огюст БАРБЬЕ
(1805—1882)

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД

1

Во дни, когда корабль столетний государства,
Не в силах одолеть слепых зыбей коварство,
Без мачт и парусов, во всю свою длину
В сплошных пробоинах, средь грозного простора,
Готовился пойти под шквалами террора
С новорожденною свободою ко дну,

Вся свора королей, с волн не спуская взгляда,
О том лишь думала, чтоб страшная громада,
Столкнувшись с берегом, не свергла тронов их,
И, шумно радуясь возможности добычи,
Накинулась, в одном объединившись кличе,
На остов, гибнущий среди пучин морских.

Но, весь истерзанный неистовством стихии,
Свой корпус выпрямив и не склоняя выи,
Геройским пламенем ощерил он борта

И на расширенном уже явил плацдарме
Европе мощь своих четырнадцати армий,
Заставив хищников вернуться на места.

2

О год чудовищный, о девяносто третий
Величественный год! Сокройся в глубь столетий,
Кровавой славою увенчанная тень:
Мы, карлики, отцов бессмертных недостойны,
И ты потехою почел бы наши войны,
Когда бы посмотрел на настоящий день.

Ах, твоего у нас священного нет жара,
Ни мужества в сердцах, ни силы для удара,
Ни дружбы пламенной к поверженным врагам,
А если мы порой и чувствуем желанье
Позлобствовать, у нас лишь на три дня дыханья
С грехом хватает пополам.

Перевод Б. Лившица

СОБАЧИЙ ПИР

Когда взошла заря и страшный день багровый,
Народный день настал,
Когда гудел набат и крупный дождь свинцовый
По улицам хлестал,
Когда Париж взревел, когда народ воспрянул,
И малый стал велик,
Когда в ответ на гул старинных пушек грянул
Свободы звучный клик, —
Конечно, не было там видно ловко сшитых
Мундиров наших дней, —
Там действовал напор лохмотьями прикрытых,
Запачканных людей,
Чернь грязною рукой там ружья заряжала,
И закопченным ртом,
В пороховом дыму, там сволочь восклицала:
«Е... ..! Умрем!»

А эти баловни в натянутых перчатках,
С батистовым бельем,
Женоподобные, в корсетах на подкладках,
Там были ль под ружьем?
Нет! Их там не было, когда, все низвергая
И сквозь картечь стремясь,

Та чернь великая и сволочь та святая
К бессмертию неслась.
А те господчики, боясь громов и блеску
И слыша грозный рев,
Дрожали где-нибудь вдали, за занавеской
На корточки присев.

Их не было в виду, их не было в помине
Средь общей свалки там,
Затем, что видите ль, свобода не графиня
И не из модных дам,
Которые, нося на истощенном лице
Румян карминных слой,
Готовы в обморок упасть при первом крике,
Под первую пальбой;
Свобода — женщина с упругой, мощной грудью,
С загаром на щеке,
С зажженным фитилем, приложенным к орудью,
В дымящейся руке;
Свобода — женщина с широким, твердым шагом,
Со взором огневым,
Под гордо веющим по ветру красным флагом,
Под дымом боевым;
И голос у нее — не женственный сопрано:
Ни жерл чугунных ряд,
Ни медь колоколов, ни шкура барабана

Его не заглушат.

Свобода — женщина; но в сладострастии щедром
Избранникам верна,
Могучих лишь одних к своим приемлет недрам
Могучая жена.

Ей нравится плебей, окрепнувший в проклятьях,
А не гнилая знать,
И в свежей кровию дымящихся объятых
Ей любо трепетать.

Когда-то ярая, как бешеная дева,
Явилась вдруг она,
Готовая дать плод от девственного чрева,
Грядущая жена!
И гордо вдаль она, при криках исступленья,
Свой простирала ход
И целые пять лет горячкой вождельня
Сжигала весь народ;
А после кинулась вдруг к палкам, к барабану
И маркитанткой в стан
К двадцатилетнему явилась капитану:
«Здорово, капитан!»
Да, это все она! она с отрадной речью
Явилась нам в стенах,
Избитых ядрами, испятнанных картечью,
С улыбкой на устах;

Она — огонь в зрачках, в ланитах жизни краска,
Дыханье горячо,
Лохмотья, нагота, трехцветная повязка
Через голое плечо,
Она — в трехдневный срок французов жребий
вынут!
Она — венец долой!
Измята армия, трон скомкан, опрокинут
Кремнем из мостовой!

И что же? о позор! Париж, столь благородный
В кипеньи гневных сил,
Париж, где некогда великий вихрь народный
Власть львиную сломил,
Париж, который весь гробницами уставлен
Величий всех времен,
Париж, где камень стен пальбою продырявлен,
Как рубище знамен,
Париж, отъявленный сын хартий, прокламаций,
От головы до ног
Обвитый лаврами, апостол в деле наций,
Народов полубог,
Париж, что некогда как светлый купол храма
Всемирного блистал,
Стал нынче скопищем нечистоты и срама,
Помойной ямой стал,

Вертепом подлых душ, мест ищущих в лакеи,
Паркетных шаркунов,
Просящих нищенски для рабской их ливреи
Мишурных галунов,
Бродяг, которые рвут Францию на части
И сквозь щелчки, толчки,
Визжа, зубами рвут издохшей тронной власти
Кровавые клочки.

Так вепрь израненный, сраженный смертным боем,
Чуть дышит в злой тоске,
Покрытый язвами, палимый солнца зноем,
Простертый на песке;
Кровавые глаза померкли; обессилен —
Свирепый зверь поник,
Раскрытый зев его шипучей пеной взмылен,
И высунут язык.
Вдруг рог охотничий пустынного простора
Всю площадь огласил,
И спущенных собак неистовая свора
Со всех рванулась сил;
Завыли жадные, последний пес дворовый
Оскалил острый зуб
И с лаем кинулся на пир ему готовый,
На неподвижный труп.

Борзые, гончие, лягавые, бульдоги —
Пойдем! — и все пошли;
Нет вепря — короля! Возвеселитесь, боги!
Собаки — короли!
Пойдем! Свободны мы — нас не удержат сетью,
Веревкой не скрутят,
Суровый сторож нас не приударит плетью,
Не крикнет: «Пес! Назад!»
За те щелчки, толчки хоть мертвому оплатим:
Коль не в кровавый сок
Запустим морду мы, так падали ухватим
Хоть нищенский кусок!
Пойдем! И начали из всей собачьей злости
Трудиться, что есть сил:
Тот пес щетины клок, другой — обглодок кости
Клыками захватил.
И рад бежать домой, вертя хвостом мохнатым,
Чадолюбивый пес:
Ревнивой суке в дар и в корм своим щенятам
Хоть что-нибудь принес;
И бросив из своей окровавленной пасти
Добычу, говорит:
«Вот, ешьте: эта кость — урывок царской власти,
Пируйте — вепрь убит!»

ДАНТ

О старый гибеллин! когда передо мной
Случайно вижу я холодный образ твой,
Ваятеля рукой иссеченный искусно, —
Как на сердце моем и сладостно и грустно...
Поэт! В твоих чертах заметен явный след
Святого гения и многолетних бед!..
Под узкой шапочкой, скрывающей седины,
Не горе ль провело на лбу твоём морщины?
Скажи, не оттого ль ты губы крепко сжал,
Что граждан бичевать проклятых ты устал?
А эта горькая в устах твоих усмешка
Не над людьми ли, Дант? Презренье и насмешка
Тебе идут к лицу. Ты родился, певец,
В стране несчастливой. Терновый свой венец
Еще на утре дней, в начале славной жизни,
На долю принял ты из рук своей отчизны.
Ты видел, как и мы, на отческих полях
Людей, погрязнувших в кровавых мятежах;
Ты был свидетелем, как гибли семейства
Игралищем судьбы и жертвами злодейства;
Ты с ужасом взирал как честный гражданин
На плахе погибал. Печальный ряд картин
В течение многих лет вился перед тобою.

Ты слышал, как народ, увлекшись мечтою,
Кидал на ветер все, что в нас святого есть, —
Любовь к отечеству, свободу, веру, честь.

О Дант, кто жизнь твою умел прочесть, как
повесть,

Тот может понимать твою святую горечь,
Тот может разгадать и видеть — отчего
Лицо твое, певец, бесцветно и мертво,
Зачем глаза твои исполнены презреньем,
Зачем твои стихи, блистая вдохновеньем,
Богатые умом, и чувством, и мечтой,
Таят во глубине какой-то яд живой.
Художник! Ты писал историю отчизны;
Ты людям выставял картину буйной жизни
С такою силою и верностью такой,
Что дети, встретившись на улице с тобой,
Не смея на тебя поднять, бывало, взгляда,
Шептали: «Это Дант, вернувшийся из ада!..»

Перевод С. Дурова

Для этих париев, для атомов ничтожных, —
Взамен всех благ земных и радостей возможных,
Ты, совесть, только ты, из-за всегдашних туч
Бросаешь им живой и благотворный луч...

Перевод С. Дурова

Огюст-Марсель БАРТЕЛЕМИ
(1796—1867)

ШУАН

Он враг республики, сей ревностный католик:
В нем даже мысль о ней рождает приступ колик.
Его влечет к себе дней феодальных даль;
Он ждет, уйдя в нору, развязки авантюры,
Которую начнут Бурмоны да Лескюры,
Бернье, Стофле и Кадудаль.

Заочно осужден на днях судом присяжных,
От приговоров их уходит он бумажных
В Анжер иль Морбиган, в Шоле иль Бресюир;
К престолу Господа его глаза воздеты:
Кто богу молится и носит пистолеты,
Тот на земле уже не сир.

Невиннее его не сыщешь человека;
В нем непосредственность есть золотого века:
Он с четками в руках, в часы ночных забав,
Растливши девушку, шутя ее удавит;
На дыбе он хребты трехцветным мэрам правит,
Карая их за вольный нрав.

Он ночью, во главе отчаянной ватаги
Врываясь в погреба, презренной ищет влаги,
Всех вин кощунственных непримиримый враг.
Он твердо убежден, что доблесть лишь проявит,
Когда свое оружие на дилижанс направит
И кровью обагрит овраг.

Чтоб соблюсти отцов обычаи и веру,
Он прячется от всех, как дикий зверь в пещеру,
В глухое логово, и, между тем как там,
В родной часовенке, старинные напевы
Восходят в полумгле к подножью приснодевы,
Он зверем рыщет по горам.

В ночи республики ему как свет эдемский —
Не Карл Десятый ли и герцог Ангулемский
Да юной лилии благоуханный цвет?
На шее носит он, рисуясь нестерпимо,
Чеканную медаль — портрет Елиакима
С лицом уродливым, как бред.

Он, этот мученик, бродящий по дорогам,
Уже застраховал себя мартирологом
И к лику праведных окажется причтен;
Зловонней Иова и Лабра неопрятней,
Лесных разбойников немногим деликатней,
Он — роялист, как сам Мандрен.

О всемогущие правители народа,
Вам должен нравиться герой такого рода:
Заботьтесь же о нем по мере ваших сил.
Вот истинный француз, достойный подражания:
Он в городах нигде не подымал восстанья
И лент трехцветных не носил.

Перевод Б. Лившица

Альфред де МЮССЕ
(1810—1857)

ПЕСНЯ

В святыне сердца сокровенной
Чем я живу,
Я ни за что во всей вселенной
Не назову.

Зачем вам имя? Прозвучит вам
В нем звук пустой;
Но этот звук моим молитвам
Огонь святой.

Моя душа на все готова
За милый взгляд;
Захочет жизнь — ей жизнь без слова
Отдать я рад.

Всю скорбь любви без упования
Я перенес.
Изныло сердце от страданья
И тайных слез.

Но я люблю, любовь скрывая,
Пока живу.
И это имя, умирая,
Не назову.

Перевод В. Курочкина

ПЕСНЯ ГОРЦЕВ

Охотник мой смелый, что видишь вдали?..
Собаки обнюхали след по земли:
Вставайте, друзья, — проснулся олень.
Красотка моя сияет, как день,
Олень встрепенулся, олень бежит —
Красотку мою господь сохранит.
Олень убежал от стаи в леса,
У красотки моей — словно звезды глаза,
Галлали, Галлали — настигнут олень.
Красотка моя сияет, как день!

Перевод А. Григорьева

ПЕПИТЕ

Когда не землю ночь спустилась
И сад твой охватила мгла;
Когда ты с матерью простилась
И уж молиться начала;

В тот час, когда, в тревоги света
Смотря усталою душой,
У ночи просишь ты ответа,
И чепчик развязался твой;

Когда кругом все тьмой покрыто,
А в небе теплится звезда, —
Скажи, мой друг, моя Пепита,
О чем ты думаешь тогда?

Кто знает детские мечтанья?
Быть может, мысль твоя летит
Туда, где сладки упованья
И где действительность молчит;

О героине ли романа,
Тобой оставленной в слезах;

Быть может, о дворцах султана,
О поцелуях, о мужьях;

О той, чья страсть тебе открыта
В обмене мыслей молодом;
Быть может, обо мне, Пепита...
Быть может, ровно ни о чем.

Перевод А. Апухтина

МАДРИД

Мадрид, Испании столица,
Немало глаз в тебе лучится,
И черных глаз и голубых,
И вечером по эспланадам
Спешит навстречу серенадам
Немало ножек молодых.

Мадрид, когда в кровавой пене
Быки мнутся по арене,
Немало ручек плещет им,
И в ночи звездные немало
Сеньор, укрытых в покрывало,
Скользит по лестницам крутым.

Мадрид, Мадрид, смешна мне, право,
Твоих красавиц гордых слава,
И сердце я отдам свое
Средь них одной лишь без заминки:
Ах, все брюнетки, все блондинки
Не стоят пальчика ее!

Ее суровая дуэнья
Лишь мне в запретные владенья

Дверь открывает на пароль;
К ней даже в церкви доступ труден:
Никто не подойдет к ней, будь он
Архиепископ иль король.

Кто талией сумел бы узкой
С моей сравниться андалузкой,
С моей прелестною вдовой?
Ведь это ангел! Это демон!
А цвет ее ланиты? Чем он
Не персика загар златой!

О, вы бы только посмотрели,
Какая гибкость в этом теле
(Я ей дивлюсь порою сам),
Когда она ужом завьется,
То рвется прочь, то снова жметя
Устами жадными к устам!

Признаться ли, какой ценою
Одержана победа мною?
Тем, что я славно гарцевал
И похвалил ее мантилью,
Поднес конфеты ей с ванилью
Да проводил на карнавал.

УМЕРШЕЙ

Прекрасна ль Ночь, что тихо спит
В часовне темной, безучастно,
Где ложе Анджело стоит?
Тогда она была прекрасна.

Сердечна ль та, что золотой
Дождь сыплет по пути беспечно,
Не зная жалости земной?
Тогда она была сердечна.

Мечта ли — нежный голосок,
Что нечто шепчет, без начала
И без конца, как ручеек
В полях? Тогда она мечтала.

Молитва ль — вспышка ясных глаз,
Что то на землю устремилась,
То вновь пред небом, как алмаз,
Горит? Тогда она молилась.

И если б чашечка цветка,
Что никогда не раскрывалась,

Могла дрожать от ветерка,
Она бы тоже улыбалась.

И если б в скорбные часы
Ей на руку, как с пышной розы,
Упали капельки росы,
Она бы тоже знала слезы.

И если б гордость, до конца,
Ей бесполезно не светила,
Как свечи гробу мертвеца,
Она бы тоже и любила.

Но умерла она, не жив,
Подобие лишь жизни зная,
Из рук ту книгу уронив,
Что продержала, не читая.

Перевод В. Брюсова

* * *

Слабому сердцу посмел я сказать:
Будет, ах! будет любви предаваться!
Разве не видишь, что вечно меняться —
Значит в желаньях блаженство терять?

Сердце мне, сердце шепнуло в ответ:
Нет, не довольно любви предаваться!
Слаще тому, кто умеет меняться,
Радости прошлые, то, чего нет!

Слабому сердцу посмел я сказать:
Будет, ах, будет рыдать и терзаться,
Разве не видишь, что вечно меняться —
Значит напрасно и вечно страдать?

Сердце мне, сердце шепнуло в ответ:
Нет, не довольно рыдать и терзаться,
Слаще тому, кто умеет меняться,
Горести прошлые, то, чего нет!

ЦВЕТКУ

Очаровательно-приветлив,
Зачем ты прислан мне, цветок?
И полумертвый, ты кокетлив.
Что означает твой намек?

Ты в запечатанном конверте
Сейчас проделал долгий путь.
Шепнула ль, предавая смерти,
Тебе рука хоть что-нибудь?

Ты только ли трава сухая
И через миг совсем умрешь?
Иль, чью-то мысль в себе скрывая,
Опять роскошно расцветешь?

Одетый в белую одежду,
Увы, ты непорочно чист!
Однако робкую надежду
Мне подает зеленый лист.

Быть может, чье-то ты посланье?
Я скромн: тайну мне открой.

Зеленый цвет — иносказанье?
Твой аромат — язык немой?

Что ж, если так — о нежной тайне
Скорей нам на ухо шепни.
А если нет — не отвечай мне
И на моей груди усни.

С игривой ручкой незнакомки
Я слишком хорошо знаком.
Она шутя твой стебель ломкий
Скрепила тонким узелком.

Ища ей равную, напрасно
Пракситель портил бы резец,
Венериной руки прекрасной
Не взяв себе за образец.

Она бела, она прелестна,
Она правдива, говорят.
Кто ею завладеет честно,
Она тому откроет клад.

Она направо и налево
Дары не любит рассыпать.
Цветок, ее боюсь я гнева:
Молчи и дай мне помечтать.

Перевод Б. Лившица

* * *

Когда в тоске немых страданий,
Нет упований
И жизнь пуста,
Целение — душе печальной —
Звук музыкальный
И красота!
О! больше значит, больше властно
Лицо прекрасной,
Чем мощный царь,
И сладко слышать в грусти жгучей
Напев певучий,
Любимый встарь!

Перевод В. Брюсова

Теофиль ГОТЬЕ
(1811—1872)

АЛМАЗ СЕРДЦА

На сердце иль в столе запрятан
У каждого любви залог,
К груди не раз бывал прижат он
И в дни надежд и в дни тревог.

Один, мечте своей покорный,
Улыбкой ободрен живой,
Похитил дерзко локон черный,
Хранящий отсвет голубой.

Другой на белоснежной шее
Отрезал шелковую прядь,
Который тоньше и нежнее
С кокона невозможно снять.

На дне шкатулки прячет третий
Перчатку с маленькой руки,
Тоскуя, что ему не встретить
Второй, чьи пальцы так тонки.

Вот этот — призрак счастья жалкий
Стремится воскресить в душе,
Вдыхая пармские фиалки,
Давно зашитые в саше.

А тот целует Сандрильоны
Миниатюрный башмачок,
Меж тем как в маске благовонной
Влюбленный ловит очерк щек.

Но у меня нет ни перчаток,
Ни туфельки, ни пряди нет:
Я на бумаге отпечаток
Слезы храню, волненья след.

Жемчужиною драгоценной
Из синих выскользнув очей,
Она растаяла мгновенно,
Упав в сосуд любви моей.

И эта капля чистой влаги,
Алмаз, каких не знал Офир,
Пятном расплывшись на бумаге,
Мне заслоняет целый мир,

Затем, что, дар судьбы нежданный,
Из глаз, до той поры сухих,
Скатясь росой благоуханной,
Она отметила мой стих.

Перевод Б. Лившица

ЛОКОНЫ

Подчеркивая томность взгляда,
Где грусть и торжество слиты,
Два локона, как два снаряда,
Для ловли сердца носишь ты.

Закручен туго, каждый сросся
С щекой, но ты легко могла б
Приладить оба, как колеса,
К ореховой скорлупке Маб.

Иль это лука Купидона
Два золотые завитка
Слились в кольцо, прильнув влюбленно
К виску крылатого стрелка?

Но с миром чисел я в разладе:
Ведь сердце у меня одно.
Так чье же на соседней пряди
Повиснуть рядом с ним должно?

Перевод Б. Лившица

ИСКУССТВО

Да, тем творение прекрасней,
Чем нами взятый матерьял
Нам неподвластней:
Стих, мрамор, сардоникс, металл.

Не надо хитростей мишурных,
Но, прямо чтоб идти, ремни
Ты на котурнах
У Музы туже затяни!

Прочь, ритм знакомый и удобный,
Как чересчур большой башмак,
Сегодня модный,
Что́ носит и бросает всяк!

Ваятель! глину, что́ покорно
Под пальцем уступает, кинь,
Когда упорно
Мечты летят в святую синь.

Борись с Каррарской глыбой, меткой
Рукою крепкий Пáрос бей,

Чтоб камень редкий
Хранил изгиб черты твоей.

Доверься бронзе несравненной
Из Сиракуз, в которой лик
Век неизменный
Живет, прекрасен и велик.

Пусть, осторожный соглядатай,
Отыщет верный твой резец
В куске агата
Лик Феба и его венец.

Стремись, художник, к высшей цели:
Сменить тебе не будет жаль
Блеск акварели
На печь, где плавится эмаль.

Твори сирен, — род синеокий, —
Свивающих на сто ладов
Свой хвост широкий,
Чудовищ золотых гербов;

Рисуй тройное озаренье
Над ликом Девы и Христа

И возвышенье
Голгофы с знаменьем креста.

Проходит все. Одно искусство
Творить способно навсегда.
Так мрамор бюста
Переживает города.

Медаль простая, что́ находит
Плуг пахаря средь пустыря,
Опять выводит
На свет забытого царя.

И сами боги умирают,
Но строки царственные строф, —
Те пребывают
Нетленными в ряду веков.

Ваяй, шлифуй, чекань медали!
Твои витающие сны
На вечной стали
Да будут запечатлены!

ГИППОПОТАМ

В непроходимых джунглях Явы,
Свой мощный торс гиппопотам
Влачит сквозь заросли и травы,
Среди чудовищ, скрытых там.

Боа свиваются и свищут,
Рычит неукротимый тигр,
И буйволы стадами ищут
Лугов для пастьбы и для игр.

Он не боится ассагаев,
Ему все стрелы — ничего,
И пули жалкие сипаев
Отскакивают от него.

Как защищен от нападений
Могучей кожей бегемот, —
Так под кольчугой убеждений
Без страха я иду вперед.

Перевод В. Брюсова

ЗАГРОБНОЕ КОКЕТСТВО

Когда умру я, пусть положат,
Пока не заколочен гроб,
Слегка румян на бледность кожи,
Белил на шею и на лоб.

Хочу, чтоб и в сырой постели,
Как в день, когда он был со мной,
Приветно щеки розовели,
Дразнила мушка под губой.

Страшны мне савана объятья.
Пожалуйста, пусть облачат
Меня в муслиновое платье,
Тринадцати воланов ряд.

Я в нем была в тот день блаженный,
Когда он подарил мне взор
С улыбкой светлой, и священный
Наряд я прятала с тех пор.

Не надо желтых иммортелей,
Ни тканей траурных, ни свеч,

Лишь на подушку от постели,
Всю в кружевах, хочу я лечь.

В глухих ночах она видала
Два упоенные лица,
И в темноте гондол считала
Лобзанья наши без конца.

И в руки, сложенные кротко,
Такие бледные, без сил,
Опаловые дайте четки,
Что папа в Риме освятил.

И там, где нет надежд, ликуя,
Я буду их перебирать,
По ним, как Аве, поцелуи
Бывало он любил считать.

Перевод Н. Гумилева

Шарль ЛЕКОНТ де ЛИЛЬ
(1818—1894)

СЛОНЫ

Краснеющий песок, пылающий от века,
Как мертвый океан, на древнем ложе спит;
Волнообразными извивами закрыт
Медяный горизонт: там область Человека.

Ни звука; все молчит. Пресыщенные львы
Попрятались в горах лениво по пещерам;
И близ высоких пальм, так памятных пантерам,
Жирафы воду пьют и мнут ковер травы.

И птица не мелькнет, прорезав воздух сонный,
В котором царствует диск солнца, весь в огне.
Лишь иногда боа, разнеженный во сне
Лучами жгучими, блеснет спиной червеной.

Но вот, пока все спит под твердью огневой,
В глухой пустынности, — пески, холмы, овраги, —
Громадные слоны, неспешные бродяги,
Бредут среди песков к своей стране родной.

Как скалы темные, на сини вырастая,
Они идут вперед, взметая красный прах,
И, чтоб не утерять свой верный путь в песках,
Уверенной пятой уступы дюн ломая.

Вожак испытанный идет вперед. Как ствол
Столетний дерева, его в морщинах кожа,
Его спина на склон большой горы похожа,
Его спокойный шаг неспешен и тяжел.

Не медля, не спеша, как патриарх любимый,
Он к цели избранной товарищей ведет;
И, длинной рытвиной свой означая ход,
Идут за вожаком гиганты-пилигримы.

Их сжаты хоботы меж двух клыков больших;
Их уши подняты, но их глаза закрыты...
Роями жадными вокруг жужжат москиты,
Летающие на дым от испарений их.

Но что им трудный путь, что голод, жажда,
раны,
Что эти жгучие, как пламя, небеса!
В пути им грезятся далекие леса
И финиковых пальм покинутые страны.

Родимая земля! В водах большой реки
Там грузно плавают с мычаньем бегемоты.
Туда, на водопой, в час зноя и дремоты,
Спускались и они, ломая тростники...

И вот, с неспешностью и полны упования,
Как черная черта на фоне золотом,
Слоны идут... И вновь недвижно все кругом,
Едва в пустой дали их гаснут очертанья.

Перевод В. Брюсова

ЗОЛОТОЙ ДИСК

Солнца диск золотой, уходя из лазурной пустыни,
Погружается медленно в тихое лоно зыбей
И, прощаясь с землей, сыплет розовым блеском
лучей,
В гребнях гор золотит, зажигает сверкающий иней.
Грустно ветер вздыхает и веет с далеких высот,
Стелет длинные тени в оврагах и влажных долинах,
Тамаринды колышет, и в темных, угрюмых
вершинах,
Где гнездились птицы, и сон и покой настает.
И дыханье земли, как священных кадилъниц
дыханье,
Средь кофейных деревьев и в чаще густых
тростников
Разливаясь, сливается с свежим дыханьем лесов,
С ароматом плантаций в глубоком вечернем
молчаньи.
Вот звезда задрожала жемчужной своей белизной,
В синем мраке ночном, как живая, горит
величаво —
И пылают в волнах, ослепленных небесною славой,
Мириады светил, мириады огней над землей.
И душа, забываясь в молчании ночи всеильной,

Созерцая и мир, и величье ее красоты,
Познавая тщету и надежды, и пылкой мечты,
В вечный сон погружается, — в саван могильный.

Перевод И. Бунина

ВОЗМЕЗДИЕ

Ужели это сон? — Какой ужасный сон!
О, эти мертвецы! Несметными толпами,
С горящими огнем, недвижимыми очами
Из глубины могил восстал их легион,
Вращая дикими зрачками.

Иезекиил-пророк! Не так же ль твой глагол
Пресекло ужасом виденье роковое,
Когда они текли, покинувши Хеол,
Когда они, кружась, спускались в страшный Дол,
К гробницам вечного покоя?..

В цепях я видел их... И дыбом поднялись
Все волосы мои при Голосе могучем...
Его слова с небес грохочущих неслись,
Из глубины небес, где молнии вились
По содрогающимся тучам.

И голос говорил: — Безумные князья!
Вы, волки жадные, коварные и злые!
Века своим путем к вам приближаюсь я,
Теперь я недалек... И я сломлю шутя
Голодных ртов клыки стальные!

День гнева моего — он вспыхнул наконец!
Я жажду утолю — мои оковы сняты...
Я как поток ворвусь в палаты и дворец,
Смертельный луч, огонь, веревка и свинец —
Вот все орудия расплаты!

Нет времени теперь стенаньям и мольбам,
Содеянных грехов ничто не умаляет,
Жестокие сердца я вырываю вам,
Рать мертвецов к моим всевидящим очам
Народ из гроба подымает.

Уж под парчой теперь вам не лежать в земле
В могилах вековых, где предки обитают,
Где строгий сон царит в прохладной полумгле...
Не спать с мечом в руке, с венками на челе,
Как доблестные почивают!

Нет, стая тесная разгневанных орлов
Наестся досыта нечистым вашим телом,
В лохмотьях изорвет на тысячу кусков,
И, озираясь, псы потащат их с холмов
В овраги — радостно и смело.

Я сотворю сие, я, Судия живой!
Все ваше прошлое передо мной воскресло:
Средь воплей и молитв, звучавших над землей,

Для новых гнусных дел вы с каждою зарей
Вновь опоясывали чресла.

И кровь рекой лилась, и долгий ряд веков
На ваших площадях замученные люди,
От женщин и детей до дряхлых стариков,
Как мясо свежее на лавках мясников,
Лежали, сваленные в груде.

Но час настал, пора, пылай, о факел мой,
Зубами скрежещи, о Ненависть и Злоба,
Возмездие! скорей свой яркий флаг раскрой,
Замолкни, крик тоски, предсмертный и глухой,
Перед отверстой дверью гроба!

Пуускай они хрипят под грудами домов,
А вы, погибшие, вы, жертвы истязаний,
Вы их преследуйте проклятием грехов,
Чтоб черный мрак дрожал от зарева костров,
От ваших лютых завываний.

Перевод И. Бунина

ЯГУАР

За дальней завесью уступов, в алой пене
Всю местность выкупав, отпламенел закат.
В пампасах сумрачных, где протянулись тени,
Проходит трепета вечернего разряд.

С болот, ощеренных высокою осокой,
С песков, из темных роцц, из щелей голых скал
Ползет, стремится вверх среди тишины глубокой
Глухими вздохами насыщенный хорал.

Над тинистой рекой воспрянув из туманов,
Холодная луна сквозь лиственный шатер
На спины черные всплывающих кайманов
Накладывает свой серебряный узор.

Одни из них давно преодолели дрему
И голода уже испытывают власть,
Другие, к берегу приблизившись крутому,
Как пни шершавые, лежат, раскрывши пасть.

Вот час, когда в ветвях, присев на задних лапах,
Прищуривая глаз и напрягая нюх,

Прекрасношерстый зверь подстерегает запах,
Живого существа чуть уловимый дух.

Для предстоящих битв он держит наготове
И зуб и коготь. Весь в стальной собравшись ком,
Он рвет, грызет кору и в предвкушеньи крови
Облизывается пунцовым языком.

Согнув спиралью хвост, он бешено им хлещет
Древесный ствол, затем, приняв дремотный вид,
Сникает головой на лапу и, в зловеще
Притворный сон уйдя, неявственно храпит.

Но, вдруг умолкнув и простершись бездыханней
Гранитной глыбы, ждет, укрытый меж ветвей:
Громадный бык идет неспешно по поляне,
Здрав рога и пар пуская из ноздрей.

Еще два-три шага, и, ужасом объятый,
Бык замирает. Льдом сковав ему бока
И плоть его сверля, горят во мгле агаты,
Два красным золотом налитые зрачка.

Шатаясь, издает он жалобные стоны,
Мычит, влагая в рев предсмертную тоску,

А ягуар, как лук сорвавшись распрямленный,
На шею прыгает дрожащему быку.

От страшного толчка чуть не до половины
Вонзает в землю бык огромные рога,
Но вскоре, яростный, в бескрайние равнины
Мчит на своей спине свирепого врага.

По топам, по пескам, по скалам и по дюнам,
Необоримых чащ пересекая тьму,
Стремглав проносятся, облиты светом лунным,
Бык с хищным всадником, прикованным к нему.

И, миг за мигом в даль все глубже отступая,
Отходит горизонт за новую черту,
И там, где ночь и смерть, еще идет глухая
Борьба кровавых тел, сращенных на лету.

Перевод Б. Лившица

ДОЧЬ ЭМИРА

Умолк в тумане золотистом
Кудрявый сад, и птичьим свистом
Он до зари не зазвучит;
Певуний утомили хоры,
И солнца луч, лаская взоры,
Струею тонкой им журчит.

Уж на лимонные леса
Теплом дохнули небеса.
Невнятный шепот пробегает
Меж белых роз, и на газон
Сквозная тень и мирный сон
С ветвей поникших упадет.

За кисею сень чертога
Царевну охраняла строго,
Но он завистливых очей
Эмир таить не видел нужды
Те звезды ясные очей,
Которым слезы мира чужды.

Аишу-дочь эмир ласкал,
Но в сад душистый выпускал

Лишь в час, когда закат кровавый
Холмов вершины золотит,
А над Кордовой среброглавой
Уж тень вечерняя лежит.

И вот от мирты до жасмина
Однажды ходит дочь Эддина,
Она то розовую ножку
В густых запутает цветах,
То туфлю скинет на дорожку,
И смех сверкает на устах.

Но в чашу розовых кустов
Спустилась ночь... как шум листов,
Зовет Аишу голос нежный,
Дрожа, назад она глядит:
Пред ней, в одежде белоснежной
И бледный, юноша стоит.

Он статен был, как Гавриил,
Когда пророка возводил
К седьмому небу. Как сиянье,
Клубились светлые волосы,
И чисто было обаянье
Его божественной красы.

В восторге дева замирает:
«О гость, чело твое играет,
И глаз лучиста глубина;
Скажи свои мне имена.
Халиф ли ты? И где царишь?
Иль в сонме ангелов паришь?»

И ей с улыбкой — гость высокий:
«Я — царский сын, иду с востока,
Где на соломе свет узрел...
Но миром я теперь владею,
И, если хочешь быть моею,
Я царство дам тебе в удел».

— «О, быть с тобою — сон любимый,
Но как без крыльев улетим мы?
Отец сады свои хранит:
Он их стеной обгородил,
Железом стену усадил,
И стража верная не спит».

— «Дитя, любовь сильнее стали:
Куда орлы не возлетали,
Трудом любовь проложит след,
И для нее преграды нет.

Что не любовь — то суета,
То сном рожденная мечта».

И вот во мраке пропадают
Дворцы, и тени сада тают.
Вокруг поля. Они вдвоем.
Но долог путь, тяжел подъем...
И камни в кожу ей впились,
И кровью ноги облились.

— «О, видит бог: тебя люблю я,
И боль, и жажду — все стерплю я...
Но далеко ль идти нам, милый?
Боюсь — меня покинут силы».
И вырос дом — черней земли,
Жених ей говорит: «Пришли.

Дитя, перед тобой ловец
Открытых истине сердец.
И ты — моя! Зачем тревога?
Смотри — для брачного чертога
Рубины крови я сберег
И слез алмазы для серег;

Твои глаза и сердце снова
Меня увидят, и всегда
Среди сиянья неземного
Мы будем вместе... Там...» — «О, да», —
Ему сказала дочь эмира —
И в келье умерла для мира.

Перевод И. Анненского

МАЙЯ

О Майя, о поток химер неуловимых,
Из сердца мечешь ты фонтан живых чудес!
Там наслажденья миг, там горечь слез незримых,
И темный мир души, и яркий блеск небес.
И самые сердца рожденных на мгновенье
В цепи теней твоих, о Майя, только звеня,
Миг — и гигантская твоя хоронит тень
В веках прошедшего едва рожденный день
С слезами, воплями и кровью в нежных венах...
Ты молния? Ты сон? Иль ты бессмертья ложь?
О, что ж ты, ветхий мир? Иль то, на что
похож,
Ты вихорь призраков, в мелькании забвенных?

Перевод И. Анненского

* * *

О ты, которая на миг мне воротила
Цветы весенние, благословенна будь.
Люблю я, лучший сон вздымает сладко грудь,
И не страшит меня холодная могила.

Вы, милые глаза, что сердцу утро дней
Вернули, — чарами объятого поныне
Забить вы можете — вам не отнять святыни:
В могиле вечности я неразлучен с ней.

Перевод И. Анненского

ЯВЛЕНИЕ БОЖЕСТВА

Над светлым озером Норвегии своей
Она идет, мечту задумчиво лелея,
И шею тонкую кровь розовая ей
Луча зари златит среди снегов алее.

Берез лепечущих еще прозрачна сень,
И дня отрадного еще мерцает пламя,
И бледных вод лазурь ее качает тень,
Беззвучно бабочек колеблема крылами.

Эфир обвеет ли волос душистых лен,
Он зыбью пепельной плечо ей одевает,
И занавес ресниц дрожит, осеребрен
Полярной ночью глаз, когда их закрывает.

Ни тени, ни страстей им не оставят дни,
Из мира дальнего умчались их надежды:
Не улыбаются, не плакали они,
И в голубую даль глядят спокойно вежды.

И страж задумчивый мистических садов
С балкона алого следит с улыбкой нежной
За легким призраком норвежских берегов
Среди бессмертных волн одежды белоснежной.

Перевод И. Анненского

Сюлли ПРЮДОМ
(1839—1907)

РАЗБИТАЯ ВАЗА

Ту вазу; где цветок ты сберегала нежный,
Ударом веера толкнула ты небрежно,
И трещина, едва заметная, на ней
Осталась... Но с тех пор прошло не много дней,
Небрежность детская твоя давно забыта,
А вазе уж грозит нежданная беда!
Увял ее цветок; ушла ее вода...
Не тронь ее: она разбита.

Так сердца моего коснулась ты рукой —
Рукою нежной и любимой, —
И с той поры на нем, как от обиды злой,
Остался след неизгладимый.
Оно как прежде бьется и живет,
От всех его страданье скрыто,
Но рана глубока и каждый день растет...
Не тронь его: оно разбито.

Перевод А. Апухтина

ПОСВЯЩЕНИЕ

Когда стихи тебе я отдаю,
Их больше бы уж сердце не узнало,
И лучшего, что в сердце я таю,
Ни разу ты еще не прочитала.
Как около приманчивых цветов
Рой бабочек, белея нежно, вьется,
Так у меня о розы дивных снов
Что звучных строф крылом жемчужным бьется.

Увы! Рука моя так тяжела:
Коснусь до них — и облако слетает,
И с нежного дрожащего крыла
Мне только пыль на пальцы попадает,
Мне не дано, упрямых изловив,
Сберечь красы сиянье лучезарной
Иль, им сердец булавкой не пронзив,
Рядами их накалывать попарно.
И пусть порой любимые мечты
Нарядятся в кокетливые звуки,
Не мотыльков в стихах увидишь ты,
Лишь пылью их окрашенные руки.

Перевод И. Анненского

ИДЕАЛ

Прозрачна высь. Своим доспехом медным
Средь ярких звезд и ласковых планет
Горит луна. А здесь, на поле бледном,
Я полон грез о той, которой нет;

Я полон грез о той, чья за туманом
Незрима нам алмазная слеза,
Но чьим лучом, земле обетованным,
Иных людей насытятся глаза.

Когда бледней и чище звезд эфира
Она взойдет средь чуждых ей светил, —
Пусть кто-нибудь из вас, последних мира,
Расскажет ей, что я ее любил.

Перевод И. Анненского

* * *

С подругой бледною разлуки
Остановить мы не могли;
Скрестив безжизненные руки,
Ее отсюда унесли.

Но мне и мертвая свиданье
Улыбкой жуткою сулит,
И тень ее меня томит
Больнее, чем воспоминанье.

Прощанье ль истомило нас,
Слова ль разлуки нам постыли?..
О, отчего вы, люди, глаз,
Глаз отчего ей не закрыли?

Перевод И. Анненского

* * *

Когда б я богом стал, земля Эдемом стала б,
И из лучистых глаз, сияя, как кристалл,
Лишь слезы счастья бежали б, чужды жалоб,
Когда б я богом стал.

Когда б я богом стал, среди душистой роши
Корой бы нежный плод, созрев, не зарастал,
И самый труд бы стал веселым чувством мощи,
Когда б я богом стал.

Когда б я богом стал, вокруг тебя играя,
Всегда иных небес лазурный сон витал,
Но ты осталась бы все та же в высях рая,
Когда б я богом стал.

Перевод И. Анненского

ТЕНИ

Остановлюсь — лежит, иду — и тень идет,
Так странно двигаясь, так мягко выступая;
Глухая слушает, глядит она слепая,
Поднимешь голову, а тень уже ползет.

Но сам я тоже тень. Я облака на небе
Тревожный силуэт. Скользит по формам взор,
И ум мой ничего не создал до сих пор:
Иду, куда влечет меня всевластный жребий.

Я тень от ангела, который сам едва
Один из отблесков последних божества,
Бог повторен во мне, как в дереве кумира,

А может быть, теперь среди иного мира,
К жерлу небытия дальнейшая ступень,
От этой тени тень живет и водит тень.

Перевод И. Анненского

СОМНЕНИЕ

Белеет Истина на черном дне провала.
Зажмурьтесь, робкие, а вы, слепые, прочь!
Меня безумная любовь околдовала:
Я к ней хочу, туда, туда в немую ночь.

Как долго эту цепь разматывать паденьем...
Вся наконец и цепь... И ничего... круги...
Я руки вытянул... Напрасно... Напряженьем
Кружим мучительно... Ни точки и ни зги...

А Истины меж тем я чувствую дыханье:
Вот мерным сделалось и цепи колыханье,
Но только пустоту пронзает мой размах...

И цепи, знаю я, на пядь не удлиниться, —
Сиянье где-то там, а здесь, вокруг, — темница,
Я — только маятник, и в сердце — только
страх.

Перевод И. Анненского

* * *

У звезд я спрашивал в ночи:
«Иль счастья нет и в жизни звездной?»
Так грустны нежные лучи
Средь этой жуткой черной бездны.

И мнится, горнею тропой,
Облиты бледными лучами,
Там девы в белом со свечами
Печальной движутся стопой.

Иль все у вас моления длятся,
Иль в битве ранен кто из вас, —
Но не лучи из ваших глаз,
А слезы светлые катятся.

Перевод И. Анненского

Хосе-Мария де ЭРЕДИА
(1842—1905)

БЕГСТВО КЕНТАВРОВ

Сорвавшись с дальних гор гудящею лавиной,
Бегут в бреду борьбы, в безумьи мятежа.
Над ними ужасы проносятся, кружа,
Бичами хлещет смерть, им слышен запах львиный...

Чрез рощи, через рвы, минуя горный склон,
Пугая гидр и змей... И вот вдали миражем
Встают уж в темноте гигантским горным кряжем
И Осса, и Олимп, и черный Пелион...

Порой один из них задержит бег свой звонкий,
Вдруг остановится, и ловит запах тонкий,
И снова мчится вслед родного табуна

Вдали, по руслам рек, где влага вся иссякла,
Где тени бросила блестящая луна —
Гигантским ужасом несется тень Геракла...

Перевод М. Волошина

ВИДЕНИЯ ЭМАЛИ

В приюте сумрачном, где ропщет атанор,
Беснуется в ночи огонь неугомонный,
И, попирая все природные законы,
Эмаль кладет на медь роскошный свой узор.

Из-под кистей моих встает, смущая взор,
Былых чудовищ сонм, искусством воскрешенный:
Кентавры, Пан и Сфинкс и детища Горгоны,
Пламякрылатые Пегас и Хризаор.

Ахиллову ли скорбь и смерть Пенфесилеи
Иль Эвридике вслед пришедшего Орфея
У врат Аидовых изображу сейчас?

Победу ли над псом Гераклову в Аверно,
Иль деву в трепете средь полумглы пещерной,
Где лалом светится Дракона страшный глаз?

Перевод Б. Лившица

PONTO-VECCHIO

Там мастер ювелир, работой долгих бдений,
По фону золота вправляя тонко сталь,
Концом своих кистей, омоченных в эмаль,
Выращивал цветы латинских изречений

Там пели по утрам с церковей колокола,
Мелькали среди толпы епископ, воин, инок;
И солнце в небесах из синего стекла
Бросало нимб на лоб прекрасных флорентинок.

Там юный ученик, томимый грезой страстной,
Не в силах оторвать свой взгляд от рук прекрасной,
Замкнуть позабывал ревнивое кольцо.

А между тем иглой, отточенной как жало,
Челлини молодой, склонив свое лицо,
Чеканил рукоять тяжелого кинжала.

Перевод М. Волошина

Франсуа КОППЕ
(1842—1908)

СМЕРТЬ ПТИЦ

В безмолвье сумерек, мечтая у огня,
Не раз о смерти птиц задумывался я:
Как много гибнет их зимой от бурь жестоких!
Как много птичьих гнезд, пустых и одиноких,
Качается в лесу среди нагих ветвей,
Под небом пасмурным тоскливых зимних дней!
Но отчего ж весной, когда в лесу мы бродим,
Скелетов маленьких нигде мы не находим?
Нигде среди цветов их не заметит глаз...
Иль птицы смерть свою должны скрывать от нас?

Перевод И. Бунина

Пьер-Жан БЕРАНЖЕ
(1780—1857)

КОРОЛЬ ИВЕТО

Король безвестен Иветó,
Он не прославил сана!
Вставал он поздно, но зато
Любил ложиться рано.
И не корону, царский знак,
Носил он, а ночной колпак,
Чудак!
О-о! о-о! ля-ля! ля-ля!
Милей не знаю короля,
Тра-ля!

Четырежды на дню он ел,
(Дворец был крыт соломой),
И ездил на осле, и пел,
И был везде как дома.
Он весел был, не ведал слез;
При нем всех стражей должность нес —
Лишь пес.
О-о! о-о! ля-ля! ля-ля!

Милей не знаю короля,
Тра-ля!

Он не тягчил налогов гнет,
Лишь пить любил на славу,
Но, осчастливив свой народ,
Король и пьет по праву.
Лишь к виноделам был он строг.
Чтоб с бочки кружку брать в налог
Он мог.
О-о! о-о! ля-ля! ля-ля!
Милей не знаю короля,
Тра-ля!

Умел к красоткам подъезжать,
Дружился с ними скоро,
Его своим «отцом» назвать
Мог подданный без спора.
Ему сражаться было лень;
Он раз в году палил весь день, —
В мишень.
О-о! о-о! ля-ля! ля-ля!
Милей не знаю короля,
Тра-ля!

Не покоров земли ничьей,
Он жизнь провел в бездельи

И, образец всех королей,
Законом звал веселье.
При нем лишь раз и стар и млад,
Когда король в гробу лежал,
Рыдал.
О-о! о-о! ля-ля! ля-ля!
Милей не будет короля,
Тра-ля!

С его портретом в крае том
Знакомы не по слухам,
То — вывеска над кабаком,
Известном всем питухам.
И в праздник, став пред нею в ряд,
Стакан в руке, все, стар и млад,
Кричат:
О-о! о-о! ля-ля! ля-ля!
Милей не будет короля,
Тра-ля!

Перевод В. Брюсова

МОИ ВОЛОСЫ

Апостол радости беспечной,
Друзья, я проповедь прочту:
Все блага жизни скоротечной
Хватайте прямо, налету...
Наперекор судьбы ударам,
Чтоб смелый дух в свободе рос,
Вот вам совет мой,— ведь недаром
Я в цвете лет лишен волос!

Друзья! Хотите ли игриво,
Как светлый день, всю жизнь прожить?
Вот вам вино: в нем можно живо
Мирские дрязги утопить!
К его струям прильните с жаром,
Чтоб в вашу кровь оно влилось...
Вот вам совет мой,— ведь недаром
Я в цвете лет лишен волос!

Друзья! Вино, вселяя резвость,
Не заполняет пустоты: —
Нужна любовь, чтоб снова трезвость,
Найти в объятых красоте;

Чтоб каждый в жертву страстным чарам
Здоровье, юность, деньги нес,
Вот вам совет мой,— ведь недаром
Я в цвете лет лишен волос!

Последовав моим советам,
Вы посмеетесь над судьбой —
И, насладившись жизни летом,
С ее не встретитесь зимой.
Над вашим юношеским жаром
Суровый не дохнет мороз.
Вот вам совет мой,— ведь недаром
Я в цвете лет лишен волос!

Перевод В. Курочкина

ЗНАТНЫЙ ПРИЯТЕЛЬ

Я всей душой к жене привязан
Я в люди вышел... Да чего!
Я дружбой графа ей обязан.
Легко ли! Графа самого!
Делами царства управляя,
Он к нам заходит, как к родным.
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

Прошедшей, например, зимою
Назначен у министра бал;
Граф приезжает за женою, —
Как муж, и я туда попал.
Там, руку мне при всех сжимая,
Назвал приятелем своим!..
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

Жена случайно захворает —
Ведь он, голубчик, сам не свой:
Со мною в преферанс играет,
А ночью ходит за больной.
Приехал, весь в звездах сияя,
Поздравить с ангелом моим...
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

А что за тонкость обращенья!
Приедет вечером, сидит...
— Что вы все дома... без движенья?..
Вам нужен воздух... — говорит.
— Погода, граф, весьма дурная...
— Да мы карету вам дадим! —
Предупредительность какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

Зазвал к себе в свой дом боярский:
Шампанское лилось рекой...

Жена уснула в спальне дамской...
Я в лучшей комнате мужской.
На мягком ложе засыпая,
Под одеялом парчевым,
Я думал, нежась: честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

Крестить назвался непременно,
Когда господь мне сына дал, —
И улыбался умиленно,
Когда младенца восприял.
Теперь умру я, уповая,
Что крестник взыскан будет им...
А счастье-то, а честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

А как он мил, когда он в духе!
Ведь я за рюмкою вина
Хватил однажды: — Ходят слухи...
Что будто, граф... моя жена...

Граф, — говорю, — приобретаю...
Трудясь... я должен быть слепым...
Да ослепит и честь такая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

Перевод В. Курочкина

ЧУДАК

Вам, пасынкам природы,
Когда прожить бы так,
Как жил в былые годы
Бедняга-весельчак!
Всю жизнь прожить не плача,
Хоть жизнь куда горька.
Ой ли! Вот вся задача
Бедняги-чудака!

Наследственной шляпенки
Пред знатью не ломать,
Подарочек девчонки —
Цветы — в нее вплетать,
В шинельке ночью лежа,
Днем пух смахнуть слегка.
Ой ли! Вот вся одёжа
Бедняги-чудака!

Два стула, стол трехногий,
Стакан, постель в углу,
Тюфяк на ней убогий,
Гитара на полу,

Швеи изображенье,
Шкатулка без замка.
Ой ли! Вот все именье
Бедняги-чудака!

Из папки ребятишкам
Вырезывать коньков,
Искать по старым книжкам
Веселеньких стишков,
Плясать — да так, чтоб скука
Бежала с чердака.
Ой ли! Вот вся наука
Бедняги-чудака!

Чтоб каждую минуту
Любовью освятить,
В красавицу Анюту
Всю душу положить,
Смотреть спокойным глазом
На роскошь свысока...
Ой ли! Вот глупый разум
Бедняги-чудака!

Как стану умирать я,
Да не вменят мне в грех
Ни бог, ни люди-братья

Мой добродушный смех.
Не будет нареканья
Над гробом бедняка...
Ой ли! Вот упования
Бедняги-чудака.

Ты бедный, — ослепленный
Богатствами других,
И ты богач, — согбенный
Под ношей благ земных, —
Вы ропщите?.. Хотите,
Чтоб жизнь была легка?..
Ой ли! Пример берите
С бедняги-чудака.

Перевод В. Курочкина

СТАРУШКА

Ты ответешь, подруга дорогая,
Ты ответешь, — твой верный друг умрет...
Несется быстро стрелка роковая,
И скоро мне последний час пробьет.
Переживи меня, моя подруга,
Но памяти моей не изменяй —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай!

А юноши по шелковым сединам
Найдут следы минувшей красоты
И робко спросят: «Бабушка, скажи нам,
Кто был твой друг? О ком так плачешь ты?»
Как я любил тебя, моя подруга,
Как ревновал, ты все им передай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай!

И на вопрос: «Любил тебя он много?» —
Он был мне друг», — ты скажешь без стыда.
Он в жизни зла не сделал никакого?»
Ты с гордостью ответишь: «Никогда!»

Как про любовь к тебе, моя подруга,
Он песни пел, ты все им передай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай!

Над Францией со мной лила ты слезы.
Поведай тем, кто нам идет вослед,
Что друг твой слал и в ясный день, и в грозы
Своей стране улыбку и привет.
Напомни им, как яростная вьюга
Обрушилась на наш несчастный край, —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай!

Когда к тебе, покрытой сединами,
Знакомой славы донесется след,
Твоя рука весенними цветами —
О милая! — украсит мой портрет.
Туда, в тот мир невидимый, подруга,
Где мы сойдемся, взоры обращай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай!

Перевод В. Курочкина

ВЕСНА И ОСЕНЬ

Друзья, природою самую
Назначен наслажденьям срок:
Цветы и бабочки — весною,
Зимою — виноградный сок.
Снег тает, сердце пробуждая;
Короче дни — хладеет кровь...
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

Хотел бы я вино с любовью
Мешать, чтоб жизнь была полна;
Но, говорят, вредит здоровью
Избыток страсти и вина.
Советам мудрости внимая,
Я рассудил без дальних слов:
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

В весенний день моя свобода
Была Жанетте отдана;
Я ей поддался, — и полгода
Меня дурачила она.

Кокетке все припоминая,
Я звал сентябрь — без лишних слов...
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

Я осенью сказал Адели:
«Прощай, дитя, не помни зла»...
И разошлись мы; но в апреле
Она сама ко мне пришла.
Бутылку тихо осушая,
Я вспомнил смысл мудрейших слов:
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

Так я дошел бы до могилы...
Но есть волшебница: она
Крепчайший спирт лишает силы
И охмеляет без вина.
Захочет — я могу забыться,
Смешать все дни в календаре,
Весной — бесчувственно напиться
И быть влюбленным — в декабре!

Перевод В. Курочкина

КАК ЯБЛОЧКО РУМЯН

Как яблочко румян,
Одет весьма беспечно,
Не то, чтоб очень пьян —
А весел бесконечно.
Есть деньги — прокутит;
Нет денег — обойдется,
Да как еще смеется!
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, — говорит, — потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Шатаюсь по ночам
Да тратясь на девчонок,
Он, кажется, к долгам
Привык еще с пеленок.
Полиция грозит,
В тюрьму упрячат хочет —
А он-то все хохочет...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,

«Вот, — говорит, — потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Забился на чердак,
Меж небом и землею;
Свистит себе в кулак
Да ежится зимою.
Его не огорчит,
Что дождь сквозь крышу льется:
Измокнет весь, трясется...
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, — говорит, — потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

У молодой жены
Богатые наряды;
На них устремлены
Двусмысленные взгляды.
Злословье не щадит,
От сплетен нет отбою...
А он — махнул рукою...

«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, — говорит, — потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Собрался умирать,
Параличом разбитый;
На ветхую кровать
Садится поп маститый
И бедному сулит
Чертей и ад кромешный...
А он-то многогрешный,
«Да ну их!..» — говорит,
«Да ну их!..» — говорит,
«Вот, — говорит, — потеха!
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Перевод В. Курочкина

Я С ВАМИ БОЛЬШЕ НЕ ЗНАКОМ

Мой друг! да правду ль мне сказали,
Иль только нас хотят пугать?
Ужели с места вас прогнали?
Так надо меры мне принять!
Когда вести опасно дружбу,
Мы узы дружбы сразу рвем,
Ведь я служу и знаю службу...
Итак — я с вами больше не знаком,
Да, да, мой друг: я с вами больше не знаком.

Пусть вы — народа благодетель,
Но — нахлобучка мне страшна!
Пусть даже ваша добродетель
Отчизной всею почтена,
Я отвечать решусь едва ли
На ваш поклон хотя б кивком...
Вы хороши, но вас прогнали, —
И я — я с вами больше не знаком,
Да, да, мой друг: я с вами больше не знаком.

Нас ваша смелость беспокоит,
И благородный голос ваш

Всегда кого-нибудь расстроит
Из тех, кто быт устроил наш.
Хоть речь блестящая в регистры
У нас заносится тайком,
Но не талант ведет в министры...
Итак я — я с вами больше не знаком,
Да, да, мой друг: я с вами больше не знаком.

Наследник древней славы франкской
И новой Франции герой,
На лаврах доблести гражданской
Вкушайте в хижине покой...
Я ж, как и все мы, думать вправе,
Что жизнь — не в хлебе лишь сухом,
Не в бесполезной вашей славе...
И я — я с вами больше не знаком,
Да, да, мой друг: я с вами больше не знаком.

От вас отречься я обязан,
Хоть вас любил и уважал:
Я не хочу быть так наказан,
Как вас патрон наш наказал...
За мной следить велит он слугам, —
И я от вас спешу бегом!
Мне... ваш преемник будет другом;

А с вами — я уж больше не знаком,
Да, да, мой друг: я с вами больше не знаком.

Перевод И. и А. Тхоржевских

НЕТ, ТЫ НЕ ЛИЗЕТТА

Как, Лизетта, ты —
В тканях, шелком шитых!
Жемчуг и цветы
В локонах завитых?
Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Кони у крыльца
Ждут Лизетту ныне;
Самый цвет лица
Куплен в магазине!..
Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Залы в зеркалах,
В спальне роскошь тоже —
В дорогих коврах
И на мягком ложе.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Ты блистишь умом,
Потупляешь глазки —
Как товар лицом,
Продавая ласки.
Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Ты цветком цвела,
Пела вольной птицей.
Но тогда была
Бедной мастерицей.
Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Как дитя, проста,
Сердца не стесняя,
Ты была чиста,

Даже изменяя...
Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Но старик купил
Сам себе презренье
И — позолотил
Призрак наслажденья.
Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Скрылся светлый бог
В невозвратной дали...
Он швею берег —
Вы графинею стали.
Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизетта.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Перевод В. Курочкина

МОИ ПОХОРОНЫ

Нынче утром, пробудясь,
Вижу: рой амуров вьется...
Я лежу не шевелясь,
А божки кричат, смеясь:
«Умер он... Зарыть придется».
Тут невольно проклял я
Тех, кому служил примерно.
Ведь божки не врут, друзья?
Ах как жаль! Я мертв, наверно.

Не стесняясь мертвецом,
Все они бесцеремонно
Льнут к служанке, пьют мой ром;
А один из них — псалом
В нос читает монотонно.
Вот флейтисты стали в ряд
И амуров главных просят
Поскорей начать парад...
Ах как жаль! Меня выносят.

Боги резвые идут
В два ряда, подобно клиру;
Шутят, прыгают, поют
И на бархате несут

Мой стакан, цветы и лиру.
Кто ни встретится — вздохнет:
«Рой амуров, полных силы,
К смерти шибче, знать, ведет...»
Ах как жаль! Я у могилы.

Но не плачет мой конвой:
Он поет мои куплеты...
Над могильною плитой
Чудной выведен резьбой
Лавр бессмертья для поэта.
Возгордился тут мой прах:
Славой здесь меня покроют.
Я — как боги в небесах...
Жаль того лишь, что зарюют!

Вдруг случайно подошла
К яме милая Лизетта:
Праха у гроба отняла
И — о чудо — вмиг внесла
Искру жизни в кровь поэта.
Вы, кто в старости своей
Все живое порицает, —
Ну, кричите же скорей:
«Ах как жаль, он воскресает!»

СЛЕПОЙ НИЩИЙ

Из села в село бредет
Старый нищий, ковыляя,
И, по струнам ударяя,
Слабым голосом поет:
— У народа молодого,
У честных прошу людей:
Бросьте несколько грошей!
(И дают ему без слова!)
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Ходит с девочкой слепой;
Шумный праздник в околотке:
— Веселитесь, красотки,
В пляске резвой и живой!
Ради друга дорогого
Молодых прошу парней:
Бросьте несколько грошей —
Я за парня слыл лихого!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

В темной роще, слышит он,
Поцелуй звучит украдкой:

— Ах,— поет он,— здесь так сладко,
Здесь любовь со всех сторон!
Вспомнил я грешки бывшего...
Смех, как взглянешь на мужей!
Бросьте несколько грошей
Ради мужа отставного...
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Ходят девушки толпой,
Раздается смех беспечный:
— Ах,— поет,— любите вечно
И цветите красотой!
Оттолкнет меня сурово
Целомудрие ханжей.
Бросьте несколько грошей —
Вы характера иного...
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

К разгулявшимся жнецам
Подойдет, напоминая,
Что и в годы урожая
Жатвы нет беднякам.
— Вам небось от золотого
Винограда веселей?
Бросьте несколько грошей —
Так и я хвачу простого!

Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

У солдат ли пир горой —
Кружки двигаются живо:
— Я ведь тоже был служивый,—
Говорит старик слепой,—
И теперь душа готова,
Кабы годы-то с костей!
Бросьте несколько грошей —
В память славного былого!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Он канючить не пойдет
В позлащенные чертоги,
А в селеньях, по дороге,
Где поваднее, поет,
Где рука подать готова,
Там поет он веселей:
— Бросьте несколько грошей!
Счастья нет для сердца злого...
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

ЧЕЛОБИТНАЯ ПОРОДИСТЫХ СОБАК

*О разрешении им свободного входа
в Тюильрийский сад*

Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

Мы с нетерпением ждем известья
О том, что с завтрашней зари
Псам Сен-Жерменского предместья
Откроют доступ в Тюильри.
Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

На нас ошейники, в отличие
От массы уличных бродяг;
Понятно: луврское величье
Не для каких-нибудь дворняг!
Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

Тиран нас гнал, пока был в силе,
Пока в руках его был край,
И мы безропотно сносили

Его любимцев жалкий лай.
Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

Но склонны прихвостни к обману, —
Ох! нам ли этого не знать?!
Кто сапоги лизал тирану —
Ему же пятки стал кусать!
Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

Что нам до родины, собачки?..
Пусть кровь французов на врагах, —
Мы, точно блох, ловя подачки,
У них валяемся в ногах.
Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

Пусть в торжестве теперь минутном
Джон Буль снял с Франции оброк,
Кусочек сахару дадут нам,
И будет кошкам кофеек!..
Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

Вот в моду вновь чепцы и кофты
Ввели для женщин в Тюильри;
Не забудь, о двор, и псов ты:
In status quo нас водвори!
Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

За эту милость обещаем
Все, кроме глупых пуделей,
На бедняков бросаться с лаем
И прыгать в обруч для властей!
Тирана нет, — пришла пора
Вернуть нам милости двора.

Перевод И. и А. Тхоржевских

КАРТЫ ИЛИ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Пока с молитвой засыпает
У камелька старушка-мать,—
Что в жизни дочку ожидает,
Хочу на картах загадать.
Пугает мама сатанюю.
Но молодым не страшен ад.
Ведь мне не вечно быть швеею.
А карты правду говорят,
Да, правду, правду говорят!

Любовь, дитя иль брак законный
Мне предназначены судьбой?
А вот жених мой нареченный —
Валет бубен. Но, боже мой,
Он для другой мне изменяет!
Я слезы лью: злодей женат.
Я — в монастырь; монахи тают...
Что ж! Карты правду говорят,
Да, правду, правду говорят!

Моими тронулся слезами
Известный принц — король бубен.

Сперва мы речь ведем глазами;
Но вот меня увозит он.
Ему легко всего добиться:
Кого подарки не прельстят?
Я ночью с ним почти царица.
Что ж! Карты правду говорят,
Да, правду, правду говорят!

Со мной уехал он в имение;
Но тут успели донести,
Что у меня есть увлечение...
Раскрылось все: мой принц — прости!
Других — десяток появился.
Один был добр и глуповат:
Я не сдалась — и он женился.
Что ж! Карты правду говорят,
Да, правду, правду говорят!

Вот месяц кончился медовый,
И я в Париже веселюсь.
Теперь мой друг — король трефовый.
Супруг ворчит; а я смеюсь.
Что ж дальше? Пиковая дама.
Все от старухи прочь спешат.

Ужель то я? Нет... это — мама.
А карты правду говорят,
Да, правду, правду говорят!

Перевод И. и А. Тхоржевских

ГОСПОДИН ИСКАРИОТОВ

Господин Искариотов —
Добродушнейший чужак:
Патриот из патриотов,
Добрый малый, весельчак,
Расстиляется, как кошка,
Выгибается, как змей...
Отчего ж таких людей
Мы чуждаемся немножко?
И коробит нас чуть-чуть
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов —
Подвернется где-нибудь?

Чтец усердный всех журналов,
Он способен и готов
Самых рьяных либералов
Напугать потоком слов.
Вскрикнет громко: «Гласность! гласность!
Проводник святых идей!»
Но кто ведает людей,
Шепчет, чувствуя опасность:
Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,

Патриот из патриотов —
Приближается сюда.

Без порывистых ухваток,
Без сжиманья кулаков
О всеобщем зле от взяток
Он не вымолвит двух слов.
Но с подобными речами
Чуть он в комнату ногой —
Разговор друзей прямой
Прекращается словами:
Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда.

Он поборник просвещения;
Он бы, кажется, пошел
Слушать лекции и чтенья
Всех возможных видов школ:
«Хлеб, мол, нужен нам духовный!»
Но заметим мы его —
Тотчас все до одного,
Сговорившиеся ровно:
Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,

Патриот из патриотов —
Приближается сюда.

Чуть с женой у вас неладно,
Чуть с детьми у вас разлад —
Он уж слушает вас жадно,
Замечает каждый взгляд.
Очень милым в нашем быте
Он является лицом,
Но едва вошел в ваш дом,
Вы невольно говорите:
Тише, тише, господа!
Господин Искаротов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда.

Перевод В. Курочкина

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО БОГАТСТВУ

Богачей не без злорадства
Все бранят — и поделом!
Но — без чванства, и богатство
Нам годится кое в чем!
Откупщик был — в басне — скуп;
А сапожник слишком глуп...
Шли бы выпить оба смело!
Ну а если б надо мной
Дождь пошел бы золотой,
Золотой,
Золотой, —
Дзинь! — и в шляпе было б дело!

Беден я, но смел и весел:
Чужды зависть мне и гнев...
Разве нос бы я повесил,
Невзначай разбогатев?
Роскошь книг, картин, дворцов,
Экипажей, рысаков —
Разве б это надоело?
Если б только надо мной
Дождь пошел бы золотой,
Золотой,

Золотой, —

Дзинь! — и в шляпе было б дело!

У соседа денег много —

И любовница умна:

Ходит чинно, смотрит строго

И всегда ему верна.

Я напрасно, как дурак,

Тратил время с ней, бедняк...

А когда б в мошне звенело

И когда бы надо мной

Дождь пошел бы золотой,

Золотой,

Золотой, —

Дзинь! — и в шляпе было б дело!

Вина скверного трактира

Часто горло мне дерут;

Но пускай лишь у банкира

Мне шампанского нальют —

Не сморгнув, задам вопрос:

«А почему вам обошлось?»

Я его купил бы смело...»

Если б только надо мной

Дождь пошел бы золотой,

Золотой,

Золотой, —

Дзинь! — и в шляпе было б дело!

Я б делиться стал с друзьями

Счастьем с первого же дня!

Живо общими трудами

Разорили бы меня!

То-то любо! Сад, подвал,

Земли, замки, капитал —

Все в трубу бы полетело!..

Лишь бы только надо мной

Дождь пошел бы золотой,

Золотой,

Золотой, —

Дзинь! — и в шляпе было б дело!

Перевод И. и А. Тхоржевских

ДЕЙСТВИЕ ВИНА

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

От стакана доброго вина
Рассудил я здраво, что сатира,
В видах примиренья, не должна
Обличать пороки сильных мира.
Лучше даже в очи им туман
Подпускать куреньем фимиама,
Я решил, не затрудняясь, прямо,
Осушив еще один стакан.
Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

С двух стаканов доброго вина
Покраснел я, вспомнив о сатирах.
Вижу: вся тюрьма моя полна
Ангелами в форменных мундирах.

И в толпе счастливых поселян
Я воспел, как запевала хора,
Мудрость господина прокурора,—
Осушив еще один стакан.
Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

С трех стаканов доброго вина
Вижу я: свободны все газеты.
Цензоров обязанность одна:
Каждый год рассматривать бюджеты.
Милосердые первых христиан,
Что от нас веками было скрыто,
Я увидел — в сердце иезуита,—
Осушив еще один стакан.
Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

С двух бутылок доброго вина
Заливаться начал я слезами
И свободу, в неге полусна,
Увидал, венчанную цветами,—

И в стране, счастливейшей из стран,
Кажется, тюрьмы сырые своды
Рухнули б от веянья свободы...
Выпей я еще один стакан.
Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

Но избыток доброго вина,
И восторг, и умиленья слезы
Безраздельно все смешал сполна
В смутные, отрывочные грезы.
Будь же ты благословен, обман,
Что нам в душу, с утоленьем жажды,
Будто с неба посылает каждый
Шамбертена доброго стакан.
Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я все хвалю.

Тюрьма Сент-Пелажи
Перевод В. Курочкина

НАВУХОДОНОСОР

Сюжет библейский нынче в моде, —
И я спешу прославить в оде
Вождя, который стал быком.
Для древних чудо было в том.
Весь двор новинкою пленялся,
Вождем рогатым восхищался,
И восклицал наемный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Герой мычит — ему внимают,
Его с рогами поздравляют
И повторяют каждый час:
«Египет богом счел бы вас!»
Кто б ни давил их — вождь ли, бык ли,
Им все равно: к ярму привыкли.
И восклицал наемный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Вождь быстро свыкся с переменой,
Исправно ел в конюшне сено
И видел только в том всю власть,
Чтобы поесть и выпить всласть.

Его «ученым» называли,
Диплом почетный даже дали...
И восклицал наемный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

В благонамеренной газете
Читали все, что на совете
Ни разу бык не засыпал,
Хотя отчаянно зевал.
Как не ценить быка такого?
Двор видел в нем отца родного,
И восклицал наемный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Жрецы с него за дым кадельный
Налог взимали столь обильный,
Что весь народ, в конце концов,
Был в полном рабстве у жрецов.
И даже — скажем между нами —
Сам бык оседлан был жрецами...
И восклицал наемный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Тогда решились все народы
Избрать вождя другой породы;
Хоть мог и хуже быть другой,

Но бык был отдан на убой,
И в пост великий, без стеснения,
Был взят жрецами на съеденье.
И восклицал наемный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Певцы передней и лакейской,
Хорош ли мой сюжет библейский?
Он должен быть по нраву вам, —
Его Завет одобрил сам.
Чтоб подслужиться сильным мира,
Пускай воспрянет ваша лира —
И повторит, как древний хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Перевод И. и А. Тхоржевских

ПИР НА ВЕСЬ МИР

Вино веселит все сердца
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Черт ли в этих вздорах,
В диспутах и спорах,
В праздных разговорах!
Небом нам дана
Влага винограда —
Честного отрада, —
Пусть и ретрограда
С ног сшибет она!

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,

Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Авторы плохие,
Риторы смешные,
Публицисты злые!
Дышат скукой, сном
Все творенья ваши;
Глубже их и краше
Дедовские чаши
С дедовским вином.

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Бой забыв, день целый
С нами Марс пьет смелый;
Утопил все стрелы
В винных бочках он.
Нам уж бочек мало,
Стражи арсенала!

Ваших бы достало,
Кабы порох вон!

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Не сбежим от юбок:
Поманив голубок,
Вкруг Цитеры кубок
Пустим в добрый час.
Пташечки Киприды,
Что видали виды,
Не боясь обиды,
Пьют почище нас!

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Золото так веско,
В нем так много блеска,
Бьющего так резко
В очи беднякам,
Что хрусталь, в котором
Пьем пред милым взором,
За веселым хором,
Драгоценней нам!

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Нам от женщин милых
(Вакх благословил их)
Уж не будет хилых
И больных ребят.
Сыновья и дочки,
Чуть открыв глазочки,
Уж увидят бочки
И бутылок ряд.
Вино веселит, все сердца!
По бочке, ребята,

На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Нам чужда забота
Мнимого почета,
Каждый оттого-то
Непритворно рад,
Всем в пиру быть равным —
Темным или славным, —
Зрей над своенравным
Лавром виноград!

Вино веселит, все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Прочь, рассудок строгий!
Пусть под властью бога,
Давшего так много
Наслажденья нам,
Все заснут отрадно.
Где кому повадно.

Как всегда бы — ладно
Надо жить друзьям.

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Перевод В. Курочкина

СТАРЫЙ КАПРАЛ

В ногу, ребята, идите.
Полно, не вешать ружья!
Трубка со мной... проводите
В отпуск бессрочный меня.
Я был отцом вам, ребята...
Вся в седирах голова...
Вот она — служба солдата!..
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера!
Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова —
Тень императора встала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Честною кровью солдата
Орден не выслужить вам.
Я поплатился когда-то,
Задали мы королям.
Эх! наша слава пропала...
Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись;
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... Поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива!..
Не говори ей ни слова...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?
А! я ее узнаю...

Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой
Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у бога...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела?
Нет, затянусь еще раз.
Близко, ребята. За дело!
Прочь! не завязывать глаз.
Целься вернее! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Перевод В. Курочкина

КРЕСТИНЫ ВОЛЬТЕРА

В храм народ толпой стремится,
Наступает час крестин:
Нынче должен там креститься
Казначей хилый сын.
Сам кюре распорядился,
Чтоб звонарь поторопился...
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Денег хватит, по расчету
Дальновидного кюре,
С тех крестин на позолоту
Всех сосудов в алтаре;
Может — если постараться —
И на колокол остаться...
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Органист — и тот в волненьи
В ожидании крестин,
И пророчит в умиленьи:
«По отцу пойдет и сын.

Будет старостою в храме
Ну, и в доле будет с нами». —
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Крестной матери прекрасной
Шепчет поп: «Как хороши
Ваши глазки! Свет их ясный —
Признак ангельской души.
Крестник ангела земного!
Вижу я в тебе святого...»
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

А причетник добавляет:
«По уму пойдешь ты в мать,
В мать родную; всякий знает, —
Ей ума не занимать!
Строгий нравом, — будешь, мальй,
Инквизитором, пожалуй!»
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Вдруг с небес, как привиденье
Тень насмешника Рабле
Появилась на мгновенье

Над малюткой Аруэ —
И пошла сама пророчить;
В мудрецы ребенка прочить...
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

«Франсуа-Марией нами
Назван этот мальчик...» — «Нет!
Под такими именами
Знать его не будет свет;
Но ему — с поместьем пэра —
Слава имя даст Вольтера».
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

«Как философ и новатор,
Скоро мир он поразит
И, как смелый реформатор,
Даже Лютера затмит.
Суждено ему, малютке,
С корнем вырвать предрассудки».
Диги-дон! диги-дон!
Льется праздничный трезвон.

Тут кюре прикрикнул строго:
«Взять под стражу тень Рабле!

И крестины стоят много,
И обед уж на столе...
Мы управимся с ребенком,
Будь он после хоть чертенком!..»
Диги-дон! диги-дон!
Льетса праздничный трезвон.

Но Рабле умчался быстро,
Крикнув: «Чур, меня не тронь!
Бойтесь крошки: в нем есть искра,
Вас сожжет его огонь,—
Иль повеситесь вы сами
Наряду с колоколами».
Диги-дон! диги-дон!
Льетса праздничный трезвон.

Перевод И. и А. Тхоржевских

РАСЧЕТ С ЛИЗОЙ

Лизок мой, Лизок!
Ты слишком самовластна;
Мне больно, мой дружок,
Вина просить напрасно.
Чтоб мне, в года мои,
Глоток считался каждый, —
Считал ли я твои
Интрижки хоть однажды?

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года!

Твой юнкер простоват;
Вы хитрости неравной:
Он часто невпопад
Вздыхает слишком явно,
Я вижу по глазам,
Что думает голубчик...
Чтоб не браниться нам,
Налей-ка мне по рубчик.

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года!

Студент, что был влюблен,
Вот здесь же мне попался,
Как поцелуи он
Считал и все сбивался.
Ты их ему вдвойне
Дарила, не краснея...
За поцелуи мне
Налей стакан полнее.

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года!

Молчи, дружочек мой!
Забыла об улане,
Как он сидел с тобой
На этом же диване?
Рукой сжимал твой стан,
В глаза глядел так сладко...

Лей все вино в стакан
До самого осадка!

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года

Еще беда была:
Зимой, в ночную пору,
Ведь ты же помогла
В окно спуститься вору!..
Но я его узнал
По росту, по затылку...
Чтоб я не все сказал —
Подай еще бутылку.

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года!

Все дружные со мной
Дружны с тобой — я знаю;

А брошенных тобой
Ведь я же поднимаю!
Ну выпьем иногда —
Так что же тут дурного?
Люби меня всегда —
С друзьями и хмельного...

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года!

Перевод В. Курочкина

ПУТЕШЕСТВИЕ

«Хочешь, смелой силой пара
Я тебя с собой умчу
И вокруг земного шара
Шибче птицы пролечу?
Я — железный путь — чрез горы,
Сквозь леса, везде проник;
Ты доверься мне — и вскоре
Будешь знать, как мир велик!»

«Хочешь, — парус предлагает, —
Посмотреть людей тех стран,
От которых отделяет
Нас широкий океан?
Там, быть может, ты откроешь
Новый, чудный свет, старик;
Сумму знаний ты утроишь,
Будешь знать, как мир велик!»

«Хочешь, — молвил шар воздушный, —
К облакам взлететь со мной?
К блеску звезд равнодушный,
Ты коснешься их рукой!

Мир неведомый, чудесный
Я исследовать привык;
Ты, проникнув в свод небесный,
Будешь знать, как мир велик!»

— Прочь! Других пусть соблазняют!
Счастлив я и здесь вполне:
Птицы слух мой услаждают,
Тень дают деревья мне;
А когда та тень сгустится
И дневной стихает крик,
И звезда в ручей глядится —
Вижу я, как мир велик!

Перевод И. и А. Тхоржевских

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

О Франция, мой час настал: я умираю!
Возлюбленная мать, прощай: покину свет, —
Но имя я твое последним повторяю.
Любил ли кто тебя сильнее меня? О нет!
Я пел тебя, еще читать ненаученный,
И в час, как смерть удар готова нанести,
Еще поет тебя мой голос утомленный.
Почти любовь мою одной слезой. Прости!

Когда цари пришли и гордой колесницей
Тебя растоптанной оставили в пыли,
Я кровь твою унять умел их багряницей,
И слезы у меня целебные текли.
Бог посетил тебя грозой благотворной, —
Благословениям грядущего внимай:
Осеменила мир ты мыслью плодотворной,
И равенство пожнет плоды ее. Прощай!

Я вижу, что лежу полуживой в гробнице.
О, защити же всех, кто мною был любим!

Вот, Франция, твой долг смиренной голубице,
Не прикасавшейся к золотым полям твоим.
Но, чтоб ты слышала, как я к тебе взываю,
В тот час, как бог меня в иной приемлет край, —
Свой камень гробовой с усилием поднимаю...
Рука изнемогла, — он падает... Прощай!

Перевод А. Фета

Жерар де НЕРВАЛЬ
(1808—1855)

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Он прожил жизнь свою то весел, как скворец,
То грустен и влюблен, то странно-беззаботен.
То — как никто другой, то — как и сотни

сотен...

И постучалась Смерть у двери, наконец.

И попросил ее он обождать немного,
Поспешно дописал последний свой сонет,
И после в темный гроб он лег, задувши свет,
И на груди своей скрестивши руки строго.

Ах, часто ленью его душа грешила,
Он сохнуть оставлял в чернильнице чернила,
Он мало что узнал, хоть увлекался всем,

Но в тихий зимний день, когда от жизни бренной
Он позван был к иной, как говорят нетленной,
Он, уходя, шепнул: «Я проходил — зачем?»

Перевод В. Брюсова

Шарль БОДЛЕР
(1821—1867)

АВЕЛЬ И КАИН

1

Сын Авеля, дремли, питайся;
К тебе склонен с улыбкой Бог.

Сын Каина, в грязи валяйся,
Свой испутив предсмертный вздох.

Сын Авеля, твое куренье —
Отрада ангельских сердец!

Сын Каина, твое мученье
Изведает ли свой конец?

Сын Авеля, ты о посеве
Не думай: Бог его вознес.

Сын Каина, в голодном чреве
Твоём как будто воеет пес.

Сын Авеля, ты грейся перед
Патриархальным очагом.

Сын Каина, морозь свой веред,
Шакал несчастный, под кустом

Сын Авеля, люби и множься,
Как деньги множатся твои.

Сын Каина, ты не тревожься,
Когда услышишь зов любви.

Сын Авеля, умножен Богом
Твой род, как по лесу клопы!

Сын Каина, ты по дорогам
Влачи с семьей свои стопы.

2

Ага, сын Авеля, в болото
Лечь плоть твоя осуждена!

Сын Каина, твоя работа
Как следует не свершена.

Сын Авеля, пощады не требуй,
Пронзен рогатиной насквозь!

Сын Каина, взбирайся к небу
И Господа оттуда сбрось.

Перевод Н. Гумилева

СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ

Ложем будут нам полные духами
Софы, глубоки, как могильный сон,
Этажерок ряд с редкими цветами,
Что для нас взрастил лучший небосклон.

И сердца у нас, их вдыхая пламя,
Станут, как двойной пламенник, возжен
Пред очами душ, теми зеркалами,
Где их свет вдвойне ясно отражен.

Вечер налетит, тихий, лебединый,
И зажжемся мы вспышкой единой,
Как прощанья стон, долог и тяжел,

Чтобы, приоткрыв двери золотые,
Верный серафим оживить вошел
Матовость зеркал и огни былые.

Перевод Н. Гумилева

ЦВЕТЫ ЗЛА

ЧЕЛОВЕК И МОРЕ

Свободный человек! Недаром ты влюблен
В могучий океан: души твоей безбрежной
Он зеркало... Как ты, в движеньи вечном он,
Не меньше горечи в твоей груди мятежной.

Как по сердцу тебе в его волнах нырять,
На нем покоить взгляд! В его рыданиях гневных
И диких жалобах как любо узнавать
Родные отзвуки своих невзгод душевных!

Равно загадочны вы оба и темны,
Равно обвеяны молчаньем ледовитым.
Кто, море, знает ключ к твоим богатствам
скрытым?

Твои, о человек, кто смерит глубины?..

И что же? Без конца, не зная утомленья,
Войну вы меж собой ведете искони!
Так любите вы смерть и ужасы резни,
О братья-близнецы, враги без примиренья!

Перевод П. Якубовича

УЕДИНЕНИЕ

Будь мудрой, Скорбь моя! Не унывай без меры!
Ты Вечер все звала — и вот он настает.
Весь город полумрак окутывает серый,
Одним неся покой, другим — ярмо забот.
Но пусть толпа невежд, под плетью Наслажденья,
На рабском празднике, в забвении тупом
Проводит эту ночь и копит угрызенья
На совести своей... Уйдем от них, уйдем!..
Дай руку мне свою! Взгляни на свод небесный:
Не прошлые ль Года стоят там кучкой тесной
В одеждах старины, с поникшей головой?
Не Сожаление ль там, над рекой, всплывает
С улыбкой кроткою? Уж Солце умирает:
Взгляни — закат горит, как тяжелобольной...
И слушай, Скорбь моя, — о, слушай, дорогая, —
Как нежно сходит Ночь, парчою гробовой
С Востока дальнего таинственно сползая!

Перевод П. Якубовича

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ГРАВЮРА

На оголенный лоб чудовища-скелета
Корона страшная, как в карнавал, надета;
На остове-коне он мчится, горяча
Коня свирепого без шпор и без бича,
Растет, весь бешеной обрызганный слюною,
Апокалипсиса виденьем предо мною;
Вот он проносится в пространствах без конца;
Безбрежность поправа пятою мертвеца,
И молнией меча скелет грозит сердито
Толпам, поверженным у конского копыта;
Как принц, обшаривший чертог со всех сторон,
Скача по кладбищу, несется мимо он;
А вокруг — безбрежные и сумрачные своды,
Где спят все древние, все новые народы.

Перевод Эллиса

СОВЫ

Зеницей нацелясь багровой,
Рядами на черных березах,
Как идолы, старые совы
Застыли в мечтательных позах.

И с места не тронется птица,
Покуда, алея, могила
Не примет останков светила
И мрак над землей не сгустится.

А людям пример их — наука,
Что двигаться лишняя мука,
Что горшее зло — суета,

Что если гоняться за тенью
Кого и заставит мечта,
Безумца карает — Движенье.

Перевод И. Анненского

РАССВЕТ

В казармах, за рекой, пробили час зари,
И свежий утренник уж гасит фонари.

Толпа злоторных снов приникла к изголовью
Кипучих юношей... Как глаз, налитый кровью,
Свет лампы замигал в предутренних лучах...
И в этот смутный час, как лампы свет, в цепях
Телесной немощи душа бессильно бьется,
Тоскует, и болит, и на свободу рвется!
Весь воздух — как лицо, залитое в слезах:
Предметы зыблются в причудливых чертах...
Уже слышались кой-где людские речи
С охриплым отзвуком, и задымились печи.

Писатель задремал, не выпустив пера.
И падшим женщинам уснуть пришла пора —
Тупым, тяжелым сном без радости и муки,
Со ртом разинутым, как плети свесив руки.
Голь изнуренная, с отрепьем на плечах,
Разводит очаги на жалких чердаках;
Средь холода и мглы, в лишеньях нищей доли,
Несчастных рожениц теперь ужасней боли!

Как заглушенный плач сквозь хлынувшую кровь,
Крик сиплый петуха, замолкнув, слышен вновь.
Седой плывет туман, как море колыхаясь...
И в глубине больниц, хрипя и задыхаясь,
Немало горемык отходит в этот час!
Меж тем толпа гуляк, трудами утомясь,
Торопится домой — нога с ногой в разладе.

В зелено-розовом трепещущем наряде
Студеная заря над Сеною пустой
Неспешно движется огнистой полосой,
И сумрачный Париж, старик трудолюбивый,
Протер уже глаза рукой нетерпеливой.

Перевод П. Якубовича

КРАСОТА

О смертный! как мечта из камня, я прекрасна!
И грудь моя, что всех погубит чередой,
Сердца художников томит любовью властно,
Подобной веществу, предвечной и немой.

В лазури царствую я сфинксом непостижным;
Как лебедь, я бела и холодна, как снег;
Презрев движение, люблюсь неподвижным;
Вовек я не смеюсь, не плачу я вовек.

Я — строгий образец для гордых изваяний,
И, с тщетной жаждою насытить глад мечтаний,
Поэты предо мной склоняются во прах.

Но их ко мне влечет, покорных и влюбленных,
Сиянье вечности в моих глазах бессонных,
Где все прекраснее, как в чистых зеркалах.

Перевод В. Брюсова

НЕПОКОРНЫЙ

Крылатый серафим, упав с лазури ясной
Орлом на грешника, схватил его, кляня,
Трясет за волосы и говорит: «Несчастный!
Я — добрый ангел твой! узнал ли ты меня?»

Ты должен всех любить любовью неизменной:
Злодеев, немощных, глупцов и горбунов,
Чтоб милосердием ты мог соткать смиренно
Торжественный ковер для гóспода шагов!

Пока в твоей душе есть страсти хоть немного,
Зажги свою любовь на пламеннике бога,
Как слабый луч прильни к предвечному лучу!»

И ангел, грешника терзая беспощадно.
Разит несчастного своей рукой громадной;
Но отвечает тот упорно: «Не хочу!»

Перевод В. Брюсова

СТАРЫЙ КОЛОКОЛ

Я знаю сладкий яд, когда мгновенья тают
И пламя синее узор из дыма вьет,
А тени прошлого так тихо пролетают
Под вальс томительный, что вьюга им поет.

О, я не тот, увы! над кем бессильны годы,
Чье горло медное хранит могучий вой
И, рассекая им безмолвие природы,
Тревожит сон бойцов, как старый часовой.

В моей груди давно есть трещина, я знаю,
И если мрак меня порой не усыпит
И песни нежные слагать я начинаю —

Все, насмерть раненный, там будто кто хрипит,
Гора кровавая над ним все вырастает,
А он в сознании и недвижно умирает.

Перевод И. Анненского

СПЛИН

Бывают дни — с землею точно спаян,
Так низок свод небесный, так тяжел,
Тоска в груди проснулась, как хозяин,
И бледный день встает, с похмелья зол,

И целый мир для нас одна темница,
Где лишь мечта надломленным крылом
О грязный свод упрямо хочет биться,
Как нетопырь, в усердии слепом.

Тюремщик — дождь гигантского размера
Задумал нас решеткой окружить,
И пауков народ немой и серый
Под черепа к нам перебрался жить...

И вдруг удар сорвался как безумный, —
Колокола завыли и гудят,
И к облакам проклятья их летят
Ватагой злобною и шумной.

И вот... без музыки за серой пеленой
Ряды задвигались... Надежда унывает,
И над ее поникшей головой
Свой черный флаг Мученье развевает...

Перевод И. Анненского

СЛЕПЫЕ

О, созердай, душа: весь ужас жизни тут
Разыгран куклами, но в настоящей драме.
Они, как бледные лунатики, идут
И целят в пустоту померкшими шарами.

И странно: впадины, где искры жизни нет,
Всегда глядят наверх, и будто не проронит
Луча небесного внимательный лорнет,
Иль и раздумие слепцу чела не клонит?

А мне, когда их та ж сегодня, что вчера,
Молчанья вечного печальная сестра,
Немая ночь ведет по нашим стогам шумным

С их похотливою и наглою суетой,
Мне крикнуть хочется — безумному безумным:
«Что может дать, слепцы, вам этот свод пустой?»

Перевод И. Анненского

СООТВЕТСТВИЕ

Природа — дивный храм, где ряд живых колонн
О чем-то шепчет нам невнятными словами,
Лес темный символов знакомыми очами
На проходящего глядит со всех сторон.

Как людных городов созвучные раскаты
Сливаются вдали в один неясный гром,
Так в единении находятся живом
Все тоны на земле, цветы и ароматы.

Есть много запахов здоровых, молодых,
Как тело детское, — как звуки флейты нежных,
Зеленых как луга... И много есть иных,

Нахально блещущих, развратных и мятежных.
Там мускус, фимиам, пачули и бензой
Поют экстазы чувств и добрых сил прибор.

Перевод К. Бальмонта

ПЛАВАНЬЕ

1.

Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждым валом — даль, за каждой далью —
вал.

Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах — как бесконечно мал!

В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль, и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.

Что нас толкает в путь? Тех — ненависть к
отчизне,

Тех — скука очага, еще иных — в тени
Цирцеиных ресниц оставивших полжизни —
Надежда отстоять оставшиеся дни.

В Цирцеиных садах дабы не стать скотами,
Плывут, плывут, плывут в оцепененье чувств,

Пока ожоги льдов и солнц отвесных пламя
Не вытравят следов волшебницыных уст.

Но истые пловцы — те, что плывут без цели:
Плывущие — чтоб плыть! Глотатели широт,
Что каждую зарю справляют новоселье
И даже в смертный час еще твердят: — вперед!

На облако взгляни: вот облик их желаний!
Как отроку — любовь, как рекруту —
картечь, —
Так край желанен им, которому названья
Доселе не нашла еще людская речь.

2.

О, ужас! Мы шарам катящимся подобны,
Крутящимся волчкам! И в снах ночной поры
Нас Лихорадка бьет, как тот Архангел злобный,
Невидимым бичом стегающий миры.

О, странная игра с подвижною мишенью!
Не будучи нигде, цель может быть — везде!
Игра, где человек охотится за тенью,
За призраком ладьи на призрачной воде...

Душа наша — корабль, идущий в Эльдorado.
В блаженную страну ведет — какой пролив?
Вдруг среди гор, и бездн, и гидр морского

ада —

Крик вахтенного: — Рай! Любовь! Блаженство! —

Ри

Малейший островок, завиденный дозорным,
Нам чудится землей с плодами янтаря,
Лазоревой водой и с изумрудным дерном.
Базальтовый утес являет нам заря.

О, жалкий сумасброд, всегда кричащий: берег!
Скормить его зыбям иль в цепи заковать, —
Безвинного лгуна, выдумщика Америк,
От вымысла чьего еще серее гладь.

Так старый пешеход, ночующий в канаве,
Вперяется в Мечту всей силою зрачка.
Достаточно ему, чтоб Рай увидеть въяве,
Мигающей свечи на вышке чердака.

3.

Чудесные пловцы! Что за повествованья
Встают из ваших глаз — бездоннее морей!
Явите нам, раскрыв ларцы воспоминаний,
Сокровища, каких не видывал Нерей.

Умчите нас вперед — без паруса и пара!
Явите нам (на льне натянутых холстин
Так некогда рука очам являла чару)
Видения свои, обрамленные в синь.

Что видели вы, что?

4.

— Созвездия. И зыби,
И желтые пески, нас жгущие поднесь,
Но, несмотря на бурь удары, рифов глыбы, —
Ах, нечего скрывать! — скучали мы, как здесь.

Лиловые моря в венце вечерней славы,
Морские города в тиаре из лучей
Рождали в нас тоску, надежнее отравы,
Как воин опочить на поле славы — сей.

Стройнейшие мосты, славнейшие строения,
Увы, хотя бы раз сравнились с градом — тем,
Что из небесных туч возводит Случай-Гений...
И тупились глаза, узревшие Эдем.

От сладостей земных — Мечта еще жесточе!
Мечта, извечный дуб, питаемый землей!

Чем выше ты растешь, тем ты страстнее хочешь
Достигнуть до небес с их солнцем и луной.

Докуда дорастешь, о древо — кипариса
Живучее?.. Для вас мы привезли с морей
Вот этот фас дворца, вот этот профиль мыса, —
Всем вам, которым вещь чем дальше — тем
милей!

Приветствовали мы кумиров с хоботами,
С порфировых столбов взирающих на мир,
Резьбы такой — дворцы, такого взлету — камень,
Что от одной мечты — банкротом бы — банкир...

Надежнее вина пьянящие наряды,
Жен, выкрашенных в хну — до ноготка ноги,
И бронзовых мужей в зеленых кольцах гада...

5.

— И что, и что — еще?

6.

— О, детские мозги!..

Но чтобы не забыть итога наших странствий:
От пальмовой лозы до ледяного мха,

Везде — везде — везде — на всем земном
пространстве

Мы видели все ту ж комедию греха:

Ее, рабу одра, с ребячливостью самки
Встающую пятой на мыслящие лбы,
Его, раба рабы: что в хижине, что в замке
Наследственном — всегда — везде — раба
рабы!

Мучителя в цветах и мученика в ранах,
Обжорство на крови и пляску на костях,
Безропотностью толп разнузданных тиранов, —
Владык, несущих страх, рабов, метущих прах.

С десяток или два — единственных религий,
Все сплошь ведущих в рай — и сплошь
вводящих в грех!

Подвижничество, так носящее вериги,
Как сибаритство — шелк и сладострастье — мех.

Болтливый род людской, двухдневными делами
Кичащийся. Борец, осиленный в борьбе,
Бросающий Творцу сквозь преисподни пламя:
— Мой равный! Мой господь! Проклятие тебе!

И несколько умов, любовников Безумья,
Решивших сократить докучный жизни день.
И в опия морей нырнувших без раздумья, —
Вот Матери-Земли извечный бюллетень!

7.

Бесплодна и горька наука дальних странствий:
Сегодня, как вчера, до гробовой доски —
Все наше же лицо встречает нас в пространстве:
Оазис ужаса в песчаности тоски.

Бежать? Пребыть? Беги! Приковывает бремя —
Сиди. Один, как крот, сидит, другой бежит,
Чтоб только обмануть лихого старца — Время.
Есть племя бегунов. Оно — как Вечный Жид.

И как апостолы, по всем морям и сушам
Проносится. Убить зовущееся днем —
Ни парус им не скор, ни пар. Иные души
И в четырех стенах справляются с врагом.

В тот миг, когда злодей настигнет нас — вся
Вернется нам, и вновь воскликнем мы: — вперед!
Как на заре веков мы отплывали в Перу,
Авророю лица приветствуя восход.

Чернильной водой — морями глаже лака —
Мы весело пойдем между подземных скал.
О, эти голоса, так вкрадчиво из мрака
Взывающие: — К нам! — О, каждый, кто
взалкал

Лотосова плода! Сюда! В любую пору
Здесь собирают плод и отжимают сок.
Сюда, где крулый год — день лотосова сбора,
Где лотосову сну вовек не минет срок.

О, вкрадчивая речь! Нездешней лести нектар!
К нам руки тянет друг — через черный водоем.
— Чтоб сердце освежить — плыви к своей
Электре! —
Нам некая поет — нас жегшая огнем.

8.

Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!
Нам скучен этот край! О, Смерть, скорее
в путь!

Пусть небо и вода — куда черней чернила,
Знай, тысячами солнц сияет наша грудь!

Обманутым пловцам раскрой свои глубины!
Мы жаждем, обзрев под солнцем все, что есть,

На дно твое нырнуть — Ад или Рай —
едино! —
В неведомого глубь — чтоб новое обрести!

Перевод М. Цветаевой

Поль ВЕРЛЕН
(1842—1896)

НИКОГДА ВОВЕКИ

Зачем ты вновь меня томишь, воспоминанье?
Осенний день хранил печальное молчанье,
И ворон несся вдаль, и бледное сиянье
Ложилось на леса в их желтом одеянии.

Мы с нею шли вдвоем. Пленяли нас мечты,
И были волоса у милой развиты,
И звонким голосом небесной чистоты
Она спросила вдруг: «Когда был счастлив ты?»

На голос сладостный, на взор ее тревожный
Я молча отвечал улыбкой осторожной
И руку белую смиренно целовал.

О первые цветы, как вы благоухали!
О голос ангельский, как нежно ты звучал,
Когда уста ее признание лепетали!

Перевод Ф. Сологуба

ОБЕТ

Подруги юности и молодых желаний!
Лазурь лучистых глаз и золото волос!
Объятий аромат, благоуханье кос,
И дерзость робкая пылающих лобзаний!

Но где же эти дни беспечных ликований,
Дни искренней любви? Увы, осенних гроз
Они не вынесли, — и вот царит мороз
Тоски, усталости, и нет очарований.

Теперь я одинок, угрюм и одинок.
Так старость без надежд свой доживает срок,
Сестрой покинутый, так сирота тоскует.

О женщина, с душой и льстивой и простой,
Кого не удивишь ничем и кто, порой
Как мать, с улыбкою, вас тихо в лоб целует!

Перевод В. Брюсова

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГУЛКА

На западе гасли закатные чары,
И ветер качал на воде неньюфары;
Большие цветы, у глухих берегов,
Печально белели среди тростников.
Я шел одиноко, в тоске, молчаливый,
Вдоль пруда, где гнулись над водами ивы,
Вставая, качался неясный туман,
Как призрак молочный, фантом-великан,
И где-то кричал коростель, и в бессильи
По воздуху хлопали слабые крылья...
Я шел одиноко вдоль сумрачных ив,
И, саваном плотным все дали закрыв,
Туман поглотил и закатные чары,
И зыби пруда, и в воде неньюфары,
Большие цветы у глухих берегов
Белевшие грустно среди тростников.

Перевод В. Брюсова

ЖЕНЩИНЕ

Тебе мои стихи о ласке утешительной
Очей, где слезы радости, где сладкая мечта,
О сердце кротком, девственном. Сложилась
песня та
Во тьме тоски моей, безумно разрушительной.

Повадился ко мне, увы! кошмар губительный.
Растет, как стая жадная волков из-за куста.
Нет от него спасения, жизнь кровью облита,
Он давит сердце мне с жестокостью мучительной.

Томлюсь, томлюсь безрадостно, и первая тоска
Адама в первый день внезапного изгнания,
Как нежная идиллия, перед моей сладка.

Твои ж заботы все отрадней щебетания,
О милая, тех ласточек, что в небе голубом
Летают ранней осенью, прохладным светлым
днем.

Перевод Ф. Сологуба

* * *

Не надо ни добра, ни злости,
Мне дорог цвет слоновой кости
На коже ало-золотой.
Иди себе путем разврата,
Но как лелеют ароматы
От этой плоти, боже мой!

Безумство плоти без предела,
Меня лелеет это тело,
Священнейшая плоть твоя!
Зажженный страстностью твоею,
От этой плоти пламенею,
И, черт возьми, она — моя!

До наших душ нам что за дело!
Над ними мы смеемся смело, —
Моя душа, твоя душа!
На что нам райская награда!
Здесь, на земле, любить нам надо,
И здесь нам радость хороша.

Но здесь нам надо торопиться,
Недолгим счастьем насладиться,

Самозабвение вкусить.
Люби же, злая баловница,
Как льются воды, свищет птица, —
Вот так и мы должны любить.

Перевод Ф. Сологуба

* * *

Мне душу странное измучило виденье,
Мне снится женщина, неизвестна и мила,
Всегда одна и та ж и в вечном измененьи,
О, как она меня глубоко поняла...

Все, все открыто ей... Обманы, подозренья,
И тайна сердца ей, лишь ей, увя! светла.
Чтоб освежить слезой мне влажный жар чела,
Она горячие рождает испаренья.

Брюнетка? Русая? Не знаю, а волос
Я ль не ласкал ее? А имя? В нем слилось
Со звучным нежное, цветущее с отцветшим;

Взор, как у статуи, и нем, и углублен,
И без вибрации, спокоен, утомлен.
Такой бы голос шел к теням, от нас ушедшим...

Перевод И. Анненского

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Сердце исходит слезами,
Словно холодная туча...
Сковано тяжкими снами,
Сердце исходит слезами.

Льются мелодией ноты
Шелеста, шума, журчанья,
В сердце под игом дремоты
Льются дождливые ноты...

Только не горем томимо
Плачет, а жизнью наскуча,
Ядом измен не язвимо,
Мерным биеньем томимо.

Разве не хуже мучений
Эта тоска без названья?
Жить без борьбы и влечений
Разве не хуже мучений?

* * *

Целует клавиши прелестная рука;
И в сером сумраке, немного розоватом,
Они блестят; напев, на крыльях мотылька,
(О песня милая, любимая когда-то!)
Плывет застенчиво, испуганно слегка, —
И все полно ее пьянящим ароматом.

И вот я чувствую, как будто колыбель
Баюкает мой дух, усталый и скорбящий.
Что хочешь от меня, ты, песни нежный хмель?
И ты, ее припев, неясный и манящий,
Ты, замирающий, как дальняя свирель,
В окне, растворенном на сад вечерний, спящий?

Перевод В. Брюсова

ПЕСНЯ НАИВНЫХ

Мы наивны, синеглазки
Из романов старых лет.
Наши гладкие повязки,
Как и нас, забыл весь свет.

Мы дружны необычайно.
Дня лучи не так чисты,
Как заветных мыслей тайна.
Как лазурь, у нас мечты.

На поляны убегаем,
Лишь спадет ночная тень,
Ловим бабочек, болтаем
И смеемся целый день.

Под соломенные шляпки
К нам загару нет пути.
Платья — легонькие тряпки,
Где белей могли б найти!

Ришелье, иль де-Коссады,
Или кавалер Фоблаз

Завлекают нас в засады
Нежных слов и томных глаз.

Но напрасны их повадки,
И увидят лишь одни
Иронические складки
Наших юбочек они.

Дразнит их воображенье,
Этих всех сорвиголов,
Наше чистое презренье,
Хоть порой от милых слов

Начинает сердце биться
В обаяньи тайных дум
И в предвечьи, — влюбиться
Не пришлось бы наобум.

Перевод Ф. Сологуба

ЛУННЫЙ СВЕТ

Твоя душа — та избранная даль,
Где маски мило пляшут бергамаску.
Причудлив их наряд, а все ж печаль,
Звуча в напеве струн, ведет их пляску.

Амура мощь, безоблачные дни
Они поют, в минорный лад впадая,
И в счастье не веруют они,
В лучи луны романсы облекая.

И льются в тихий, грустный свет луны
Мечтанья птиц среди ветвей и взлеты
К луне светло рыдающей волны,
Меж мраморов большие водометы.

Перевод Ф. Сологуба

МАРИНА

Океан, в котором
Звонок плеск волны,
Мечется под взором
Траурной луны,

И, вгрызаясь резче
В неба бурый мрак,
Блещет в нем зловещий
Молнии зигзаг.

В судороге пьяной
Каждый новый вал
Пляшет, плещет рьяно
Вдоль подводных скал,

А по небосводу,
Рыща напролом,
Рвется на свободу
Ураганный гром.

ФАВН

Плешивый фавн из темной глины,
Плохой конец благих минут
Вещающая нам, среди куртины
Смеется дерзко, старый плут,

Над тем, что быстрые години
Нас к этим праздникам ведут,
Где так грохочут тамбурины,
Но где куртины стерегут.

Перевод Ф. Сологуба

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Средь золотых шелков палаты Экбатанской,
Сияя юностью, на пир они сошлись
И всем семи грехам забвенно предались,
Безумной музыке покорны мусульманской.

То были демоны, и ласковых огней
Всю ночь желания в их лицах не гасили,
Соблазны гибкие с улыбками алмей
Им пены розовой бокалы разносили.

В их танцы нежные под ритм эпиталамы
Смычок рыдание тягучее вливал,
И хором пели там и юноши, и дамы,
И, как волна, напев то падал, то вставал.

И столько благости на лицах их светилось,
С такою силою из глаз она лилась,
Что поле розами далеко расцветилось
И ночь алмазами вокруг разубралась.

И был там юноша. Он шумному веселью,
Увит левкоями, отдаться не хотел;

Он руки белые скрестил по ожерелью,
И взор задумчивый слезою пламенел.

И все безумнее, все радостней сверкали
Глаза, и золото, и розовый бокал,
Но брат печального напрасно окликал,
И сестры нежные напрасно увлекали.

Он безучастен был к кошачьим ласкам их,
Там черной бабочкой меж камней дорогих
Тоска бессмертная чело ему одела,
И сердцем демона с тех пор она владела.

«Оставьте!» — демонам и сестрам он сказал
И, нежные вокруг напечатлев лобзанья,
Освобождается и оставляет зал,
Им благовонные покинув одеянья.

И вот уж он один над замком, на столпе,
И с неба факелом, пылающим в деснице,
Грозит оставленной пирующей толпе,
А людям кажется мерцанием денницы.

Близ очарованной и трепетной луны
Так нежен и глубок был голос сатаны,

И треском пламени так дивно оттенялся.
«Отныне с богом я, — он говорил, — сравнялся.

Между Добром и Злом исконная борьба
Людей и нас давно измучила — довольно!
И, если властвовать вся эта чернь слаба,
Пусть жертвой падает она сегодня вольной.

И пусть отныне же, по слову сатаны,
Не станет более Ахавов и пророков,
И не для ужасов уродливой войны
Три добродетели воспримут семь пороков.

Нет, змёю Иисус главы еще не стер:
Не лавры праведным, он тернии дарует,
А я — смотрите — ад, здесь целый ад пирует,
И я кладу его, Любовь, на твой костер».

Сказал — и факел свой пылающий роняет...
Миг — и пожар завыл среди полнощной мглы:
Задрались бешено багровые орлы,
И стаи черных мух, играя, бес гоняет.

Там реки золота, там камня гулкий треск,
Костра бездонного там вой, и жар, и блеск;

Там хлопьев шелковых, искряся и летая,
Гурьба пчелиная кружится золотая.

И, в пламени костра бесстрашно умирая,
Веселым пением там величают смерть
Те, чуждые Христа, не жаждущие рая,
И, воя, пепел их с земли уходит в твердь.

А он на вышине, скрестивши гордо руки,
На дело гения взирает своего
И будто молится, но тихих слов его
Расслышать не дают бесовских хоров звуки.

И долго тихую он повторял мольбу,
И языки огней он провожал глазами,
Вдруг — громовой удар, и вмиг погасло пламя,
И стало холодно и тихо, как в гробу.

Но жертвы демонов принять не захотели:
В ней зоркость божьего всесильного суда
Коварство адское открыло без труда,
И думы гордые с творцом их улетели.

И тут страшнейшее случилось из чудес:
Чтоб только тяжким сном вся эта ночь казалась,

Чертог стобашенный из Мидии исчез,
И камня черного на поле не осталось.

Там ночь лазурная и звездная лежит
Над обнаженную евангельской долиной,
Там в нежном сумраке, колеблема маслиной,
Лишь зелень бледная таинственно дрожит.

Ручьи холодные струятся по камням,
Неслышно филины туманами плывут,
Там самый воздух полн и тайной, и забвеньем,
И только искры волн — мгновенные — живут.

Неуловимая, как первый сон любви,
С холма немая тень вздымается вдали,
А у седых корней туман осел уныло,
Как будто тяжело ему пробиться было.

Но, мнится, синяя уж тает тихо мгла,
И, словно лилия, долина оживает:
Раскрыла лепестки, и вся в экстаз ушла,
И к милосердию небесному взывает.

Перевод И. Анненского

* * *

Гул полных кабаков; грязь улицы; каштана
Лысеющего лист, увядший слишком рано;
Железа и людей скрежещущий хаос, —
Громадный омнибус, меж четырех колес
Сидящий плохо, взор, то алый, то зеленый,
Вращающий кругом; рабочий утомленный,
Городовому в нос пускающий свой дым
Из трубки; с крыш капель; неверный по сырým
Каменьям шаг; асфальт испорченный; по краю
Потоки грязные; — и это — путь мой к раю!

Перевод В. Брюсова

* * *

Мне под маскою рыцарь с коня не грозил,
Молча старое сердце мне Черный пронзил,

И пробрызнула кровь моя алым фонтаном,
И в лучах по цветам разошлася туманом.

Веки сжала мне тень, губы ужас разжал,
И по сердцу последний испуг пробежал.

Черный всадник на след свой немедля вернулся,
Слез с коня и до трупа рукою коснулся.

Он, железный свой перст в мою рану вложив,
Жестким голосом так мне сказал: «Будешь жив».

И под пальцем перчатки целителя твердым
Пробуждается сердце и чистым и гордым.

Дивным жаром объяло меня бытие,
И забилося, как в юности, сердце мое.

Я дрожал от восторга и чада сомнений,
Как бывает с людьми перед чудом видений.

А уж рыцарь поодаль стоял верховой;
Уезжая, он сделал мне знак головой,

И досель его голос в ушах остается:
«Ну, смотри. Исцелить только раз удастся».

Перевод И. Анненского

БРЮССЕЛЬ.
ПРОСТЫЕ ФРЕСКИ

I

И холмы, и долов дали
В розы, в прозелень одеты.
Лампы зыбко в полусветы
Очертанья все смешали.

На смиренные пучины
Кровь сквозь золото пылает.
На деревьях без вершины
Птичка слабо запеваet.

Так душе моей знакомы
Лики осени докучной.
Ветер все мои истомы
Убаюкал, однозвучный.

II

Вижу даль аллеяй.
Небо, быть светлей
Можно ль небесам?

В тайный свой приют
Нас кусты зовут, —
Знаешь, мило там.

Входит много бар —
Сам Ройе-Колар
С ними рад дружить —
Под дворцовый кров.
Этих стариков
Можно ль не почтить?

Весь дворец был бел,
А теперь зардел, —
То заката кровь.
Все поля кругом.
Пусть найдет свой дом
Наша там любовь.

Estaminet,
Maison Jeune Renard,
août 1872^{*}
Перевод Ф. Сологуба

---

* Эстамине. Дом Жюана Ренарда, август 1872 (франц.).

УЛИЦЫ

I

Станцуем джигу!

Любил я блеск ее очей.
Они небесных звезд светлей,
И много ярких в них огней.

Станцуем джигу!

С влюбленными она была,
Неотразимая, так зла
И в самой злости так мила!

Станцуем джигу!

Но розы уст милей цветут,
Когда уйдем из хитрых пут,
Когда мечты о ней умрут.

Станцуем джигу!

И вспоминать мне много лет
Часы любви, часы бесед, —
Ах, лучшей радости мне нет!

Станцуем джигу!

II

Как фантастично появленье
Реки средь улиц, и течение
Там за стеною футов в пять!
Она не плещет в берег мгlistый

Волною темною, но чистой,
Предместьям не мешает спать.

В разливе мертво-желтом, полном
Один лишь дым приникнет к волнам,
И пусть заря зажжет, скользя,
Коттеджи, желтый или черный,
За набережную просторной
Им отразиться в ней нельзя.

Paddington

Перевод Ф. Сологуба

РЕБЕНОК-ЖЕНЩИНА

Не понимали вы, как я был прост и прав,
О бедное дитя!
Бежали от меня, досаде волю дав,
Судьбой своей шутя.

Лишь кротость отражать, казалось бы, очей
Лазурным зеркалам,
Но столько желчи в них, сестра души моей,
Что больно видеть нам.

Руками нежными так замахали вы,
Как взбешенный герой,
Бросая резкий крик, чахоточный, увы!
Вы, в ком напевный строй!

Насмешливых и злых боитесь вы, и гром
Заставит вас дрожать,
Овечка грустная, — вам плакать бы тайком,
Обнявши нежно мать.

Любви не знали вы, — несет и свет, и честь
Бестрепетно она,
Спокойна в добрый час, но крест умеет несть
И в смертный час сильна.

Перевод Ф. Сологуба

* * *

В слезах моя душа,
Дождем заплакан город,
О чем, тоской дыша,
Грустит моя душа?

О, струи дождевые
По кровлям, по земле!
В минуты, сердцу злые,
О, песни дождевые!

Причины никакой,
Но сердцу все противно.
К чему же траур мой?
Измены никакой.

Нет горше этой муки,
Не знаешь почему,
Без счастья, без разлуки,
Так много в сердце муки!

САФО

С тугими персями, с запавшими глазами
Вдоль хладных берегов волчицей Сафо бродит.
Ей распирает грудь желаний томных пламя,

И о Фаоне мысль до бешенства доводит:
Все слезы презрел он! Забывши об обряде,
Она густых, как ночь, волос терзает пряди.

О, если б вырваться из тягостного плена
В те времена, когда свою любовь напевам
Ей нравилось вверять, чтобы в стихах нетленно
Их память сберегла в усладу спящим девам!

И вот, окликнута из моря Мойры зевом,
Она бросается в него белей, чем пена,
Меж тем как в небесах, пылая правым гневом,
Отмстительницею Подруг встает Селена.

Перевод Б. Лившица

Шарль КРО
(1842—1888)

СУШЕНАЯ СЕЛЕДКА

Видали ль вы белую стену — пустую, пустую,
пустую?

Не видели ль лестницы возле — высокой, высокой,
высокой?

Лежала там близко селедка — сухая, сухая,
сухая...

Пришел туда мастер, а руки — грязненьки,
грязненьки, грязненьки.

Принес молоток свой и крюк он — как шило,
как шило, как шило...

Принес он и вязку бечевок — такую, такую,
такую.

По лестнице мастер влезает — высоко, высоко,
высоко,

И острый он крюк загоняет — да туки, да
туки, да туки!

Высоко вогнал его в стену — пустую, пустую,
пустую;

Вогнал он и молот бросает — лети, мол, лети,
мол, лети, мол!

И вяжет на крюк он бечевку — длиннее, длиннее, длиннее,

На кончик бечевки селедку — сухую, сухую, сухую.

И с лестницы мастер слезает — тяжелый, тяжелый, тяжелый,

Куда, неизвестно, но только — далеко, далеко, далеко.

С тех пор и до этих селедка — сухая, сухая, сухая,

На кончике самом бечевки — на длинной, на длинной, на длинной,

Качается тихо, чтоб вечно — качаться, качаться, качаться...

Сложил я историю эту — простую, простую, простую,

Чтоб важные люди, прослушав, сердились, сердились, сердились,

И чтоб позабавить детишек таких вот... и меньше... и меньше...

Перевод И. Анненского

СМЫЧОК

У нее были косы густые
И струились до пят, развитые,
Точно колос полей, золотые.

Голос фей, но странней и нежней,
И ресницы казались у ней
От зеленого блеска черней.

Но ему, когда конь мимо пашен
Мчался, нежной добычей украшен,
Был соперник ревнивый не страшен,

Потому что она никогда
До него, холодна и горда,
Никому не ответила: «Да».

Так безумно она полюбила,
Что когда его сердце остыло,
То в своем она смерть ощутила.

И внимает он бледным устам:
«На смычок тебе косы отдам:
Очаруешь ты музыкой дам».

И, лобзая, вернуть он не мог
Ей румянца горячего щек—
Он из кос ее сделал смычок.

Он лохмотья слепца надевает,
Он на скрипке кремонской играет
И с людей подаянье собирает.

И, чаруя, те звуки пьянят,
Потому что в них слезы звенят,
Оживая, уста говорят.

Царь своей не жалеет казны,
Он в серебряных тенях луны
Увезенной жалеет жены.

.....

Конь усталый с добычей не скачет,
Звуки льются... Но что это значит,
Что смычок упрекает и плачет?

Так томительна песня была,
Что тогда же и смерть им пришла;
Свой покойница дар унесла;

И опять у ней косы густые,
И струятся до пят, развитые,
Точно колос полей, золотые...

Перевод И. Анненского

Тристан КОРБЬЕР
(1845—1875)

СКВЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Песок и прах. Волна хрипит и тает,
Как дальний звон. Волна. Еще волна.
Зловонное болото, где глотает
Больших червей голодная луна.

Здесь медленно варится лихорадка,
Изнемогает бледный огонек,
Колдует заяц и трепещет сладко
В гнилой траве, готовый наутек.

На волчьем солнце расстиляет прачка
Белье умерших — грязное тряпье,
И, все грибы за вечер перепачкав

Холодной слизью, вечное свое
Несчастье оплакивают жабы
Размеренно-лирическим «когда бы».

Перевод Б. Лившица

ИДАЛЬГО

О, все они горды!.. как на коросте вши!
Они ограбят вас, но так, что вы — растаяв
От восхищения — на самом дне души
Почти полюбите отважных негодяев.

Их запах не совсем хорош. Зато их вид
Очарователен — в них чувствуется раса.
Вот — не угодно ли? — набросок: нищий
Сид...
Великолепный Сид бездельников Козаса...

Я брел с подругою. Дорога, вся в огне,
Казалось, напрокат взята из преисподней,
Вдруг — Сид — во весь опор... и я прижат к
стене
Загривком лошади. — Ах, милостью господней

Я заклинаю вас: головку лука... су...
Я большего просить не смею у сеньора...
(А лошадь у меня почти что на носу.)
Она уж любит вас, бедняга! — Слишком скоро!

Дорогу! — О, хотя б окурок!.. Помогите
Вам Дева за добро. — Отстань, ты тратишь

время

Напрасно! Пропусти!.. (Он пальцами ноги
Тихонько мой карман затягивает в стремя.)

— Молю о жалости! — И, получивши су: —
Благодарю, сеньор, за ангельское дело...
Сеньора! Дивная! Спасибо за красу,
А также и за то, что на меня глядела!..

Перевод Б. Лившица

ДВА ПАРИЖА

1

НОЧЬЮ

Ты — море плоское в тот час, когда отбой
Валы гудящие угнал перед собой,
А уху чудится прибоя ропот слабый,
И тихо черные заворошились крабы.

Ты — Стикс, но высохший, откуда, кончив лов,
Уносит Диоген фонарь, на крюк надетый,
И где для удочек «проклятые» поэты
Живых червей берут из собственный голов.

Ты — щетка жнивника, где в грязных нитях рони
Прилежно роется зловонный рой вороний,
И от карманников, почуявших барыш,
Дрожа спасается облезлый житель крыш.

Ты — смерть. Полиция храпит, а вор устало
Рук жирно-розовых взасос целует сало,

И кольца красные от губ на них видны
В тот час единственный, когда ползут и сны.

Ты — жизнь, с ее волной певучей и живую
Над лакированной тритоньей головою,
А сам зеленый бог в мертвецкой и застыл,
Глаза стеклянные он широко раскрыл.

2

ДНЕМ

Гляди, на небесах, в котле из красной меди,
Неисчислимы для нас варятся снеди.
Хоть из остаточков состряпано, зато
Любовью сдобрено и потом полито!

Пред жаркой кухней толкуются побирашки,
Свежинка с запашком заманчиво бурлит,
И жадно пьяницы за водкой тянут чашки,
И холод нищего оттертого долит.

Не думаешь ли, брат, что, растопив червонцы,
Журчаще-жаркий жир* для всех готовит солнце?
Собачьей мы и той похлебки подождем.

* Le gras grouillon grouillant (франц.).

Не всем под солнцем быть, кому и под дождем.
С огня давно горшок наш черный в угол сдвинут,
И желчью мы живем, пока нас в яму кинут.

Перевод И. Анненского

Морис РОЛЛИНА
(1846—1903)

БОГЕМА

Последний мой приют — сей пошлый макадам,
Где столько лет влачу я старые мозоли
В безумных поисках моей пропавшей доли,
А голод, как клевет, за мною по пятам.

Твоих, о Вавилон, вертепов блеск и гам
Коробку старую мою не дразнят боле!
Душа там скорчилась от голода и боли,
И черви бледные гнездятся, верно, там.

Я призрак, зябнувший в зловонии отребий,
С которыми сравнял меня завидный жребий,
И даже псов бежит передо мною орда;

Я струпьями покрыт, я стар, я гнил, я —
парий.

Но ухмыляюсь я презрительно, когда
Помыслю, что ни с кем не хаживал я в паре.

Перевод И. Анненского

ПРОДАВЩИЦА РАКОВ

Когда все облики порока, в полумраке,
Рассядутся в кафе, — всем предлагая раки,

В плетенке, убранной петрушкой, ты скользишь.
Твоих миндальных глаз и ласковость и тишь,

Завитость локонов, блестящих, как солома,
И подведенных губ манящая истома

Смущают помыслы и штатских, и солдат.
А груди у тебя так выпукло стоят.

Так явственно видна, под юбкой, ножки
стройность,
Что каждый льнет к тебе и шепчет непристойность.

Перевод В. Брюсова

БИБЛИОТЕКА

Я приходил туда, как в заповедный лес:
Тринадцать старых ламп, железных и овальных,
Там проливали блеск мерцаний погребальных
На вековую пыль забвенья и чудес,

Тревоги тайные мой бедный ум гвоздили,
Казалось, целый мир заснул иль опустел;
Там стали креслами тринадцать мертвых тел,
Тринадцать желтых лиц со стен за мной следили.

Оттуда, помню, раз в оконный переплет
Я видел лешего причудливый полет,
Он извивался весь в усилиях бесполезных:

И содрогнулась мысль, почуяв тяжкий плен, —
И пробили часы тринадцать раз железных
Средь запустения проклятых этих стен.

Перевод И. Анненского

БЕЗМОЛВИЕ

(Тринадцать строк)

Безмолвие — это душа вещей,
Которым тайна их исконная священна,
Оно бежит от золота лучей,

Но розы вечера зовут его из плена;
С ним злоба и тоска безумная забвенна,
Оно бальзам моих мучительных ночей,
Безмолвие — это душа вещей,
Которым тайна их исконная священна.
Пускай роз вечера живые горячей, —
Ему милей приют дубравы сокровенной,
Где спутница печальная ночей
Подолгу сторожит природы сон священный...
Безмолвие — это душа вещей.

Перевод И. Анненского

Жан-Артюр РЕМБО
(1854—1891)

ОЩУЩЕНИЕ

В сапфире сумерек пойду я вдоль межи,
Ступая по траве подошвою босою.
Лицо исколют мне колосья спелой ржи,
И придорожный куст обдаст меня росюю.

Не буду говорить и думать ни о чем —
Пусть бесконечная любовь владеет мною —
И побреду, куда глаза глядят, путем
Природы — счастлив с ней, как с женщиной
земною.

Перевод Б. Лившица

ОФЕЛИЯ

I

На черной глади вод, где звезды спят беспечно,
Огромной лилией Офелия плывет,
Плывет, закутана фатою подвенечной.
В лесу далеком крик: олень замедлил ход.

По сумрачной реке уже тысячелетье
Плывет Офелия, подобная цветку;
В тысячелетие, безумной, не допеть ей
Свою невнятицу ночному ветерку.

Лобзая грудь ее, фатою прихотливо
Играет бриз, венком ей обрамляя лик.
Плакучая над ней рыдаем молча ива.
К мечтательному лбу склоняется тростник.

Не раз пришлось пред ней кувшинкам
расступиться.

Порою, разбудив уснувшую ольху,
Она вспугнет гнездо, где встрепенется птица.
Песнь золотых светил звенит над ней, вверху.

II

Офелия, белей и лучезарней снега,
Ты юной умерла, унесена рекой:
Не потому ль что ветер норвежских гор с разбега
О терпкой вольности шептаться стал с тобой?

Не потому ль, что он, взвевая каждый волос,
Нес в посвисте своем мечтаний дивных сев?
Что услышала ты самой Природы голос
Во вздохах сумерек и в жалобах деревьев?

Что голоса морей, как смерти хрип победный,
Разбили грудь тебе, дитя? Что твой жених,
Твой бледный кавалер, тот сумасшедший бедный
Апрельским утром сел, немой, у ног твоих?

Свобода! Небеса! Любовь! В огне такого
Виденья, хрупкая, ты таяла, как снег;
Оно безмерностью твое глушило слово —
И бесконечность взор смутила твой навек.

III

И вот поэт твердит, что ты при звездах ночью
Сбираешь свой букет в волнах, как в цветнике,

И что Офелию он увидал воочью
Огромной лилией, плывущей по реке.

Перевод Б. Лившица

НА МУЗЫКЕ

Вокзальная площадь в Шарлевиле

На чахлом скверике (о, до чего он весь
Прилизан, точно взят из благонаправной книжки!)
Мещане рыхлые, страдая от одышки,
По четвергам свою прогуливают спесь.

Визгливым флейтам в такт колышет киверами
Оркестр; вокруг него вертится ловелас
И щеголь, подходя то к той, то к этой даме;
Нотариус с брелков своих не сводит глаз.

Рантье злорадно ждут, чтоб музыкант сфальшивил;
Чиновные тузы влачат громоздких жен,
А рядом, как вожак, который в сквер их вывел,
И отпрыск шествует, в воланы разряжен.

На скамьях бывшие торговцы бакалеей
О дипломатии ведут серьезный спор
И переводят все на золото, жалея,
Что их советам власть не вняла до сих пор.

Задастый буржуа, пузан самодовольный
(С фламандским животом усесться — не пустяк!),

Посасывает свой чубук: безбандерольный
Из трубки вниз ползет волокнами табак.

Забравшись в мураву, гогочет голоштанник.
Вдыхая запах роз, любовное питье
В тромбонном вое пьет с восторгом солдатье
И возится с детьми, чтоб улестить их нянек.

Как матерой студент, неряшливо одет,
Я за девчонками в тени каштанов томных
Слежу. Им ясно все. Смеясь, они в ответ
Мне шлют украдкой взгляд, где тьма вещей
нескромных.

Но я безмолствую и лишь смотрю в упор
На шеи белые, на вьющиеся пряди,
И под корсажами угадывает взор
Все, что скрывается в девическом наряде.

Гляжу на туфельки и выше: дивный сон!
Сгораю в пламени чудесных лихорадок.
Резвухи шепчутся, решив, что я смешон,
Но поцелуй, у губ рождающийся, сладок...

Перевод Б. Лившица

ИСКАТЕЛЬНИЦЫ ВШЕЙ

Когда на детский лоб, расчесанный до крови,
Нисходит облаком прозрачный рой теней,
Ребенок видит въявь склоненных наготове
Двух ласковых сестер с руками нежных фей.

Вот, усадив его вблизи оконной рамы,
Где в синем воздухе купаются цветы,
Они бестрепетно в его колтун упрямый
Вонзают дивные и страшные персты.

Он слышит, как поет тягуче и невнятно
Дыханья робкого невыразимый мед,
Как с легким присвистом вбирается обратно —
Слюна иль поцелуй? — в полуоткрытый рот.

Пьянея, слышит он в безмолвии стоутом
Биенье их ресниц и тонких пальцев дрожь,
Едва испустит дух с чуть уловимым хрустом
Под ногтем царственным раздавленная вошь...

В нем пробуждается вино чудесной лени,
Как вздох гармоники, как бреда благодать,

И в сердце, млеющем от сладких вождлений,
То гаснет, то горит желанье зарыдать.

Перевод Б. Лившица

ЗЛО

Меж тем как красная харкотина картечи
Со свистом бороздит лазурный небосвод
И, слову короля послушны, по-овечьи
Бросаются полки в огонь, за взводом взвод;

Меж тем как жернова чудовищные бойни
Спешат перемолоть тела людей в навоз
(Природа, можно ли взирать еще спокойней
Чем ты, на мертвецов, гниющих между роз?) —

Есть бог, глумящийся над блеском напрестольных
Пелен и ладаном кадильниц. Он уснул,
Осанн торжественных внимая смутный гул,

Но вспрянет вновь, когда одна из богомольных
Скорбящих матерей, припав к нему в тоске,
Достанет медный грош, завязанный в платке.

Перевод Б. Лившица

ГЛАСНЫЕ

А — черно, бело — Е, У — зелено,
О — сине,

И — красно... Я хочу открыть рождение гласных.

А — траурный корсет под стаей мух ужасных,
Роящихся вокруг как в падали иль в тине,
Мир мрака; Е — покой тумана над пустыней,
Дрожание цветов, взлет ледников опасных.

И — пурпур, сгустком кровь, улыбка губ прекрасных
В их ярости иль в их безумье пред святыней.

У — дивные круги морей зеленоватых,
Луг, пестрый от зверья, покой морщин, измятых
Алхимией на лбах задумчивых людей.
О — звона медного глухое окончанье,

Кометой, ангелом пронзенное молчанье,
Омега*, луч Ее сиреневых очей.

Перевод Н. Гумилева

---

* Омега — последняя буква греческого алфавита.

РОМАН

I

Нет рассудительных людей в семнадцать лет!
Июнь. Вечерний час. В стаканах лимонады.
Шумливое кафе. Кричаще-яркий свет.
Вы направляетесь под липы эспланады.

Они теперь в цвету и запахом томят.
Вам хочется дремать блаженно и лениво.
Прохладный ветерок приносит аромат
И виноградных лоз и мюнхенского пива.

II

Вы замечаете сквозь ветку над собой
Обрывок голубой тряпицы, с неумело
Приколотой к нему мизерною звездой,
Дрожащей, маленькой и совершенно белой.

Июнь! Семнадцать лет! Сильнее крепких вин
Пьянит такая ночь... Как будто бы спросонок,
Вы смотрите вокруг, шатаетесь один,
И поцелуй у губ трепещет, как мышонок.

III

В сороковой роман мечта уносит вас...
Вдруг — в свете фонаря,— прервав виденья
ваши,

Проходит девушка, закутанная в газ,
Под сенью страшного воротника папаши.

И, находя, что так растерянно, как вы,
Смешно бежать за ней без видимой причины,
Оглядывает вас... И замерли, увы,
На трепетных губах все ваши каватины.

IV

Вы влюблены в нее. До августа она
Внимает весело восторженным сонетам.
Друзья ушли от вас: влюбленность им смешна.
Но вдруг... ее письмо с насмешливым ответом.

В тот вечер... вас опять влекут толпа и свет...
Вы входите в кафе, спросивши лимонаду...
Нет рассудительных людей в семнадцать лет
Среди шлифующих усердно эспланаду!

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Прекрасный херувим с руками брадобрея,
Я коротаю день за кружкой резной;
От пива мой живот, вздуваясь и жирея,
Стал сходен с парусом над водной пеленой.

Как в птичнике помет дымится голубиный,
Томя ожогами, во мне роятся сны,
И сердце иногда печально, как рябины,
Окрашенные в кровь осенней желтизны.

Когда же, тщательно все сны переварив
И весело себя по животу похлопав,
Встаю из-за стола, я чувствую позыв...

Спокойный, как творец и кедра и иссопов,
Пускаю ввысь струю, искусно окропив
Янтарной жидкостью семью гелиотропов.

Перевод Б. Лившица

ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ

Когда бесстрастных Рек я вверился теченью,
Не подчинялся я уже бичевщикам:
Индейцы-крикуны их сделали мишенью,
Нагими пригвоздив к расписанным столбам.

Мне было все равно: английская ли пряжа,
Фламандское ль зерно мой наполняют трюм.
Едва я буйного лишился экипажа,
Как с дозволенья Рек понесся наобум.

Я мчался под морских приливов плеск суровый,
Минувшею зимой, как мозг ребенка, глух,
И Полуострова, отдавшие найтовы,
В сумятице с трудом переводили дух.

Благосовение приняв от урагана,
Я десять суток плыл, пустясь, как пробка, в пляс
По волнам, трупы жертв влекущим неустанно,
И тусклых фонарей забыл дурацкий глаз.

Как мякоть яблока моченого приятна
Дитяти, так волны мне сладок был набег;

Омыв блевотиной и вин сапфирных пятна
Оставив мне, снесла она и руль и дрек.

С тех пор я ринулся, пленен ее простором,
В поэму моря, в звезд таинственный настой,
Лазури водные глотая, по которым
Плывет задумчивый утопленник порой.

И где, окрасив вдруг все бреды, все сапфиры,
Все ритмы вялые златистостью дневной,
Сильней, чем алкоголь, звончей, чем ваши лиры,
Любовный бродит сок горчайшей рыжиной.

Я знаю молнией разорванный до края
Небесный свод, смерчи, водоворотов жуть,
И всполошенную, как робких горлиц стая,
Зарю, и то, на что не смел никто взглянуть.

Я видел солнца диск, который, холодея,
Сочился сгустками сиреневых полос,
И вал, на древнего похожий лицедея,
Объятый трепетом, как лопасти колес.

В зеленой снежной мгле мне снились океанов
Лобзания; в ночи моим предстал глазам,
Круговращеньем сил неслыханных воспрянув,
Певучих фосфоров светящийся сезам.

Я видел, как прибой — коровник в истерии, —
Дрожа от ярости, бросался на утес,
Но я еще не знал, что светлых ног Марии
Страшитесь Океан — отдышливый Колосс.

Я плыл вдоль берегов Флорид, где так похожи
Цветы на глаз пантер; людская кожа там
Подобна радугам, протянутым, как вожжи,
Под óвидью морей к лазоревым стадам.

Болота видел я, где, разлагаясь в гнили
Необозримых верш, лежит Левиафан,
Кипенье бурных вод, взрывающее штили,
И водопад, вдали гремящий, как таран,

Закаты, глетчеры, и солнца, лун бледнее,
В заливах сумрачных чудовищный улов:
С деревьев скрюченных скатившиеся змеи,
Покрытые живой коростой клопов.

Я детям показать поющую дораду
Хотел бы, с чешуей багряно-золотой.
За все блуждания я ветрами в награду
Обрызган пеной был и окрылен порой.

Порой, от всех широт устав смертельно, море,
Чей вопль так сладостно укачивал меня,

Дарило мне цветы, странней фантазмагорий,
И я, как женщина, колени преклоня,

Носился, на борту лелея груз проклятый,
Помет крикливых птиц, отверженья печать,
Меж тем как внутрь меня сквозь хрупкие охваты,
Попятившись, вплывал утопленник поспать.

И вот, ощеренный травую бухт, злодейски
Окутавшей меня, я тот, кого извлечь
Не в силах монитор, ни парусник ганзейский
Из вод, дурманящих мой кузов, давший течь;

Я, весь дымящийся, чей остов фиолетов,
Я, пробивавший твердь, как рушат стену, чей
Кирпич покрылся сплошь — о, лакомство
поэтов! —

И лишаями солнц и соплями дождей;

Я, весь в блуждающих огнях, летевший пулей,
Сопровождаемый толпой морских коньков,
В то время как стекал под палицей июлей
Ультрамарин небес в воронки облаков;

Я, слышавший вдали, Мальштрем, твои раскаты
И хриплый голос твой при случке, бегемот,

Я, неподвижностей лазурных соглядатай,
Хочу вернуться вновь в тишь европейских вод.

Я видел звездные архипелаги в лоне
Отверстых мне небес — скитальческий мой бред:
В такую ль ночь ты спишь, беглянка, в миллионе
Золотоперых птиц, о Мощь грядущих лет?

Я вдоволь пролил слез. Все луны так свирепы,
Все зори горестны, все солнца жестоки,
О, пусть мой киль скорей расколется буря в щепы.
Пусть поглотят меня подводные пески.

Нет, если мне нужна Европа, то такая,
Где перед лужицей в вечерний час дитя
Сидит на корточках, кораблик свой пуская,
В пахучем сумраке бог весть о чем грустя.

Я не могу уже, о волны, пьян от влаги,
Пересекать пути всех грузовых судов,
Ни вашей гордостью дышать, огни и флаги,
Ни плыть под взорами ужасными мостов.

Перевод Б. Лившица

ЧТО ГОВОРЯТ ПОЭТУ О ЦВЕТАХ

(Отрывок)

Найди-ка в жилах черных руд
Цветок, ценимый всеми на вес:
Миндалевидный изумруд,
Пробивший каменную завязь!

Шутник, подай-ка нам скорей,
Презрев кухарок пересуды,
Рагу из паточных лилей,
Разъевших альфенид посуды!

Перевод Б. Лившица

БОГЕМА

Не властен более подошвы истоптать,
В пальто, которое достигло идеала,
И в сане вашего, о Эратó, вассала
Под небо вольное я уходил мечтать.

Я забывал тогда изъяны... в пьедестале
И сыпал рифмами, как зернами весной,
А ночи проводил в отеле «Под луной»,
Где шелком юбок слух мне звезды щекотали.

Я часто из канав их шелесту внимал
Осенним вечером, и, как похмелья сила,
Весельем на сердце и лаской ночь росила.

Мне сумрак из теней там песни создавал,
Я ж к сердцу прижимал носок моей ботинки
И, вместо струн, щипал мечтательно резинки.

Перевод И. Анненского

Жюль ЛАФОРГ
(1860—1887)

ЖАЛОБА
ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЛУНЕ

Что за полная луна!
Эй, скажи, ты чем полна?

Зорю слышно из казарм,
Вдалеке прошел жандарм.

Из окна рояль поет,
Переходит площадь кот.

Город спит, и тих и горд,
Вот, последний взят аккорд,

Прохрипел рояль, как зверь.
Что б за час мог быть теперь?

Ты, луна — среди пустынь;
Я — один... Сказать: аминь?

О беспечная луна!
Изо всех ты стран видна.

На Миссури ты глядишь,
И на праздничный Париж,

И на полюс, и на все...
Что ж! ты видишь и ее,

Там, в экспрессе, у окна?
Ах, счастливая луна, —

Это, после свадьбы, — с ней
Он теперь летит в Вевей*...

Ну, пропал бы я совсем,
Если б страсть моих поэм

Приняла она всерьез!
Будем жить, довольно грез!..

---

* Вевей (Веве) — город в Швейцарии на берегу Женевского озера, курорт.

Ах, луна! в душе тоска,
Скорбь пустого городка!

Ах, луна! я плачу! слушай!
Или ты заткнула уши?

Перевод В. Брюсова

ДОБРАЯ, ДОБРАЯ ОСЕНЬ

Вернется скоро осень,
Пора глухих ночей.
Как истинный художник,
Давно я дружен с ней.

Я ветер знаю близко,
Как друга своего.
С тех пор, как я родился,
Дрожу я от него.

И снег я знаю тоже.
Он, холоден и бел,
Хранит своей пшеницей
Меня от жажды тел.

Диск солнца даже в полдень
Так бледен и так мал, —
Лишь в виде утешенья...
Я это угадал!

Я с осенью сдружился,
Она со мной совсем, —

Как этот мир с «а после?»
А в мире все с «зачем?»

Пускай приходит осень,
Пора глухих ночей!
Как истинный художник,
Давно я дружен с ней.

Перевод В. Брюсова

НАСТРОЕНИЯ

Я болен сердцем, я на лад настроен лунный.

О тишина, прости вокруг свои лагуны!

О кровли, жемчуга, бассейны темноты,

Гробницы, лилии, озябшие коты,

Поклонимся луне, властительнице нашей:

Она — причастие, хранящееся в чаше

Безмолвия, она прекрасна без прикрас,

В оправе траурной сверкающий алмаз.

Быть может, о луна, я и мечтатель нудный,

Но все-таки скажи: ужели безрассудно

Хоть в мыслях преклонить колени пред тобой,

Как Христофор Колумб пред новою судьбой?

Ни слова более. Начнем богослуженье

Ночей, настоянных на лунном излученье.

Вращайся медленней, лишенный всех усад,

О фиброинный диск, о трижды скорбный град!

Кентавров вспомяни. Пальмиру дней счастливых,

Курносых сфинксов спесь, что спят в стовратых

Фивах,

И из-под озера Летейского ответь,

Какой Гоморрою тебе дано дотлеть?

Как относительны пристрастья человека,

Его «люблю тебя»! Какая подоплека

У «добрых вечеров» его и «добрых утр»!

Кружить вокруг любви, боясь проникнуть

внутри..

— Ах, сколько раз долбить я должен в лоб

чугунный:

Я болен сердцем, я на лад настроен лунный.

Перевод Б. Ливицца

ИЗ «ИЗРЕЧЕНИЙ ПЬЕРО»

Ах, что за ночи без луны!
Какие дивные кошмары!
Иль въяве лебедей полны
Там, за порогом, дортуары?

С тобой я здесь, с тобой везде.
Ты сердцу дашь двойную силу,
Чтоб в мутной выудить воде
Джоконду, Еву и Далилу.

Ах, разреши предсмертный бред
И, распятому богомолу,
Продай мне наконец секрет
Причастности к другому полу!

Перевод Б. Лившица

Стефан МАЛЛАРМЕ
(1842—1898)

ДАР ПОЭМЫ

О, не кляни ее за то, что Идумеи
На ней клеймом горит таинственная ночь!
Крыло ее в крови, а волосы как змеи,
Но это дочь моя, пойми: родная дочь.
Когда чрез золото, и волны аромата,
И пальмы бледные холодного стекла
На светоч ангельский денница пролила
Свой первый робкий луч и сумрак синеватый
Отца открытием неожиданным поразил,
Печальный взор его вражды не отразил,
Но ты, от мук еще холодная, над зыбкой
Ланиты бледные ты склонишь ли с улыбкой
И слабым голосом страданий и любви
Шепнешь ли бедному творению: «Живи»?
Нет! Если б даже грудь над ней ты надавила
Движеньем ласковым поблекшего перста,
Не освежить тебе, о белая Сивилла,
Лазурью девственной сожженные уста.

Перевод И. Анненского

ГРОБНИЦА ЭДГАРА ПО

Лишь в смерти ставший тем, чем был он изначала,
Гроозя, заносит он сверкающую сталь
Над непонявшими, что скорбная скрижаль
Царю немых могил осанною звучала.

Как гидра некогда отпрянула, вясь,
От блеска истины в пророческом глаголе,
Так возопили вы, над гением глумясь,
Что яд философа развел он в алкоголе.

О, если туч и скал осия тяжкий гнев,
Идее не дано отлиться в барельеф,
Чтоб им забвенная отметилась могила,

Хоть ты, о черный след от смерти золотой,
Обломок лишнего в гармонии светила,
Для крыльев Дьявола отныне будь метой.

Перевод И. Анненского

ЛЕБЕДЬ

Могучий, девственный, в красе извивных линий
Безумием крыла ужель не разорвет
Он озеро мечты, где скрыл узорный иней
Полетов скованных прозрачно-синий лед.

И Лебедь прежних дней, в порыве гордой муки,
Он знает, что ему не взвиться, не запеть:
Не создал в песне он страны, чтоб улететь,
Когда придет зима в сияньи белой скуки.

Он шейей отряхнет смертельное бессилье,
Которым вольного теперь неволит даль,
Но не позор земли, что приморозил крылья.

Он скован белизной земного одеянья
И стынет в гордых снах ненужного изгнанья,
Окутанный в надменную печаль.

Перевод М. Волошина

* * *

Отходит кружево опять
В сомнении Игры верховной,
Полуоткрыв альков греховный —
Отсутствующую кровать.

С себе подобной продолжать
Гирлянда хочет спор любовный,
Чтоб, в глади зеркала бескровной
Порхая, тайну обнажать.

Но у того, чьим снам опора
Печально спящая мандора,
Его виденья золотя,

Она таит от стекол окон
Живот, к которому привлек он
Ее, как нежное дитя.

Перевод Б. Лившица

Лоран ТАЙАД
(1854—1919)

ПОСВЯЩЕНИЕ

Он хвалит свой товар, но сдержанно: народ
Зевак во всем готов увидеть повод к сплетням.
«Слоноподобная Венера! Только вход
Не разрешается несовершеннолетним!»

Безусые юнцы, солдатики, легко
В предложенную им уверовав программу,
Проходят под навес, где предъявляют даму —
Сто пятьдесят кило, затянутых в трико.

Один из простаков, объятый страстным пылом
К гигантской женщине, совсем прирос к перилам
И делает свой взнос вторично торгашу,

Как вдруг из темноты, неотразимо-томен,
Желая ободрить его, басит феномен:
«Ты можешь трогать все — ведь я не укушу!»

Перевод Б. Лившица

Жан МОРЕАС
(1856—1910)

СТАНСЫ

О, Сунний*, Сунний, мыс высокий, что омыла
Иных небес купель,
Всего великого, в чем слава, гордость, сила,
И гроб и колыбель!

Давно, в дни юности, когда, осилив тучи,
День правил торжество,
Твое видение вошло стрелой летучей
В глубь сердца моего.

Пусть сердце точит кровь! Как призрак
неизбежный,
Ты вечно высишь там,
Над ясностью морской, лазоревой и снежной,
Полуупавший храм.

Перевод В. Брюсова

---

* Сунний — мыс на южной оконечности древней Аттики неподалеку от горы Лавриона. На его вершине располагаются руины храма Посейдона (ок. 440 г. до н. э.).

НОКТЮРН

Тук-тук, тук-тук. — «Ты кто, старик?»
— Я, ваша милость, гробовщик.

«Сюда, сюда тебя я жду,
Высокий клен сруби в саду,
Тяжелый гроб мне приготовь,
Чтоб схоронить мою любовь».

Тук-тук, тук-тук. — «Стучи, старик,
Спеши работать, гробовщик!»

«Ты белым тюлем гроб обвей,
Как грудь у ней, как грудь у ней!
И голубой прибавь убор,
Как милый взор, как милый взор!»

Тук-тук, тук-тук. — «Стучи, старик,
Спеши работать, гробовщик!»

«Вот там, вот там, где кленов ряд,
В тот час, когда погас закат

И месяц встал, и кругл, и ал,
Другой к ее устам припал».

Тук-тук, тук-тук. — «Ты кто, старик,
Я, ваша милость, гробовщик!»

«Иди в мой сад, — иди, я жду.
Высокий клен сруби в саду,
Тяжелый гроб мне приготовь,
Чтоб схоронить мою любовь».

Перевод В. Брюсова

Альбер САМЕН
(1858—1900)

КОНЕЦ ИМПЕРИИ

В просторном атрии под бюстом триумвира
Аркадий, завитой, как юный вертопрах,
Внимает чтению эфеба из Эпира...
Папирус греческий, руки предсмертный взмах —

Идиллия меж роз у вод синей сапфира,
Но стих сюсюкает и тлением пропах.
Вдыхая лилию, владыка полумира
Застыл с улыбкою в подведенных глазах.

К нему с докладами подходят полководцы:
Войска бегут... с врагом уже нельзя бороться,
Но императора все так же ясен вид.

Лишь предок мраморный, чело насупив грозно,
Затрепетал в углу, услышав, как трещит
Костяк империи зловеще грандиозной.

Перевод Б. Лившица

Анри де РЕНЬЕ
(1864—1936)

МУДРОСТЬ ЛЮБВИ

Пока не пробил час — спускаться в сумрак
вечный,
Ты, бывший мальчиком и брошенный беспечной
Крылатой юностью, усталый, как и мы,
Присядь — и вслушайся, до резких труб Зимы,
Как летняя свирель поет в тиши осенней.
Былая нежность спит в объятьях сладкой лени.
А смолкнет песенка — и слышно в тонком сне,
Что Август говорит Сентябрьской тишине,
И радость бывшая — навеянной печали.
Созревший плод повис на ветке; прозвучали
Напевы ветерка — угрозой зимних бурь...
Но ветер спит еще, ласкаясь. Спит лазурь.
Безмолвны сумерки, и ясны небеса,
И реют голуби, и в золоте леса...
Еще с губ Осени слетают песни Лета.
Твой день был солнечным; был ясен час рассвета,
А вечер сладостен, душа твоя чиста,
Еще улыбкою цветут твои уста...

Пусть расплелась коса: волна кудрей прекрасна!
Пусть уж не бьет фонтан: вода осталась ясной.

Люби. И сотни звезд зажгутся над тобой,
Когда пробьет твой час — спускаться в мрак
ночной!

Перевод И. Тхоржевского

* * *

Нет у меня ничего,
Кроме трех золотых листьев и посоха
Из ясеня,
Да немного земли на подошвах ног,
Да немного ветра в моих волосах,
Да бликов моря в зрачках...
Потому что я долго шел по дорогам
Лесным и прибрежным
И срезал ветвь ясеня,
И у спящей осени взял мимоходом
Три золотых листа...
Прими их. Они желты и нежны
И пронизаны
Алыми жилками,
В них запах славы и смерти.
Они трепетали под темным ветром судьбы,
Подержи их немного в своих нежных руках —
Они так легки, и помяни
Того, кто постучался в твою дверь вечером,
Того, кто сидел молча,
Того, кто, уходя, унес
Свой черный посох
И оставил тебе эти золотистые листья

Цвета смерти и солнца...
Разожми руку, прикрой за собой дверь,
И пусть ветер подхватит их
И унесет...

Перевод М. Волошина

УПРЕК

Как! мною ты владел, — моим лицом смущенным,
Клонившимся с мольбой,
И телом всем моим, покорным, обнаженным,
Дрожавшим пред тобой!

Дыханье уст моих ты пил устами жадно;
Ловил во мгле теней
Мой заглушенный стон; касался беспощадной
Рукой моих грудей.

И сердца моего широкие биенья
Подслушивать ты мог;
И ропот робости; увы! — и наслажденья
Непобедимый вздох.

Да! ты владел моим бессилием покорным,
И страхом и стыдом...
Что говорю! моим бесстыдством! и позорным
Желаний торжеством...

Я пред тобой была безвольной, обнаженной
От бедер до лица,

И заклинала я, чтоб сумрак благосклонный
Тянулся без конца! —

И мог ты о другом беседовать с другими,
Не о моих губах!
Их речь выслушивать, смеяться вместе с ними,
И думать о делах!

И мог ты снова жить, как жил, меня не зная!
И, свой восторг тая,
Не называть меня! молчать, не повторяя:
Она моя! моя!

Нет! если ты владел моей покорной страстью,
И ты, с того же дня,
Всем не кричал о том, в душе не веря счастью,
Ты не любил меня!

Перевод В. Брюсова

Прислушайся,
Есть кто-то, кто говорит устами эхо,
Кто один стоит среди мировой жизни,
Кто держит двойной лук и двойной факел,
Тот, кто божественно есть —
Мы сами...
Лик невидимый! Я чеканил тебя в медалях
Из серебра нежного, как бледные зори,
Из золота знойного, как солнце,
Из меди суровой, как ночь;
Из всех металлов.
Которые звенят ясно, как радость,
Которые звучат глухо, как слава,
Как любовь, как смерть;
Но самые лучшие — я сделал из глины
Сухой и хрупкой...
С улыбкой вы будете считать их,
Одну за другой,
И скажете: они искусно сделаны;
И с улыбкой пройдете мимо.
Значит, никто из вас не видел,
Что мои руки трепетали от нежности,
Что весь великий сон земли
Жил во мне, чтобы ожить в них?
Что из благочестивых металлов чеканил я
Моих богов,
И что они были живым ликом

Того, что мы чувствуем в розах,
В воде, в ветре,
В лесу, в море,
Во всех явлениях
И в нашем теле
И что они, божественно, — мы сами.

Перевод М. Волошина

ЭПИТАФИЯ

Я умер. Я навек смежил глаза свои.
Вчерашний Прокл и ваш насельник, Клазомены,
Сегодня — только тень, всего лишь пепел
тленный,
Без дома, родины, без близких, без семьи.

Ужель настал черед испить и мне струи
Летейских вод? Но кровь уж покидает вены.
Цветок Ионии, в пятнадцать лет надменный
Узнав расцвет, увял средь вешней колени.

Прощай, мой город! В путь я отправляюсь
темный,
Из всех своих богатств одной лишь драхмой
скромной
Запасшись, чтоб внести за переправу мзду,

Довольный, что и там в сверкающем металле
Я оттиск лебедя прекрасного найду,
Недостающего реке людской печали.

ПЛЕННЫЙ ШАХ

Я — шах, но все мои владенья в этом мире —
Листок, где нарисован я.
Они, как видите, увы, едва ли шире
Намного, чем ладонь моя.

Я, любовавшийся денницей золотою
С террас двухсот моих дворцов,
Куда бы я ни шел, влачивший за собою
Толпу угодливых льстецов,

Отныне обречен томиться в заточенье,
Замкнут навеки в книжный лист,
Где рамкой окружил мое изображение
Иранский миниатюрист.

Но не смутит меня, не знающего страха
Ни пред судьбой, враждебной мне,
Ни пред убийственным бесстрашием Аллаха,
Изгнанье в дальней стороне,

Пока бумажных стен своей темницы тесной
Я — благородный властелин,

И, в мой тюрбан вкраплен, горит звездой чудесной
На шелке пурпурный рубин;

Пока гарцую я на жеребце кауром,
И сокол в пестром клубучке,
Нахохлившись, застыл в оцепененьи хмуром,
Как прежде, на моей руке;

Пока кривой кинжал, в тугие вложен ножны,
За поясом моим торчит;
Пока к индийскому седлу, мой друг надежный,
Еще подвешен круглый щит;

Пока, видениям доверившись спокойным,
Я проезжаю свежий луг,
И всходит в небесах над кипарисом стройным
Луны упавший навзничь лук;

Пока, с моим конем коня пуская в ногу,
Подруга нежная моя
В ночном безмолвии внимает всю дорогу
Печальным трелям соловья

И, высказать свою любовь не смея прямо,
Слегка склоняется ко мне,

Строфу Саади иль Омара Хаияма
Нашептывая в полусне.

Перевод Б. Лившица

ПРОГУЛКА

Заветный час настал. Простимся и иди!
Пробудь в молчании, одна с своею думой,
Весь этот долгий день — он твой и впереди,
О тени, где меня оставила, не думай.

Иди, свободная и легкая, как сны,
В двойном сиянии улыбки, в ореолах
И утра, и твоей проснувшейся весны;
Ты не услышишь вслед шагов моих тяжелых.

Есть дуб, как жизнь моя, увечен и живуч,
Он к меланхоликам и скептикам участлив
И приютит меня — а покраснеет луч,
В его молчании уж тем я буду счастлив,

Что ветер ласковым движением крыла,
Отвеяв от меня докучный сумрак грезы,
Цветов, которые ты без меня рвала,
Мне аромат домчит, тебе оставя розы.

Франсис ВЪЕЛЕ-ГРИФФЕН
(1864—1937)

ЗОЛОТО*

Золото сделал я, золото —
Из солнца и горсти песку.
Тайна не стоила дорого,
Как игра смешна старику.
Падал песок из руки у меня,
Тихо звеня,
В волны ручья.
Ручей ускользал, как змея,
Дрожа от ветра и холода...
Золото сделал я, золото!
Из пшеницы белеющей сделал я снег,
Снег и декабрьскую вьюгу,
Саней заметаемый бег,
Девушки радостный смех
И близость к желанному другу.
Я сделал снег,
Как сделал золото;
Я сделал вьюгу, счастье холода,
Во мгле властительных снегов —

Воспоминания цветов.
Я сделал снег
Из лепестков.
Из жизни медленной и вялой
Я сделал трепет без конца
Мир создан волей мудреца:
И первый цвет зелено-алый,
И волн встающие кристаллы,
И тени страстного лица!
Как все слова необычайны,
Так каждый миг исполнен тайны.
Из жизни бледной и случайной
Я сделал трепет без конца!

Перевод В. Брюсова

* * *

Встань! — Жизнь утомлена,
Пусть сладко спит она
В твоих объятьях; томно и устало
Красавица пусть дремлет до зари.
А ты — вставай! Во тьме неуловимой
Тебя зовет Мечта;
Она зовет, и тает, мчится мимо...
О, кинься вслед за ней
На тайную манящую дорогу!
Иль нет тебе к чудесному путей!
Мечта неуловима,
Она исчезнет — к Богу.

Ступай! Оставь здесь все.
Возьми свой посох. Из земной любви,
Растущей каждый час и ненасытной,
Возьми одно: желанье. — И лети!
Мечта зовет, и тает, мчится мимо,
Она зовет лишь раз.

Бросайся в сумрак! Бездна ли страшна?
Смелей, не медли!
— Поздно!.. поздно!..
Жизнь пробудилась; чуткий сон любви

Расслышал все. Опять объятья Жизни
Тебя зовут для новых, жгучих ласк...
Ты опоздал! Еще одно мгновенье
Мечта зовет, — и ускользает прочь,
Одна, как тень,
С немым презреньем...
Теперь —
Сжимай в объятьях дорогую Жизнь!
Без счета, без конца
Целуй ее. Будь сильным,
Будь властелином Жизни и творцом!
Ты не ушел за беглою Мечтой,
За призраком, туманным и зовущим
К чудесному и к тайне — так вернись,
Вернись к прекрасной и любимой Жизни!
Увековечь в ней твой единый миг!
Из светлых снов ее и сердца мертвой муки
Создай один, но гармоничный стих.
Пускай тебя волнующие звуки
Переживут, и с новою весной
Звенят всегда то смехом, то рыданьем,
Когда зеленый лес
В своей листве смеющейся и зыбкой
Оденется приманками любви, —

И пой, светясь беспечною улыбкой!

* * *

О неужели в мире нет
Чего-то истинно святого:
Улыбки, песни давних лет,
Луча над морем золотого.

Чего-то дорогого нам:
Слезы иль книги незабвенной,
Чела, желанного губам,
Иль крика гордости мгновенной.

Чего-то высшего: стиха
Иль шепота в тиши вечерней,
Пусть — подвига или пусть — греха,
Короны иль венца из терний,

Что для души могло бы быть
Ее душой, ее святыней,
Сияло нам в земной пустыне,
И стоило того, чтоб жить!

Перевод В. Брюсова

Франсис ЖАММ
(1868—1938)

* * *

Послушай, как в саду, где жимолость цветет,
Снегирь на персике заливисто поет!

Как трель его с водою схожа чистой,
В которой воздух преломлен лучистый!

Мне грустно до смерти, хотя меня
Дарили многие любовью, а одна и нынче влюблена.

Скончалась первая. Скончалась и вторая.
Что случилось с третьей — я не знаю.

Однако есть еще одна.
Она — как нежная луна.

В послеобеденную пору
Мы с ней пойдем гулять по городу —

Быть может, по кварталам богачей,
Вдоль вилл и парков, где не счесть затей.

Решетки, розы, лавры и ворота
Сплошь на запоре, словно знают что-то.

Ах, будь я тоже богачом,
Мы с Амарильей жили б здесь вдвоем.

Ее зову я Амарильей. Это
Звучит смешно? Ничуть — в устах поэта.

Ты полагаешь, в двадцать восемь лет
Приятно сознавать, что ты поэт?

Имея десять франков в кошельке,
Я в страшной нахожусь тоске.

Но Амарилье, заключаю я,
Нужны не деньги, а любовь моя.

Пусть мне не платят гонорара даже
В «Меркюре», даже в «Эрмитаже» —

Что ж? Амарилья кроткая моя
Умна и рассудительна, как я.

Полсотни франков нам бы надобно всего.
Но можно ль все иметь — и сердце сверх того?

Да если б Ротшильд ей сказал: «Идем ко мне...»
Она ему ответила бы: «Нет!

Я к платью моему не дам вам прикоснуться:
Ведь у меня есть друг, которого люблю я...»

И если б Ротшильд ей сказал: «А как же имя
Того... ну, словом, этого... поэта?»

Она б ответила: «Франсисом Жаммом
Его зовут». Но, думаю, беда

Была бы в том, что Ротшильд о таком
Поэте и не слышал никогда.

Перевод Б. Лившица

* * *

Когда для всех меня не станет меж живыми,
С глазами, как жуки на солнце, голубыми,
Придешь ли ты, дитя? Безвестною тропой
Пойдем ли мы одни... одни, рука с рукой?
О, я не жду тебя дрожащей, без одежды,
Лилея чистая между стыдливых дев,
Я знаю, ты придешь, склоняя робко вежды,
Корсажем розовым младую грудь одев.
И, даже братского не обменив лобзанья,
Вдоль терний мы пойдем, расцветших для
терзанья,
Где паутин повис трепещущий намет,
Молчанья чуткого впивая жадно мед.
И иногда моей смущенная слезою,
Ты будешь нежною рукой мою сжимать,
И мы, волнуясь, как сирени под грозой,
Не будем понимать... не будем понимать...

Перевод И. Анненского

ЗЕВАКИ

Продельвали опыты зеваки
В коротких панталонах, и шутник
Мог искрой, высеченною во мраке,
Чудовищный баллона вызвать взрыв.

Взвивался шар, наряднее театра,
И падал в ахающую толпу.
Горели братья Монгольфье отвагой,
И волновалась Академия наук.

Перевод Б. Лившица

Андре ЖИД
(1859—1951)

СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Чуть в звонком воздухе раздался голос рога,
Мы поняли, что все должно застыть кругом.
Он смолк, но звук еще плывет своей дорогой
На медный небосклон.

Кустарник золотой приник вплотную к жнивью,
Стогами желтыми означились поля,
Сияло мертвое на горизонте солнце,
И выросли высокие леса...

На буках, выбежавших на опушку леса,
Вороны не хотели засыпать,
И меж ветвей, простершихся завесой,
Большие рыжие олени замерли.

Зачем же тишину нарушил рог звучаньем?
Который час теперь, что солнце не зашло?
Ужель кустов конца не будет колыханьям
И время замолчать воронам не пришло?

Еще рыдания! Какая скука всюду!
Не лучше ль дома бы нам посидеть с тобой?
Смотри, как, подхватив осенних листьев груды,
Их ветер закружил и гонит пред собой...

Перевод Б. Лившица

ПАРК

Увидев пред собой закрытую калитку,
Мы долго простояли, горько плача.
Потом, сообразив, что это мало чем поможет,
Мы снова медленно пустились в путь.

Мы вдоль ограды сада пробрели весь день;
Оттуда долетали голоса и взрывы смеха.
Мы думали, что там справляют праздник на
лужайке,
И эта мысль нас исполняла грустью.

Под вечер стены парка обагрил закат;
Не знали мы, что происходит за стеной,
Поверх которой ветви лишь виднелись, иногда
Ронявшие при колыханьи листья.

Перевод Б. Лившица

МАРТ

Я говорил душе: — Душа моя, родная,
Зачем меня будить? Приди, уснем.—
Душа ответила: — Взгляни, как зарева
Зарделась полоса. Пора. Покинем дом.

Я спорил: — На дворе ведь холодно, и мало
С тобой мы прочитали книг.
Скажи, ужель ты не устала
Бдеть надо мною каждый миг?

Зима от целого нас укрывала света;
Я думал, что я спал, но я был только нем.
Я столько размышлял, что, бедная душа поэта,
О солнце позабыл совсем.
Вернется ли оно опять к своей эклоге
И вместе с ним шумливая весна
Смутит ли снова наши диалоги?

— Оно окрасило всю занавесь багрянцем
Сквозь стекла потные окна,—
Ответила душа,— и наша лампа
Сейчас погаснет. Книги прочтены.

А если ты открыть не хочешь раму
Всему, что рвется к нам упрямо,
Открою я.

Зима прошла. Земля уныло
Глядит, оголена.
Проснись! Совсем иного пыла
Твоя душа полна.
Дремотой в хлеве истомленный,
Стремится скот на влажные поля,
К морской волне неугомонной.

— О бедная душа,— ответил я,— куда
Меня зовешь? Увидеть вдоль дороги
Безлиственные тополя?
Иль небоскат и пасмурный и строгий?
На бег ли посмотреть ручья,
На берег ли взглянуть пологий,
Бродячих чаек жалкий стан?
На скисший виноград под кровлею дырявой?
Иль за околицей на плачущих селян,
Мечтающих о пажитях поемных
И о посевах озимых хлебов?
Немые пашни ширятся безмерно
И ливней животворных ждут.
В морскую даль уже ушел весь лед —

В морскую даль, где кораблекрушений
Обломки носятся по прихоти течений;
Их на песке, в еще бурлящей пене,
Минувшей собирали мы весной;
На берегу в тот вечер сквозь одежду
Мы сырость ощутили вдруг
И в дом вернулись, чтобы пальцы рук
Озябшие согреть близ камелька надеждой.

Душа сказала мне: — Ужель не знаешь ты:
Все, что зима взяла, весна вернет нам вскоре?
Над грустною равниной из-за моря
Воспрянет солнце горячей.
Март кончился, апрель теплом своих лучей
Извечную любовь на челах возрождает...

— Как знать, не лето ли, что вновь мне
возвращает

Морскую даль и небосвод,
Для будущей зимы не лето ль сбережет
Таинственнейший сон любви вдвойне печальной?

Перевод Б. Лившица

НОЯБРЬ

Нам не заснуть никак. Бушует буря
За окнами, и ночь чудовищно темна.
Орлы влетают в потайные входы
И ставни дикими крылами бьют.

Средь бури покружив, они стучатся в двери,
Врываются в пустынный коридор,
Где медленно текут часы ночные
И наши сны. Нам не заснуть так скоро.

Мы подождем, чтоб ночь окончилась, оплачем
Сны, заблудившиеся на ветру,
Во мраке башни, где трепещут крылья,
И, как всегда, грозы преодолев насилье,

Дождливая заря блеснет нам сквозь стекло.

Перевод Б. Лившица

Полю КЛОДЕЛЬ
(1868—1955)

МРАЧНЫЙ МАЙ

Властительницы с взорами козулей
Лесной тропкою ехали верхом.
Собаки, дичь подкарауля,
Во мраке лаяли глухом.

Их волосы цеплялись за сучки,
И листья приставали к мокрым щекам.
Раздвинув ветви манием руки,
Они вокруг взирали диким оком.

Властительницы темных рощ, где птица
Поте на буке, и в овраге
Уж вечер, подымите лица,
Порозовевшие от влаги!

Я слишком мал, чтоб вас к себе привлечь.
Владычиц вечера! Голубок воркотня
Вам ближе, чем людская речь:
Вы не заметили меня.

Бегите! Лай уж слышен на дороге,
И тяжело наползают тучи!
Бегите! Пыль клубится на дороге,
И листья мчатся темной тучей!

Ручей далеко. Стадо где-то блеет.
Бегу, рыдая.
С горами слившись, туча дождик сеет
Над лесом шестичасовым — седея.

Перевод Б. Лившица

Поль ФОР
(1872—1960)

ФИЛОМЕЛА

Пой в сердце тишины, незримый соловей!
Все розы слушают, склоняясь со стеблей.

Крыло серебряной луны скользит несмело.
Среди неподвижных роз тоскует Филомела.

Среди неподвижных роз, чей аромат сильнее
От невозможности отдать всю душу ей.

Как пенье соловья в ночи совсем беззвездной
Похоже на призыв к богам подземной Бездны!

Нет — к розам, аромат которых тем сильнее,
Чем больше этот гимн влечет их в мир теней!

Не сердце ль тишины теперь само поет?
Куст облетевших роз — дремоты сладкий гнет...

Безмолвье, молниями насыщенное бури,
Иль безмятежное, как облако в лазури,

Всю ночь подчинено тебе лишь одному,
Пэан, навеянный луною Филомеле!

О песнь бессмертия! Не птичьи это трели!
Ах, волшебства ее нельзя преодолеть.

Не из Аида ли исходят эти трели?
Но даже вдоха нет у роз, чтоб умереть.

И все же, без него что за метаморфозы!
Луна присутствует при том, как гибнут розы,

Уже на всех кустах они склонили стебли,
И вихрь опавших роз проносится, колебля

Траву, и без того смятенную твоей
Бессмертной песнею, незримый соловей!

Объятый трепетом, роняет листья сад,
Блеснув из облака, луна ушла назад.

Продрогнув в мураве пугливой и во мгле,
О лепестки, скорей прислушайтесь к земле.

Прислушайтесь: идет гроза из бездн Аида.
Сердцебиением вселенной полон сад.

Глухой удар. Второй и третий вслед восходят.
Другие, звонкие и чистые, восходят.

Плененное землей, все ближе сердце. Стук
Его все явственней в траве, примятой ветром.

Порхают лепестки. Земля уже разверзлась.
И в розах, голубых от лунного сиянья,

Богиня вечная, всесильная Кибела,
Подъяв чело, тебе внимает, Филомела.

Перевод Б. Лившица

СЕЛЬСКИЕ БАЛЛАДЫ

I

Она умерла, умирая в расцвете счастливой любви.
Они ее гроб зарывали при первом сияньи зари.

Теперь ей лежать одиноко, в богатом наряде
своём.

Теперь ей лежать одиноко, под тяжким
могильным холмом.

Они возвращались беспечно, беспечно встречая
восход.

Они возвращались и пели с беспечностью:
«Всем свой черед!»

Она умерла, умирая в расцвете счастливой любви!
Они на охоту спешили, спешили, как
в прошлые дни.

II

Запремся, милая, скорей! Разбойный ветер у дверей.
Враз одеяло стянет с нас, на паруса его пустив

деревьям придорожным.

Запремся, милая, скорей! Разбойный ветер у дверей!
Враз вырвет из-под нас кровать, пустив в обшивку
на борта деревьям придорожным.

Запремся, милая, скорей! Разбойный ветер у дверей!
Враз наши ласки унесет, чтоб зыбью под кормой
пустить деревьям придорожным.

Запремся, милая, скорей! Разбойный ветер у дверей!
Окоченеть нам без всего, голубка, не умчи он нас
на корабле том самом...

III

— Мой мальчик, оживи, избавься от любви. — Ах,
оживу, конечно, чтоб сойти живехонькому в гроб.

— На край земли вдвоем, быть может, поплывем? —
Я уплываю в мир иной. Коль любишь, так плыви
со мной.

— Мой мальчик, я не прочь. Но как тебе помочь? —
Уйти, голубка, в мир иной. Коль любишь, умереть
со мной.

— Я жизнь люблю, любя, мой мальчик, и тебя...
— А коли любишь, и в раю со мной полюбишь
жизнь свою.

И будет двое нас, и больше в сотни раз. Нас будут тысячи и тьмы. Навек возрадуемся мы.

— Мой мальчик, оживи, избавься от любви. — Ах, оживу, конечно, чтоб сойти живехонькому в гроб.

— На край земли вдвоем, быть может, уплывем, и к Богу, к черту ли вдвоем, но уплывем, но уплывем...

IV

На крутой-крутой тропинке кто поймает, обниму, на крутой-крутой тропинке хлеба с солью дам ему, а в придачу, словно в кубке, дам и сахарные губки, кто поймает — полюблю.

На крутой-крутой тропинке, как стрела, помчалась ввысь, на крутой-крутой тропинке за стрелой не угнались; для одной и хлеб, и солька, и девица ни вот столько не жалеет ни о ком.

На крутой-крутой тропинке ангел лакомку узрел и последний хватить кусочек, только та не отдает, так что соль и ломтик хлеба ангел, прямо с девой, в небо, размахнувшись, зашвырнул.

На крутой-крутой тропинке видят люди — с ветерком по крутой-крутой тропинке мчится кувырком, все в грязи — и прямо в яме, с хлебцем с солью и с камнями замирает, точно ком.

Так с кокетками бывает, всеми теми, кто подчас на крутой-крутой тропинке хлебцем с солькой дразнит нас.

V

До боли мне знакомую долину, где я тебя впервые встретил, вновь увижу, о подруга, — и долину, и голубое небо, и любовь.

А ныне только с каменной тоской я, преданный своей подругой, дружен. Что? На земле отыскивать покой? Под землю мне сойти червям на ужин?

Закрой глаза и новую картину им перед вечной тьмою уготовь! Но как глаза любимой я покину, луг, стадо, зелень, небо и любовь?

А зарыдав, с рыданиями не я ли всю горечь выплакал да так, что вновь мне и глаза подруги засияли, и голубое небо, и любовь?

И вновь давно знакомую долину увижу, о неверная, и вновь глазами перелетных птиц окину. Любовь мертва, да здравствует любовь!

VI

Сияет солнце в вышине (о, слава и слезам, и страсти!), и говорит тебе и мне любовь приветливая «здрате».

В зеркальных облаках играя, погаснет солнышко вконец, и скоро ни конца ни края мертвящей ураганной тьме...

Но солнце сквозь нее пробьется, лучами зеркала разбив! Все до последнего в природе вернется к жизни — но не мы.

Любовь в осколки поглядится, лучами зеркала разбив! Но солоня от слез водица в разбитом зеркале сердце.

А солнце сквозь него пробьется — и улыбнется из-за туч. Ну а любовь исчезнет в тучах. В тьму сердца не пробьется луч.

Пусть солнце ослепит глаза (проклятье и слезам, и страсти!). Не блещет радуга над нами, хотя и позади гроза.

Не запоем о счастье птица, и радость не согреет нас. Назад любовь не возвратится, она уходит только раз.

VII

Умереть подруге наступил черед. Умирает ныне. И опять умрет. Тяжело сегодня сердцу моему. Но оттуда завтра память изыму.

Все ж, о ней жалея, в вечер юбилея, все ж о ней жалея, уроню слезу. Буду на земле я вспоминать о ней и, о ней жалея, плакать все сильней.

А может, завтра ни о юбилее, ни о делах давно прошедших дней, ни о покойниках не пожалею, ни о любви не вспомню! — ни о ней.

*

Трусим смерти мы, постарев, устав. Почему-то жить все еще охота. О любви еще говорят уста. Но любившие нас, увы, мертвы. Трусим смерти мы.

Вы о чем-то плачете.

Быть может, это плач о сгинувших, кого так прочно вы забыли? А может, о себе, о том, что ваш черед грядет лежать в могиле?

Сегодня, может быть, умру, а может, завтра. И обо мне забудут через день, ну через два — два с небольшим, предел... Забвенье — завтра. Значит смерть — сегодня.

*

Тяжело сегодня сердцу моему. Но оттуда память — завтра изыму!

Перевод В. Брюсова

Шарль ПЕГИ
(1873—1914)

БЛАЖЕН, КТО ПАЛ В БОЮ...

Блажен, кто пал в бою за плоть земли родную,
Когда за правое он ополчился дело;

Блажен, кто пал, как страж отцовского надела,
Блажен, кто пал в бою, отвергнув смерть иную.

Блажен, кто пал в пылу великого сраженья
И к богу — падая — был обращен лицом;
Блажен, кто пал в бою и доблестным концом
Стяжал себе почет высокий погребенья.

Блажен, кто пал в бою за города земные —
Они ведь города господнего тела;
Блажен, кто пал за честь родимого угла,
За скромный ваш уют, о очаги родные.

Блажен, кто пал в бою: он возвратился в прах,
Он снова глиной стал, землю первозданной;

Блажен, кто пал в бою, свершая подвиг бранный,
И зрелым колосом серпа изведal взмах.

Перевод Б. Лившица

Шарль Вильдрак
(1882—1971)

ПЕСНЬ ПЕХОТИНЦА

Я хотел бы на дороге
Старым быть каменотесом;
Он сидит на солнцепеке
И булыжники дробит,
Широко расставив ноги.

Кроме этого труда,
Нет с него иного спроса.
В полдень, удаляясь в тень,
Он съедает корку хлеба.

Знаю я глубокий лог,
Где укрылась в дикой чаще
Старая каменоломня,
Позабытая людьми.

Там и солнца луч не светит,
Не крапывает дождик,
Там залетная лишь птица
Вопрошает тишину.

Это — древняя морщина
На лице земли суровом,
Небом проклятая щель.

Съездившись под ежевикой,
Я хотел бы там лежать!

Я хотел бы быть слепцом,
Что стоит у входа в церковь:

Звучной ночью окружен,
Он поет, в себе лелея,
Время, плещущее в нем,
Как под сводом чистый воздух,

Потому что он на берег
Выброшен рекой угрюмой,
И его уж не увлечь
Мутной ненависти волнам.

Я хотел бы быть солдатом,
Наповал убитым первой
Пулей в первый день войны.

Перевод Б. Лившица

Андре САЛЬМОН
(1881—1969)

СВЕТЛЯКИ

Не глядя, как плетется кляча,
Крестьянин дремлет на возу.
Старуха, с дочкою судача,
Ведет на ярмарку козу.

Чем заняты все эти люди?
Ах, чем угодно, лишь не мной.
Но я, покорствуя причуде,
Слежу за жизнью мне чужой.

Увы, один под сводом неба,
Утратившего счет годин,
Один, в скирду зарывшись хлеба,
И там, меж деревень, один.

И жизнь была б лишь дар презренный
Без этой пляски светляков —

Балета будущих веков
Во славу гибнущей вселенной!

Перевод Б. Лившица

ТАНЦОВЩИЦЫ

Герольд, любовник, брат, он жизни мне дороже:
Сегодня вечером, отмститель всех обид,
Он императора убить обязан в ложе,
Когда прелестный принц с инфантой убежит.

Я для него хочу сегодня быть прекрасной
И танцевать. Суфлер в наш входит заговор,
Чтоб с материнскою зарею громогласно
Поздравил хор народ, безмолвный с давних пор.

От перьев, сброшенных изгнанниками рая,
Воспламеняются костры, пожар взметая
До туч, где от любви мычит апрельский бык.

Сестра, мы проведем всю ночь среди владык
Минуты, с кучером, с сенатором, с алькадом,
Прислушиваясь, как возводят дыбу рядом.

Перевод Б. Лившица

Макс ЖАКОБ
(1876—1944)

СЕРЕНАДА

Сутол, без ягодиц, но с бородоу
Чуть не до гетр, таков поклонник твой,
И все же, прелестница в перчатках синих, вою
Я под окном твоим с девичьей резедой.
Часы стенные бьют и, сонно
Вращая вал, выводят короля:
На нем пятиконечная корона,
Она — твой герб, но им пресыщен я.
Коралла синего иль аметиста тени,
Ресницы папоротника
Отмежевали на века
Свет от неверного стекла.
Окно: сигара на краю вселенной.

Долой безмолвие, ковчег ее красот:
Бессменная свеча измен мне лжет!
И все-таки надежда шепчет, что
Я не мечтатель юный,
Не житель Пампелуны

И перед сердцем ставлю знак бекара.
Он — ватерлиния и звезд и тротуара.
А дома туфельки
Тебе мозолей не натрут,
И дверь, ведущая вовнутрь
Вселенной, — непристойность.
Я, точно конь, стою понуро,
Дрожа от головы до ног
Лишь потому,
Что на наезднице медвежья шкура.

Перевод Б. Лившица

Эмиль ВЕРХАРН
(1855—1916)

ЛОНДОН

То — Лондон, о мечта! чугунный и железный,
Где стонет яростно под молотом руда,
Откуда корабли идут в свой путь
беззвездный —
К случайностям морей, кто ведает куда!

Вокзалов едкий дым, где светится мерцаньем,
Серебряным огнем, скорбь газовых рожков,
Где чудища тоски режут по расписаньям
Под беспощадный бой Вестминстерских часов.

Вдоль Темзы — фонари; не парок ли бессонных
То сотни веретен вонзились в темь реки?
И в лужах дождевых, огнями озаренных, —
Как утонувшие матросов двойники.

И голоса гуляк, и жесты девки пьяной,
И надпись кабака, подобная Судьбе, —

И вот, внезапно Смерть в толпе, как гость
незванный..
То — Лондон, о мечта, влачащийся в тебе!

Перевод В. Брюсова

ДЕКАБРЬ

гости

— Откройте, люди, откройте двери,
Я бьюсь о крышу, стучусь в окно,
Откройте, люди, я ветер, ветер,
Одетый в платье сухих листьев.

— Входите, сударь, входите, ветер,
Для вас готовый всегда очаг;
Труба дымится, камин побелен,
Входите, ветер, входите к нам.

— Откройте, люди, — я непогода,
Во вдовьем платье, в фате дождя
Она сочится, она струится
Сквозь тускло-серый ночной туман.

— Входите смело, вдова, входите,
Ваш сине-бледный мы знаем лик.
Сырые стены и норы трещин
Всегда готовый для вас приют.

— Откройте, люди, замки, засовы,
Я выюга, люди, откройте мне,

Мой плащ клубится и платье рвется
Вдоль по дорогам седой зимы.

— Входите, вьюга, царица снега,
Просыпьте лилий своих цветы
По всей лачуге, вплоть до камина,
Где в красном пепле живет огонь.

Мы беспокойны, мы любим север,
Мы люди диких, пустынных стран,
Входите, ветры и непогоды,
За все невзгоды мы любим вас.

Перевод М. Волошина

ТОЛПА

В городах из сумрака и черни,
Где цветут безумные огни;
В городах, где мечутся, беснуясь,
С пеньем, с криками, с проклятьями, кипя,
Как в котле, — трагические толпы;
В городах, внезапно потрясенных
Мятежом, иль паникой, — во мне,
Вдруг прорвавшись, блещет и ликует
Утысячеренная душа.

Лихорадка с зыбкими руками,
Лихорадка в буйный свой поток — меня
Увлекает и несет, как камень, по дорогам.
Разум меркнет,
Сердце рвется к славе, или к преступленью,
И на дикий зов единокупной силы
Я бегу из самого себя.

Ярость ли, безумие, любовь ли, —
Все пронзает молнией сердца;
Все известно прежде, чем сознание
Верной цели в мозг впилося, как гвоздь.
Факелами потрясают руки,
Рокот волн на папертях церквей,

Стены, башни, вывески, вокзалы, —
Пляшет все в безумьи вечеров,

Простирают мачты золотые светы
И отчаянья огни,
Циферблаты отливают кровью;
И когда трибун на перекрестке
Говорит, то ловишь не слова, —
Только жест, которым иступленно
Он клеймит венчанное чело
Императора и рушит алтари.

Ночь кипит и плещет грозным шумом,
Электричеством налитан воздух,
Все сердца готовы отдаться,
Душа сжимается безмерною тревогой, разрешаясь
Криками... и чувствуешь, что каждое мгновенье
Может вспыхнуть, иль раздавить рождающийся мир.
Народ — тому, кому судьба судила
Руки, владеющие молнией и громом,
И власть открыть среди стольких смутных светов
Ту новую звезду, которая пребудет
Магнитом новой всемирной жизни.

Чувствуешь ты, как прекрасно и полно
Сердце мое
В этот час,
В сердце мира поющий и бьющий?

Жизнь согласи с судьбою, что толпа,
Сама того не зная, возглашает
Этой ночью, озаренной томленьем духа.
Она одна глубинным чувством знает
И долг, и право завтрашнего дня.
Весь мир и тысячи неведомых причин
Поддерживает каждый ее порыв
К трагическим и красным горизонтам,
Творимым ею.
Грядущее! Я слышу, как оно
Рвет землю и ломает своды в этих
Городах из золота и черни, где пожары
Рыщут, как лев с пылающей гривой.
Единая минута, в которой потрясены века,
Узлы, которые победа развязывает в битвах,
Великий час, когда обличья мира меняются,
Когда все то, что было святым и правым, —
Кажется неверным,
Когда взлетаешь вдруг к вершинам новой веры,
Когда толпа — носительница гнева —
Сочтя и перечтя века своих обид,
На глыбе силы воздвигает право.

О, в городах, внезапно потрясенных
Кровавым празднеством и ужасом ночным,
Чтоб вознести и возвеликолепить — себя,
Душа моя, замкнись!

БАНКИР

Он — в кресле выцветшем, угрюмый,
неизменный,

Немного сгорбленный; порывистым пером
Он пишет за своим заваленным столом,
Но мыслью он не здесь, — там, на краю
вселенной!

Пред ним Батавия, Колумбо и Капштадт,
Индийский океан и гавани Китая,
Где корабли его, моря пересекая,
То с бурей борются, то к пристани спешат.

Пред ним те станции, что строил он в пустынях.
Те иглы рельс стальных, что он в песках провел,
По странам золота и драгоценных смол,
Где солнце властвует в просторах слишком синих;

Пред ним покорный круг фонтанов нефтяных,
И шахты темные его богатых копей,
И звон его контор, знакомых всей Европе,
Звон, что пьянит, зовет, живет в умах людских;

Пред ним властители народов, побежденных
Его влиянием; он может их рубезж
Расширить, иль стеснить, иль бросить их в
мятеж
По прихоти своих расчетов потаенных;

Пред ним и та война, что в городах земных
Он, как король, ведет, без выстрелов и дыма,
Зубами мертвых цифр грызя неутомимо
Кровавые узлы загадок роковых.

И в кресле выцветшем, угрюмый, неизменный,
Порывисто чертя узоры беглых строк,
Своим хотениям он подчиняет Рок, —
И белый ужас в рог трубит по всей вселенной!

О золото, что он собирает в разных странах;
И в городах безумствующих, пьяных,
И в селах, изнывающих в труде,
И в свете солнечном, и в воздухе, — везде!
О, золото крылатое, о, золото парящее!
О, золото несытое, жестокое и мстящее!
О, золото лучистое, сквозь темный вихрь
горящее!

О, золото живое,
Лукавое, глухое!

О, золото, что порами нужды
Бессонно пьет земля с Востока до Заката!
О, золото древнее, краса земной руды,
О, вы куски надежд и солнца! Злато! Злато!

Чем он владеет, он не знает.
Быть может, башни превышает
Гора накопленных монет!
Но все холодный, одинокий,
Он, как добычу долгих лет,
С какой бы радостью глубокой
Небес охране вековой
Доверил самый шар земной!

Толпа его клянет, и все ему покорны,
Ему завидуя. Стоит он, как мечта.
Всемирная алчба, сердец пожар упорный,
Сжигает души всех, его ж душа — пуста.
И если он кого обманет, что за дело!
Назавтра тот к нему стучится вновь несмело.

Его могущество, как ток нагорных вод,
С собой влечет в водоворот
(Как камни, листья и растенья)
Имущества, богатства, сбереженья
И малые гроши,

Которые в тиши
Копили бедняки в поту изнеможенья.

Так, подавляя все Ньягарами своей
Растущей силы, он, сутулый и угрюмый,
Над горами счетов весь погруженный в думы,
Решает судьбы царств и участь королей.

Перевод В. Брюсова

Поль ВАЛЕРИ
(1871—1945)

ЕЛЕНА, ЦАРИЦА ПЕЧАЛЬНАЯ...

Лазурь! Я вышла вновь из сумрачных пещер
Внимать прибою волн о звонкие ступени
И вижу на заре воскресшие из тени
Златовесельные громадины галер.

Одна, зову царей. Томясь, стремятся к соли
Курчавых их бород опять персты мои.
Я плакала. Они безвестные бои
Мне славили и песнь морской слагали воле.

Я слышу раковин раскаты, вижу блеск
Медноголосых труб, и весел мерный плеск,
И древний строй гребцов, в поспешности
степенный,

И благостных богов! В лазурной вышине
Они с носов галер сквозь поношенья пены
С улыбкой руки вновь протягивают мне.

Перевод Б. Лившица

ЮНАЯ ПАРКА

(Фрагменты)

Пускай преследует его мой нежный запах,
О смерть, вбери в себя прислужницу царя:
Разочаруй меня, унылая заря,
Я так устала жить, я — образ обреченный.
Послушай! Торопись... Весь год новорожденный
Смятенья тайные предсказывает мне:
Последний свой алмаз мороз сдает весне,
И завтра под ее улыбкой вожделенной
Внезапно вскроется родник запечатленный.
Как знать, откуда ты, насильница-весна,
Пришла? Но речь твоя струится так ясна,
Что умиляется земля в глубоком чреве...
Одевшись в чешую, набухшие деревья —
Зачем им столько рук и овидей дано? —
Вздывают к солнцу вновь громовое руно
И в горьком воздухе уже растут крылами
Бесчисленной листвы, в чьих жилах — снова
пламя..

Ты слышишь, как в лучах дрожат их имена,
Глухая? Как в дали, где все — в оковах сна,
Уже собрался в путь, ожившею вершиной
Ощерясь на богов и к ним стремясь единой

Душой, плавучий лес, чьи грубые стволы
С благоговением возносят ввысь из мглы —
Куда плывете вы опять, архипелаги? —
Укрывшийся в траве поток нежнейшей влаги.
Какая смертная отвергнет этот плен?
Какая смертная...
Ах, дрожь моих колен
Предчувствует испуг коленей беззащитных...
Как этот воздух густ! От криков ненасытных
Вон птица падает... Сердцебиенья час!
А розы! Легкий вздох приподымает вас,
Властитель кротких рук, сомкнутых над корзиной...
Ах, в волосах моих мне тяжек вес пчелиный,
Твой острый поцелуй, пронзающий меня,
Вершина моего двусмысленного дня...
О свет! Иль смерть! Одно из двух, но поспешите.
Как бьется сердце! Как час от часу несытей
Вздувается моя тугая грудь, как жжет
Меня в плену моих лазоревых тенет...
Пускай тверда... но как сладка устам
несчетным!..

*

Я заклинать хочу лишь слабый отблеск твой,
Слеза, уже давно готовая пролиться,
Моя наперсница, ответная зарница,

Слеза, чей трепет мне еще не заволок
Разнообразия печального дорог.
Ты идешь из души, но колеей окольной,
Ты каплю мне несешь той влаги подневольной,
Тот чудодейственно-живительный отстой,
Чьей жертвой падает моих видений рой,
О тайных замыслов благое возлиянье!
В пещере ужасов, на самом дне сознанья
Наслаивает соль, немотствуя, вода.
Откуда ты? Чей труд, уныл и нов всегда,
Выводит, поздняя, тебя из горькой тени?
Все материнские и женские ступени
Мои осилишь ты, но медленный твой ход
Несносен... От твоих чудовищных длиннот
Мне душно... Я молчу и жду тебя заране...
— Кто звал тебя прийти на помощь свежей
ране?

Перевод Б. Лившица

ПОГИБШЕЕ ВИНО

Когда я пролил в океан —
Не жертва ли небытию? —
Под небом позабытых стран
Вина душистую струю,

Кто мной тогда руководил?
Быть может, голос вещуна,
Иль, думая о крови, лил
Я драгоценный ток вина?

Но, розоватым вспыхнув дымом,
Законам непоколебимым
Своей прозрачности верна,

Уже трезвея в пьяной пене,
На воздух подняла волна
Непостижимый рой видений.

Перевод Б. Лившица

INTÉRIEUR*

То никнет в зеркала рабыней длинноглазой,
То, воду для цветов держа, стоит над вазой,
То, ложу расточив всю чистоту перстов,
Приводит женщину сюда, под этот кров,
И та в моих мечтах благопристойно бродит,
Сквозь мой бесстрастный взгляд, бесплотная,
проходит,
Как сквозь светило дня прозрачное стекло,
И разума щадит земное ремесло.

Перевод Б. Лившица

---

* Интерьер (франц.) — Ред.

ДРУЖЕСКАЯ РОЩА

Дорогою о чистых и прекрасных
Предметах размышляли мы, пока
Бок о бок двигались, в руке рука,
Безмолвствуя... среди цветов неясных.

Мы шли, боясь нарушить тишину,
Обручники, в ночи зеленой прерий
И разделяли этот плод феерий,
Безумцам дружественную луну.

Затем, во власть отдавшись запустенью,
Мы умерли, окутанные тенью
Приветной рощи, ото всех вдали,

И в горнем свете, за последней гранью,
Друг друга, плача, снова обрели,
О милый мой товарищ по молчанью!

Перевод Б. Лившица

МОРСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Как этот тихий кров, где голубь плещет
Крылом, средь сосен и гробниц трепещет!
Юг праведный огни слагать готов
В извечно возникающее море!
О благодарность вслед за мыслью вскоре:
Взор, созерцающий покой богов!

Как гложет молний чистый труд бесменно
Алмазы еле уловимой пены!
Какой покой как будто утвержден,
Когда нисходит солнце в глубь пучины,
Где, чистые плоды первопричины,
Сверкает время и познание — сон.

О стойкий клад. Минервы храм несложный,
Массив покоя, явно осторожный,
Зловещая вода, на дне глазниц
Которой сны я вижу сквозь пыланье,
Мое безмолвье! Ты в душе — как зданье,
Но верх твой — золото тысяч черепиц!

Храм времени, тебя я замыкаю
В единый вздох, всхожу и привыкаю

Быть заключенным в окоем морской,
И, как богам святое приношенье,
В мерцаньи искр верховное презренье
Разлито над бездонною водой.

Как, тая, плод, когда его вкушают,
Исчезновенье в сладость превращает
Во рту, где он теряет прежний вид,
Вдыхаю пар моей плиты могильной,
И небеса поют душе бессильной
О берегах, где вновь прибой шумит.

О небо, я меняюсь беспрестанно!
Я был так горд, я празден был так странно
(Но в праздности был каждый миг велик),
И вот отдался яркому виденью
И, над могилами блуждая тенью,
К волненью моря хрупкому привык.

Солнцестоянья факел встретив грудью
Открытой, подчиняюсь правосудью
Чудесному безжалостных лучей!
На первом месте стань, источник света:
Я чистым возвратил тебя!.. Но это
Меня ввергает в мрак глухих ночей.

Лишь сердца моего, лишь для себя, в себе
лишь —
Близ сердца, близ стихов, что не разделишь

Меж пустотой и чистым смыслом дня, —
Я эхо внутреннего жду величья
В дистерне звонкой, полной безразличья,
Чей полый звук всегда страшит меня

Лжепленница зеленых этих мрежей,
Залив, любитель худосочных режей,
Узнаешь ли ты по моим глазам,
Чья плоть влечет меня к кончине вялой
И чье чело ее с землей связало?
Лишь искра мысль уводит к мертвецам.

Священное, полно огнем невестным,
Залитое сияньем многосвещным,
Мне это место нравится: клочок
Земли, дерев и камня единенье,
Где столько мрамора дрожит над тенью
И моря сон над мертвыми глубок.

Гони жреца, о солнечная сука!
Когда пасу без окрика, без звука,
Отшельником таинственных овец,

От стада белого столь бестревожных
Могил гони голубок осторожных
И снам напрасным положи конец!

Грядущее здесь — воплощение лени.
Здесь насекомое роится в тлене,
Все сожжено, и в воздух все ушло,
Все растворилось в сущности надмирной,
И жизнь, пьяна отсутствием, обширна,
И горечь сладостна, и на душе светло.

Спят мертвецы в земле, своим покровом
Их греющей, теплом снабжая новым.
Юг наверху, всегда недвижимый Юг
Сам мыслится, себя собою меря...
О Голова в блестящей фотосфере,
Я тайный двигатель твоих потуг.

Лишь я твои питаю опасенья!
Мои раскаянья, мои сомненья —
Одни — порок алмаза твоего!..
Но мрамором отягощенной ночью
Народ теней тебе, как средоточью,
Неспешное доставил торжество.

В отсутствии они исчезли плотном.
О веществе их глина даст отчет нам.

Дар жизни перешел от них к цветам.
Где мертвецов обыденные речи?
Где их искусство, личность их? Далече.
В орбитах червь наследует слезам.

Крик девушек, визжащих от щекотки,
Их веки влажные и взор их кроткий,
И грудь, в игру вступившая с огнем,
И поцелуям сдавшиеся губы,
Последний дар, последний натиск грубый —
Все стало прах, все растворилось в нем!

А ты, душа, ты чаешь сновиденья,
Свободного от ложного цветенья
Всего того, что здесь пленяло нас?
Ты запоешь ли, став легчайшим паром?
Все бегло, все течет! Иссяк недаром
Святого нетерпения запас.

Бессмертье с черно-золотым покровом,
О утешитель наш в венке лавровом,
На лоно матери зовущий всех!
Обман высокий, хитрость благочестья!
Кто не отверг вас, сопряженных вместе,
Порожний череп и застывший смех?

О праотцы глубокие, под спудом
Лежащие, к вам не доходит гудом
Далекий шум с поверхности земной.
Не ваш костяк червь избирает пищей,
Не ваши черепа его жилище —
Он жизнью жив, он вечный спутник мой!

Любовь или ненависть к своей особе?
Так близок зуб, меня грызущий в злобе,
Что для него имен найду я тьму!
Он видит, хочет, плоть мою тревожа
Своим касанием, и вплоть до ложа
Я вынужден принадлежать ему.

Зенон! Жестокий! О Зенон Элейский!
Пронзил ли ты меня стрелой злодейской,
Звенящей, но лишенной мощных крыл?
Рожденный звуком, я влачусь во прахе!
Ах, Солнце... Черной тенью черепахи
Ахилл недвижим над душой застыл!

Нет! Нет! Воспрянь! В последующей эре!
Разбей, о тело, склеп свой! Настежь двери!
Пей, грудь моя, рожденье ветерка!
Мне душу возвращает свежесть моря...
О мощь соленая, в твоём простор
Я возрожусь, как пар, как облака!

Да! Море, ты, что бредишь беспрестанно
И в шкуре барсовой, в хламиде рваной
Несчетных солнц, кумиров золотых,
Как гидра, опьянев от плоти синей,
Грызешь свой хвост, сверкающий в пучине
Безмолвия, где грозный гул затих,

Поднялся ветер!.. Жизнь зовет упорно!
Уже листает книгу вихрь задорный,
На скалы вал взбегают веселей!
Листы, летите в этот блеск лазурный!
В атаку, волны! Захлестните бурно
Спокойный кров — кормушку стакселей!

Перевод Б. Лившица

Жан ЖИРОДУ
(1882—1944)

* * *

Я вижу Бельфора
Пруды, силуэт
Печальный собора,
Которого нет;

И осень — о, рок,
Чья поступь все губит! —
Трубящую в рог,
Который не трубит;

И тетку Селест,
Что, рдея от злости,
Убила бы гостя,
Который не ест,—

Всю юность мою
В тупом захолустьи.
И желчи и грусти
Я слез не таю.

Перевод Б. Лившица

ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ В СЕВЕРНЫХ
СТРАНАХ

Зима ушла. Весне — почет.
Уж солнце больше не печет:
В нем зноя нет.
Его лучи ласкают втуне
Вербену, венчики петуний
И горчицвет.

Зарылся солнца диск в сугробах:
Над ним навис, как тяжкий обух,
Весны приход.
Охотник тонет в почве млечной,
Зато рыбак скользит беспечно
По лону вод.

Распутнице и деве скромной
Теперь уж не до неги томной —
О царство сна!
Сатир — бесстрастия победа! —
Не похищает дочь соседа:
Весна! Весна!

Леон-Поль ФАРГ
(1876—1947)

ГАЛЬКИ

Цветок трехфазный, мгла общественных уборных,
Змееподобная семья Аспазий вздорных,
На деревце греха срывающая плод,
Ошибки, женщины — какой ужасный счет!
Довольно! Пусть любовь махровой станет
розой,
Размером с пальму. Пусть не ноет впредь
занозой.
Коснись меня, но знай: я мертв душой давно.
Целуй меня...
О, как во рту твоём темно!

Перевод Б. Лившица

Поль-Жан ТУЛЕ
(1867—1920)

ПЕСЕНКА

Помнишь, после бездорожья
Краткий отдых в кабачке?
В белом ты была пике —
Хороша, как мать божья.

Нам бродяга из Наварры
На гитаре поиграл:
Был мне люб и звон гитары
И студеный мой бокал.

О забытом богом в ландах
Я мечтаю кабачке:
О трактирщице в платке,
О глицинии в гирляндах.

Перевод Б. Лившица

* * *

Как эти яблоки
В их блеске золотом
На берегах реки,
Где высился Содом,

Иль словно те плоды,
Которые Тантал
Среди гнилой воды,
Отплевываясь, жрал,—

Так сердце, что дано
Тебе держать в руках:
Раскрой его — оно
Внутри лишь тлен и прах.

Перевод Б. Лившица

Жорж РОДЕНБАХ
(1855—1898)

ВЕЧЕР

Вступает сумрак в дом, и комната ему
Сдается без борьбы, бессильно и покорно,
И вдруг становится пустынной и просторной.
Вот, первым, потолок ушел в глухую тьму,
И тени тянутся, как нити паутины.
Поблекли краски все; из почерневших рам
Портреты прадедов глядят суровой к нам.
Оделись трауром старинные картины;
Померкло зеркало; в темнеющем стекле
Давно искажены живые отраженья;
У статуй бронзовых в колеблющейся мгле
Так неуверенны застывшие движенья!
Там был букет из роз, но он во тьме исчез,
И больше нет цветов; медлительны и строги,
Повисли сумерки над складками завес,
Их странно углубив, как колеи дороги,
И жмутся возле ламп, предчувствуя, что те
Врагами станут вдруг в пронзенной темноте...

Но комната пока во власти тьмы всецело
И кажется в тот час внезапно постарелой.

Перевод В. Брюсова

БОЛЕЗНЬ

Болезнь нам тихое дает уединенье,
И я ее сравню с усталым челноком,
Который спит в воде, без ветра, без движенья,
Привязан к берегу веревкою с кольцом.

Все лето он скользил по возмущенной влаге,
Под песни шумные лазурный свод дробя.
Потешные огни да праздничные флаги,
Вот все, что каждый день он видел вокруг себя.

Настал октябрь; теперь челнок с молчаньем
дружен,

Теперь вокруг него синее небо склон.
Свободен стал челнок: он никому не нужен!
И, всей земле чужой, он небом окружен!

Перевод В. Брюсова

Ренэ ГИЛЬ
(1862—1925)

ЖАЛОБА ПАСТУШКЕ

Нет ни одной тропы на свете, дорогая,
где бы не прошли хоть раз влюбленные...

В пыли
расцветших летних дней шаги их, замирая
под шопот страстных клятв, растаяли вдали:

(так бляенье твоих овечек, так вдали
замолкший ровный шум нагорных речек, тая...)

но утро каждое (смотри!) опять в пыли
расцветших летних дней — посев шагов! Сверкая,
вся радость, вся мечта, встает заря другая!
О дорогая!

Когда слетает лист, и воеет звонкий рог,
и полон небосклон его истомным стоном,
и веет ветер в овсах, блуждая без дорог,

в дни августа,— жнецы, по дедовским законам,
как рой кузнечиков по пашням и по склонам,
серпами верещат, о дорогая...

Но

когда уже полно́ высокое гумно,—
вновь в полдень запахи над полем страстно
дышат,
вновь ветер над жнитвами забытый стебель колышет!
а где колосья ржи стройны и высоки,
там, где колосья ржи,— синеют васильки!
Нет места на земле, о дорогая, где бы
кровь не лилась овец.

Они с тобой по полю
теснились и паслись, и вдоль больших дорог
багряных летних дней (глядя наощупь в небо
очами кроткими) все шли, как бы в неволю.
В пыли багряных дней следы их робких ног,
дождем, что́ по тропам топтался и по полю,
размыты до конца...

И все же на путях
багряных летних дней, там, по большой дороге,—
где лужи от дождя еще блестят во рвах,
опять вздымают пыль их маленькие ноги!

и сколько б небосклон ни угрожал грозой,
их, робких, блеющих, все столько ж за тобой!

Нет ни одной тропы на свете, дорогая,
где б не прошли хоть раз влюбленные...

И пусть
серпом идущих лет ты срезана (любовь
моей души и слов!), и пусть струилась кровь
мучительных разлук, когда всевластна грусть;
в истоптанной пыли воспоминаний пусть
посев твоих шагов размыт...

Заря, сверкая
под голубым шатром одеждой белизны,
опять встает. И вновь живет любовь былая!
тобой — полны мечты и сны — как в дни
весны!
О дорогая!

Перевод В. Брюсова

Эрнест РЕЙНО
(1864—1936)

ЗАБЫТЫЕ ПЕВЦЫ...

Забытые певцы! безвестные поэты!
Бессчетный, черный полк, вовеки не согретый
Лучом известности! У букинистов я
В числе календарей и книжного старья,
Ваш томик разыскав, беру его без торга
(О, гробик маленький печалей и восторга!),
И после, вечером, при лампе, в тишине,
Как я вознагражден, когда внезапно мне
Из груди слов пустых, с томительной страницы,
Блеснет прекрасный стих, как беглый блеск
зарницы!
С певцом неведомым я в чувстве слиться рад,
И слезы горькие в моей груди дрожат,
И вглубь грядущих дней смотрю я горделиво,
Исправив приговор судьбы несправедливой!

Перевод В. Брюсова

ФАВН

Я долго, мраморный, стоял среди листвы,
В саду запущенном, и взор мой терпеливый
Привык следить в ветвях за белкой шаловливой
За кругом коршуна в просторах синевы!

И вот я не в саду, а в мраморном Музее.
Как память прошлого, немного мне дано:
Лазури бледной клочок, чуть видимый в окно,
Да две, на цоколе, сплетенные лилеи.

Но здесь, в изгнании, мне близок мир былой.
Я помню; на заре слетался птичий рой
Ко мне, чтоб влагу рос пить из моей ладони.

Здесь праздная толпа глазеет на меня,
Лакеи служат мне при первом свете дня,—
Но сердцем я не здесь, там, на зеленом склоне!

Перевод В. Брюсова

Юг ЛАПЭР
(1869)

ЗАВЕЩАНИЕ

Где растет зеленый падуб,
Красный вереск, темный дрок,
Там, в родную землю, надо б
Опустить мой скромный гроб.

Пусть снесут меня к могиле
В синих блузах земляки,
Чтоб, баюкая, продлили
Чувство жизни их шаги.

И неслышно, в тихом мире,
В ночь земли, сойду я вниз,—
Без кантат, без «dies irae»,
Как с ветвей спадает лист.

Перевод В. Брюсова

Люси ДЕЛАРЮ-МАРДРЮС
(1880—1945)

РОДНОЙ АРОМАТ

Почуяв аромат страны родной,— зубами
Впилась я в яблоко, с закрытыми глазами...
И мне представилось, что в поле я стою,
Что ветер с берега ласкает грудь мою,
И от лучей меня скрывает тополь старый...
И мне слышалось, что слиты волн удары
С веселым щебетом птиц, реющих кругом...
И я подумала, что там, в саду моем,
Сорвавши яблоко рукой нетерпеливой,
Забыла я закрыть калитку... Сколько раз
Там, в поле, осенью, смежая веки глаз,
Пила я сок плодов твоих, о край счастливый,
Моя Нормандия! Не излечиться мне
Вовеки от любви к моей родной стране!
Всегда мне радостно в мечтах об ней забытья...
Да кто же мог когда от детства излечиться!

Перевод В. Брюсова

Гийом АПОЛЛИНЕР
(1880—1918)

СУМЕРКИ

В саду где привиденья ждут
Чтоб день угас изнемогая
Раздевшись догола нагая
Глядится Арлекина в пруд

Молочно-белые светила
Мерцают в небе сквозь туман
И сумеречный шарлатан
Здесь вертит всем как заправила

Подмостков бледный властелин
Явившимся из Гарца феям
Волшебникам и чародеям
Поклон отвесил арлекин

И между тем как ловкий малый
Играет сорванной звездой
Повешенный под хриплый вой
Ногами мерно бьет в цимбалы

Слепой баюкает дитя
Проходит лань тропой росистой
И наблюдает карл грустя
Рост Арлекина Трисмегиста

Перевод Б. Лившица

ОТШЕЛЬНИК

Проклятие скорбям и мученичеству
Вскричал близ черепа отшельник босоногий
Логомахических соблазнов и тревоги
Внушаемой луной я не переживу

Все звезды от моих молитв бегут О дыры
Ноздрей Орбиты глаз Истлевшие черты
Я голоден Давно кричу до хрипоты
И вот для моего поста головка сыра

О господи бичуй поднявшие подол
Над задом розовым бессовестные тучи
Уж вечер и цветы объемлет сон дремучий
И мыши в сумраке грызут волхвуя пол

Нам смертным столько игр дано любовь и мурра
Любовь игра в гусек я к ней всегда готов
А мурра беглый счет мелькающих перстов
Соделай господи меня рабом Амура

Я Незнакомки жду чьи тонкие персты
На ноготках хранят отметки лжи и лени

Им нет числа но я томясь от вождлений
Жду рук протянутых ко мне из темноты

Чем провинился я что ты единорогом
Обрек меня прожить земную жизнь господь
А между тем моя совсем безгрешна плоть
И я напрасно дань несу любви тревогам

Господь накинь накинь чтоб язв ослабить зной
На обнаженного Христа хитон нешвенный
В колодце звон часов потонет и бессменный
Туда же канет звон капли дождевой

Я в Гефсимании хотел увидеть страстно
Под олеандрами твой алый пот Христос
Я тридцать суток бдел увы гематидроз
Должно быть выдумка я ждал его напрасно

Сердцебиению я с трепетом внимал
Струясь в артериях бежала кровь звончее
Они кораллы иль вернее казначей
И скупости запас в аорте был не мал

Упала капля Пот Как светел каждый атом
Мне стала грешников смешна в аду возня

Потом я раскусил из носа у меня
Шла кровь. А все цветы с их сильным ароматом

Над старым ангелом который не сошел
Лениво протянуть мне чашу поглумиться
Я захотел и вот снимаю власяницу
Куда ткачи вплели щетины жесткий шелк

Смеясь над странною утробю папессы
Над грудью без соска у праведниц иду
Быть может умереть за девственность в саду
Обетов слов и рук срывая с тайн завесы

Я ветрам вопреки невозмутимо тих
Встаю как лунный луч над зыбью моря страстной
Непразднуемых я молил святых напрасно
Никто не освятил опресноков моих

И я иду бегом о ночь Лилит уйду ли
От воя твоего Я вижу глаз разрез
Трагический О ночь я вижу свод небес
Звездообразные усеяли пилюли

На звездной ниточке отбрасывая тень
Качается скелет невинной королевы

Полночные леса свои раскрыли зевы
Надежды все умрут когда угаснет день

И я иду бегу о день заря рыжуха
Закрела пристальный как лалы алый взор
Сова овечий взгляд направленный в упор
И свињи чей сосок похож на мочку уха

Вороны тильдами простерты скользят
Едва роняя тень над рожью золотистой
Вблизи местечек где все хижины нечисты
И совы мертвые распространяют смрад

Мои скитания Печалей нет печальней
И пальцев остовы ощерившие ель
С дороги сбился я запутав снов кудель
И ельник часто мне служил опочивальней

Но томным вечером я наконец вступил
Во град представший мне при звоне колокольном
И жало похоти вдруг сделалось безбольным
И я входя толпу зевак благословил

Над трюфлевидными я хохотал дворцами
О город синими прогалинами весь

Изрытий Все мои желанья тают здесь
Скуфьей прогнав мигрень я завладел сердцами

Да все они пришли покаяться в грехах
И Диамантою Луизой Зелотидой
Я в ризу святости с простой простясь хламидой
Отныне облачен Ты знаешь все монах

Воскликнули они Отшельник нелюдимый
Возлюбленный прости нам тяжкие грехи
Читай в сердцах покрой любимые грехи
И поцелуев мед несказанно сладимый

И отпускаю я пурпурные как кровь
Грехи волшебницы блудницы прѣтессы
И духа моего не искушают бесы
Когда любовников объятъя вижу вновь

Мне ничего уже не надо только взоры
Усталых глаз забыть дрожащий сад
Где красные кусты смородины хрипят
И дышат лютостью святою пассифлоры

Перевод Б. Лившица

ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ С ЛЕНДОР-РОУДА

В витрине увидав последней моды крик
Вошел он с улицы к портному Поставщик
Двора лишь только что в порыве вдохновенном
Отрезал головы нарядным манекенам.

Толпа людских теней смесь равнодушных лиц
Влачилась по земле любовью не согрета
Лишь руки к небесам к озерам горним света
Взмывали иногда как стая белых птиц

В Америку меня увозит завтра стимер
Я никогда не возвращусь
Нажившись в прериях лирических чтоб мимо
Любимых мест тащить слепую тень как груз

Пусть возвращаются из Индии солдаты
На бирже распродав золотых плевков слюну
Одетый щеголем я наконец усну
Под деревом где спят в ветвях арагуаты

Примерив тщательно сюртук жилет штаны
(Невытребованный за смертью неким пером

Заказ) он приобрел костюм за полцены
И облачась в него стал впрямь миллионером

А на улице годы
Проходили степенно
Глядя на манекены
Жертвы ветреной моды

Дни втиснутые в год тянулись вереницей
Кровавых пятниц и унылых похорон
Дождливые когда избитый дьяволицей
Любовник слезы льет на серый небосклон

Прибыв в осенний порт с листвою неверно-тусклой
Когда листвою рук там вечер шелестел
Он вынес чемодан на палубу и грустно
Присел

Дул океанский ветер и в каждом резком звуке
Угрозы слал ему играя в волосах
Переселенцы вдаль протягивали руки
И новой родины склонясь лобзали прах

Он всматривался в порт уже совсем безмолвный
И в горизонт где стыл над пароходом дым

Чуть видимый букет одолевая волны
Покрыл весь океан цветением своим

Ему хотелось бы в ином дельфиньем море
Как славу разыграть разросшийся букет
Но память ткала ткань и вскоре
Прожитой жизни горький след
Он в каждом узнавал узоре

Желая утопить как вшей
Ткачих пытающих нас и на смертном ложе
Он обручил себя как дожи
При выкриках сирен взыскующих мужей

Вздувайся же в ночи о море где акулы
До утренней зари завистливо глядят
На трупы дней что жрет вся свора звезд под
гулы
Сшибающихся волн и всплеск последних клятв

Перевод Б. Лившица

МУЗЫКАНТ ИЗ СЕН-МЕРРИ

Я вправе наконец приветствовать людей мне
неизвестных

Они мимоидя скопляются вдали
Меж тем как все что там я вижу незнакомо
И не слабее их надежда чем моя
Я не пою наш мир ни прочие светила
Пою возможности свои за рубежом его и всех
светил

Пою веселье быть бродягой вплоть до смерти
подзаборной

О двадцать первое число О май тринадцатого
года

Харон и вы кликуши Сен-Мерри
Мильоны мух почуяли роскошную поживу
Когда слепец безносый и безухий
Покинув Себасто свернул на улицу Обри-Буше
Он молод был и смугл румяный человек
Да человек о Ариана
На флейте он играл соразмеряя с музыкой шаги
Затем остановился на углу играя
Ту арию что сочинил я и пою
Вокруг него толпа собралась женщин
Они стекались отовсюду

Вдруг Сен-Меррийские колокола затеяли трезвон
И музыкант умолк и подошел напиться
К фонтану бьющему на улице Симон-Лефран
Когда же вновь настала тишина
Опять за флейту взялся незнакомец
И возвратясь дошел до улицы Верри
Сопровождаемый толпою женщин
Сбегавшихся к нему из всех домов
Стекавшихся к нему из поперечных улиц
Безумноглазые с простертыми руками
А он играя двигался бесстрастно
Он уходил чудовищно спокойно
Куда-то вдаль
Когда отправится в Париж ближайший поезд

Меж тем помет
Молуккских голубей грязнит мускатные орехи
И в то же время в Боме
О католическая миссия ты скульптора разишь

А где-то далеко
Пройдя по мосту Бонн соединивший
с Бейлем входит в Пютцхен

Девуца обожающая мэра
Пока в другом квартале
Соперничаешь ты поэт с рекламой парфюмера

В итоге много ли насмешники вы взяли от людей
Не слишком разжирели вы на нищете их
Но мы тоскующие в горестной разлуке
Протянем руки-рельсы и по ним товарный
вьется поезд

Ты плакала плечо к плечу со мной в наемном
экипаже

А теперь
Ты так похожа так похожа на меня к несчастью
Мы были так похожи как в архитектуре
нынешнего века
Башнеподобные похожи друг на друга трубы

Мы ввысь теперь идем земли уж не касаясь
А между тем как мир и жил и изменялся
Кортеж из женщин длинный как бесхлебный день
За музыкантом двигался по улице Верри

Кортежи о кортежи
И в день когда король переезжал в Венсенн
И в день когда в Париж посольства прибывали
И в день когда худой Сюже стремился к Сене
И в день когда мятеж угас вокруг Сен-Мерри

Кортежи о кортежи
Стеклось так много женщин что они

В соседних улицах уже толпились
Прямолинейно двигаясь как пуля
Они спешили вслед за музыкантом
Ах Ариана и Пакета и Амина
Ты Миа ты Симона ты Мавиза
И ты Колет и ты красотка Женевьева
Они прошли за ним дрожа и суетясь
Их легкие шаги покорны были ритму
Пастушеской свирели завладевшей
Их жадным слухом
На миг остановившись перед домом
Без стекол в окнах нежилой
Назначенной к продаже
Постройкою шестнадцатого века
Где во дворе стоят рядом таксомоторы
Вошел в калитку музыкант
И музыка вдали теперь звучала томно
Все женщины за ним проникли в дом пустой
В калитку ринулись толпой тесня друг друга
Все все туда вошли назад не обернувшись
Не пожалев о том что покидали
С чем распрощались навсегда
О жизни памяти и солнце не жалея
Спустя минуту улица Верри была безлюдна
С священником из Сен-Мерри остались мы вдвоем
И в старый дом вошли
Но ни души мы там не увидали

Смеркается

Звонят к вечерне в Сен-Мерри

Кортежи о кортежи

Как в день когда король вернулся из Венсенна

Пришла толпа картузников-рабочих

Пришли с лотками продавцы бананов

Пришли республиканские гвардейцы

О ночь

О паства томных женских взоров

О ночь

Я все еще грущу и жду без цели

Я слышу вдалеке смолкает звук свирели

Перевод Б. Лившица

ЧЕРЕЗ ЕВРОПУ

Ротсож

Твое лицо румяно гидропланом стать может
твой биплан

И кругл твой дом где плавает копченая селедка

Мне к векам нужен ключ

Но к счастью видели мы господина Панадо

И в этом смысле можем быть спокойны

Что видишь ты мой старый сотоварищ

512 или 90 пилота ль в воздухе теленка ль что

глядит

сквозь брюхо матери

Я долго в поисках скитался по дорогам

О сколько глаз смежилось на дорогах

От ветра плачут ивняки

Открой открой открой открой открой

Взгляни же о взгляни

Старик в тазу неспешно моет ноги

Una volta ho inteso dire che vuoi^{*}

Я прослезился вспомнив ваши детства

А ты показываешь мне чудовищный синяк

---

* Однажды я решил сказать то, что хочу (итал.) —
Ред.

Картинка где изображен возок напомнила мне
день
Составленный из лоскутков лиловых желтых
зеленых
голубых и красных
Когда я за город отправился с каминною трубой
державшею на своре суку
Но у тебя давно нет дудочки твоей
Труба вдали меня попыхивает папиросой
Собака лает на сирень
Светильник тихо догорел
На платье лепестки упали
Два золотых кольца сандалий
Горят на солнце связкой стрел
Но волосы твои пересекли дрезиной
Европу пестрыми разубранную огоньками

Перевод Б. Лившица

СУХОПУТНЫЙ ОКЕАН

Я выстроил свой дом в открытом океане
В нем окна реки что текут из глаз моих
И у подножья стен кишат повсюду спруты
Тройные бьются их сердца и рты стучат

в стекло

Порою быстрой
Порой звенящей
Из влаги выстрой
Свой дом горящий

Кладут аэропланы яйца
Эй берегись уж наготове якорь
Эй берегись когда кидают якорь
Отлично было бы чтоб с неба вы сошли
Как жимолость свисает с неба

Земные полошата спруты
Какое множество средь нас самих себя хоронит
О спруты бледные волн меловых о спруты
с бледным ртом
Вкруг дома плещет океан тебе знакомый
Не забываясь даже сном

Перевод Б. Лившица

ЛУННЫЙ СВЕТ

Безумноустая медоточит луна
Чревоугодию всю ночь посвящена
Светила с ролью пчел справляются умело
Предместья и сады пьяны сытою белой
Ведь каждый лунный луч спадающий с высот
Преображается внизу в медовый сот
Ночной истории я жду развязки хмуро
Я жала твоего страшусь пчела Арктура
Пчела что в горсть мою обманный луч кладет
У розы ветров взяв ее серебристый мед

Перевод Б. Лившица

Библиография

1. Беранже П.-Ж. Песни. М., 1985.
2. Брюсов В. Избранные сочинения в 2-х тт. М., «Худ. литература», 1955. Т. 2.
3. Вийон Ф. Стихи. Перевод с французского Ф. Мендельсона и И. Эренбурга. М., 1963.
4. Гумилев Н. «Когда я был влюблен». М., 1994.
5. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., «Сов. писатель», 1989.
6. Поэзия Франции. Век XIX. М., «Прогресс», 1979.
7. Поэзия французского символизма. М., Издательство Московского университета, 1993.
8. Созвучия. Стихи зарубежных поэтов в переводе И. Анненского и Ф. Сологуба. М., «Прогресс», 1979.
9. Французские стихи в переводе русских поэтов XIX—XX вв. М., «Прогресс», 1973.
10. Французские поэты. СПб., 1900.

СОДЕРЖАНИЕ

Франсуа Вийон

Из «Большого завещания» (строфы XI—XXVIII). <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	3
Баллада о дамах былых времен. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	11
Жалобы Прекрасной оружейницы. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	13
Баллада-молитва Богородице. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	17
Баллада о парижанках. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	19
Урок Вийона. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	21
Баллада последняя. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	23
Баллада-завет Вийона. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	25
Спор сердца и тела Вийона. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	27
Баллада повешенных. <i>Перевод Ф. Мендельсона</i>	30

Клеман Маро

Старик. <i>Перевод А. Пушкина</i>	32
---	----

Пьер Ронсар

Ода. <i>Перевод Н. Энгельгардта</i>	33
---	----

Франсуа Малерб

Смерть. <i>Перевод А. Измайлова</i>	34
---	----

Жан-Батист Мольер

Благодарность королю. Перевод Б. Лившица	35
Буриме на заданную тему о хорошем тоне. Перевод Б. Лившица	39
Стансы. Перевод Б. Лившица	40
Королю по случаю покорения Франш-Конте. Перевод Б. Лившица	42

Пьер Корнель

Из «Сида». Перевод П. Катенина	43
--------------------------------------	----

Жан-Жак Руссо

Эпиграмма. Перевод П. Вяземского	46
Стансы. Перевод М. Хераскова	47

Вольтер

Девственница. Перевод А. Пушкина	49
Телема и Макар. Перевод Е. Баратынского	51
Стансы. Перевод А. Пушкина	56
Сновидение. Перевод А. Пушкина	58
«Нередко правды вид самой...». Перевод Ю. Нелединского-Мелецкого	59
Прощание с жизнью. Перевод А. Полежаева	60

Понс-Денн Лебрен

Ода. Перевод В. Брюсова	63
«Я разорился от воров...». Перевод И. Дмитриева	65
«Всегдашний гость, мучитель мой...». Перевод К. Батюшкова	66

Эварист Парни

Элегия. Перевод К. Батюшкова	67
Ложный страх. Перевод К. Батюшкова	69
Привидение. Перевод К. Батюшкова.....	71
Вакханка. Перевод К. Батюшкова	74
Сон воинов. Перевод К. Батюшкова.....	76
Песня Эрика. Перевод Д. Давыдова	78
Добрый совет. Перевод А. Пушкина.....	79
Прозерпина. Перевод А. Пушкина	80
Завтра. Перевод А. Бестужева-Марлинского	82
Ожидание. Перевод Е. Баратынского	83

Никола Жильбер

К провидению. Перевод Н. Гнедича	84
--	----

Андре Шенье

Юная Тарентинка. Перевод В. Брюсова.....	87
Гомер (отрывок). Перевод В. Брюсова	89
«Ты вянешь и молчишь...». Перевод А. Пушкина	92
«Покров, упитанный язвительною кровью...». Перевод А. Пушкина.....	93
«Приблизься утром к ней...». Перевод В. Бенедиктова.....	94
«Внемли, о Гелиос...». Перевод А. Пушкина	95
«Близ мест, где царствует Венеция золотая...». Перевод А. Пушкина.....	97
Наяда. Перевод Е. Баратынского	98
«Под бурею судеб, унылый, часто я...». Перевод Е. Баратынского.....	99
Мучительная ночь. Перевод В. Бенедиктова	100
«Багровый гаснет день...». Перевод А. К. Толстого	103

«Амур взялся за плуг...». Перевод В. Бенедиктова	104
«Ко мне, стрелок молодой...». Перевод И. Козлова.....	105
«Супруг надменный коз...». Перевод А. Фета	106
Идиллия. Перевод И. Козлова	107
Молодая узница. Перевод А. Апухтина	108

Мари-Жозеф Шенье

Гимн на перенесение праха Вольтера во французский Пантеон (11 июля 1791). Перевод Б. Лившица	111
Гимн в честь победы. Перевод Б. Лившица.....	116
Гимн равенству (19 июля 1792). Перевод Б. Лившица	118
Гимн Верховному существу (1794). Перевод Б. Лившица	121

Жан-Франсуа Дюси

Мир. Перевод В. Брюсова	124
-------------------------------	-----

Антуан Арно

Листок. Перевод В. Жуковского	126
Уединение. Перевод А. Пушкина.....	127
Майский жук. Перевод В. Брюсова	128

Никола-Жермен Леонар

Нескромный вопрос. Перевод В. Брюсова	129
---	-----

Шарль Мильвуа

Песнь араба над могилою коня. Перевод В. Жуковского	130
Лета. Перевод Е. Баратынского	134

Последние минуты Вергилия. Перевод В. Брюсова.....	135
Падение листьев. Перевод Е. Баратынского.....	138

Альфонс де Ламартин

Одиночество. Перевод Б. Лившица.....	141
Призывание. Перевод А. Фета.....	144
Озеро. Перевод А. Фета.....	146
Злобный гений. Перевод А. Полежаева.....	150

Альфред де Виньи

Рог (отрывок). Перевод Б. Лившица.....	152
Смерть волка. Перевод В. Курочкина.....	154

Виктор Гюго

Мотылек и роза. Перевод В. Брюсова.....	158
«Mugitusque bovis». Перевод Б. Лившица.....	160
Затмение. Перевод Б. Лившица.....	162
Я видел глаз Тельца. Перевод Б. Лившица.....	165
Осеано пох. Перевод В. Брюсова.....	169
Маргаритка. Перевод С. Дурова.....	172
«Земля кремнистая, холодная, скупая...».	
Перевод С. Дурова.....	173
У ночного окна. Перевод Б. Лившица.....	175
Народу. Перевод Б. Лившица.....	181
Наполеон III. Перевод Б. Лившица.....	183
«Вергилий, бог...». Перевод Б. Лившица.....	185
«Нисходит жизнь моя...». Перевод Б. Лившица.....	186
Мишелю Нею. Перевод В. Брюсова.....	192
Надпись на экземпляре «Божественной комедии».	
Перевод Б. Лившица.....	193

Альбрехту Дюреру. Перевод Б. Лившица.....	194
«Когда все вишни мы доели...». Перевод Б. Лившица	196
Сопоставление. Перевод Б. Лившица	197
Форты. Перевод Б. Лившица	198

Огюст Барбье

Девяносто третий год. Перевод Б. Лившица.....	200
Собачий пир. Перевод В. Бенедиктова	202
Дант. Перевод С. Дурова	208
Совесть. Перевод С. Дурова	210

Огюст-Марсель Бартелеми

Шуан. Перевод Б. Лившица.....	212
-------------------------------	-----

Альфред де Мюссе

Песня. Перевод В. Курочкина.....	215
Песня горцев. Перевод А. Григорьева.....	217
Пепите. Перевод А. Апухтина	218
Мадрид. Перевод Б. Лившица	220
Умершей. Перевод В. Брюсова.....	222
«Слабому сердцу». Перевод В. Брюсова.....	224
Цветку. Перевод Б. Лившица	225
«Когда, в тоске немых страданий...». Перевод В. Брюсова ..	228

Теофиль Готье

Алмаз сердца. Перевод Б. Лившица.....	229
Локоны. Перевод Б. Лившица	232
Искусство. Перевод В. Брюсова	233
Гиппопотам. Перевод В. Брюсова	236
Загробное кокетство. Перевод Н. Гумилева	237

Шарль Леконт де Лиль

Слоны. Перевод В. Брюсова	239
Золотой диск. Перевод И. Бунина	242
Возмездие. Перевод И. Бунина	244
Ягуар. Перевод Б. Лившица	247
Дочь эмира. Перевод И. Анненского	250
Майя. Перевод И. Анненского	255
«О ты, которая на миг мне воротила...». Перевод И. Анненского	256
Явление божества. Перевод И. Анненского	257

Сюлли Прюдом

Разбитая ваза. Перевод А. Апухтина	259
Посвящение. Перевод И. Анненского	260
Идеал. Перевод И. Анненского	261
«С подругой бледною разулки...». Перевод И. Анненского	262
«Когда б я богом стал...». Перевод И. Анненского	263
Тени. Перевод И. Анненского	264
Сомнение. Перевод И. Анненского	265
«У звезд я спрашивал в ночи...». Перевод И. Анненского...	266

Хосе-Мария Эредна

Бегство кентавров. Перевод М. Волошина	267
Видения эмали. Перевод Б. Лившица	268
Ponto-Vecchio. Перевод М. Волошина	269

Франсуа Коппе

Смерть птиц. Перевод И. Бунина	270
--------------------------------------	-----

Пьер-Жан Беранже

Король Ивето. Перевод В. Брюсова.....	271
Мои волосы. Перевод В. Курочкина.....	274
Знатный приятель. Перевод В. Курочкина.....	276
Чудак. Перевод В. Курочкина.....	280
Старушка. Перевод В. Курочкина.....	283
Весна и осень. Перевод В. Курочкина.....	285
Как яблочко, румян. Перевод В. Курочкина.....	287
Я с вами больше не знаком. Перевод И. и А. Тхоржевских.....	290
Нет, ты не Лизетта. Перевод В. Курочкина.....	293
Мои похороны. Перевод И. и А. Тхоржевских.....	296
Слепой нищий. Перевод В. Курочкина.....	298
Челобитная породистых собак. Перевод И. и А. Тхоржевских.....	301
Карты, или предсказание. Перевод И. и А. Тхоржевских....	304
Господин Искаритов. Перевод В. Курочкина.....	307
Похвальное слово богатству. Перевод И. и А. Тхоржевских.....	310
Действие вина. Перевод В. Курочкина.....	313
Навуходоносор. Перевод И. и А. Тхоржевских.....	316
Пир на весь мир. Перевод В. Курочкина.....	319
Старый капрал. Перевод В. Курочкина.....	325
Крестины Вольтера. Перевод И. и А. Тхоржевских.....	328
Расчет с Лизой. Перевод В. Курочкина.....	332
Путешествие. Перевод И. и А. Тхоржевских.....	336
Последняя песня. Перевод А. Фета.....	338

Жерар де Нерваль

Эпитафия самому себе. Перевод В. Брюсова.....	340
---	-----

Шарль Бодлер

Авель и Канн. Перевод Н. Гумилева.....	341
--	-----

Смерть любовников. Перевод Н. Гумилева.....	344
Цветы зла. Человек и море. Перевод П. Якубовича.....	345
Уединение. Перевод П. Якубовича.....	346
Фантастическая гравюра. Перевод Эллиса.....	347
Совы. Перевод И. Анненского.....	348
Рассвет. Перевод П. Якубовича.....	349
Красота. Перевод В. Брюсова.....	351
Непокорный. Перевод В. Брюсова.....	352
Старый колокол. Перевод И. Анненского.....	353
Сплин. Перевод И. Анненского.....	354
Слепые. Перевод И. Анненского.....	356
Соответствие. Перевод К. Бальмонта.....	357
Плаванье. Перевод М. Цветаевой.....	358

Поль Верлен

Никогда вовеки. Перевод Ф. Сологуба.....	367
Обет. Перевод В. Брюсова.....	368
Сентиментальная прогулка. Перевод В. Брюсова.....	369
Женщине. Перевод Ф. Сологуба.....	370
«Не надо ни добра, ни злости...». Перевод Ф. Сологуба....	371
«Мне душу странное измучило виденье...».	
Перевод И. Анненского.....	373
Песня без слов. Перевод И. Анненского.....	374
«Целует клавиши прелестная рука...». Перевод В. Брюсова..	375
Песня наивных. Перевод Ф. Сологуба.....	376
Лунный свет. Перевод Ф. Сологуба.....	378
Марина. Перевод Б. Лившица.....	379
Фавн. Перевод Ф. Сологуба.....	380
Преступление любви. Перевод И. Анненского.....	381
«Гул полных кабаков...». Перевод В. Брюсова.....	386
«Мне под маскою рыцарь...». Перевод И. Анненского.....	387

Брюссель. Простые фрески. Перевод Ф. Сологуба.....	389
Улицы. Перевод Ф. Сологуба.....	391
Ребенок-женщина. Перевод Ф. Сологуба.....	393
«В слезах моя душа...». Перевод Ф. Сологуба.....	395
Сафо. Перевод Б. Лившица.....	396

Шарль Кро

Сушеная селедка. Перевод И. Анненского.....	397
Смычок. Перевод И. Анненского.....	399

Тристан Корбьер

Скверный пейзаж. Перевод Б. Лившица.....	402
Идальго. Перевод Б. Лившица.....	403
Два Парижа. Перевод И. Анненского.....	405

Морис Роллина

Богема. Перевод И. Анненского.....	408
Продавщица раков. Перевод В. Брюсова.....	409
Библиотека. Перевод И. Анненского.....	410
Безмолвие. Перевод И. Анненского.....	411

Жан-Артюр Рембо

Ощущение. Перевод Б. Лившица.....	412
Офелия. Перевод Б. Лившица.....	413
На музыке. Перевод Б. Лившица.....	416
Искательницы вшей. Перевод Б. Лившица.....	418
Зло. Перевод Б. Лившица.....	420
Гласные. Перевод Н. Гумилева.....	421
Роман. Перевод Б. Лившица.....	422

Вечерняя молитва. Перевод Б. Ливицца	424
Пьяный корабль. Перевод Б. Ливицца	425
Что говорят поэту о цветах (отрывок). Перевод Б. Ливицца	430
Богема. Перевод И. Анненского	431

Жюль Лафорг

Жалоба провинциальной луне. Перевод В. Брюсова	432
Добрая, добрая осень. Перевод В. Брюсова	435
Настроения. Перевод Б. Ливицца	437
Из «Изречений Пьеро». Перевод Б. Ливицца	439

Стефан Малларме

Дар поэмы. Перевод И. Анненского	440
Гробница Эдгара По. Перевод И. Анненского	441
Лебедь. Перевод М. Волошина	442
«Отходит кружево опять...». Перевод Б. Ливицца	443

Лоран Тайад

Посвящение. Перевод Б. Ливицца	444
--------------------------------------	-----

Жан Мореас

Стансы. Перевод В. Брюсова	445
Ноктюрн. Перевод В. Брюсова	446

Альбер Самен

Конец империи. Перевод Б. Ливицца	448
---	-----

Анри де Ренье

Мудрость любви. Перевод И. Тхоржевского	449
«Нет у меня ничего...». Перевод М. Волошина	451
Упрек. Перевод В. Брюсова	453
«Снилось мне, что боги говорили со мною...». Перевод М. Волошина	455
Эпитафия. Перевод Б. Лившица	458
Пленный шах. Перевод Б. Лившица	459
Прогулка. Перевод И. Анненского	462

Франсис Вьеле-Гриффен

Золото. Перевод В. Брюсова	463
«Встань! — Жизнь утомлена...». Перевод И. Тхоржевского	465
«О неужели в мире нет...». Перевод В. Брюсова	467

Франсис Жамм

«Послушай, как в саду...». Перевод Б. Лившица	468
«Когда для всех меня не станет меж живыми...». Перевод И. Анненского	471
Зеваки. Перевод Б. Лившица	472

Андре Жид

Солнцестояние. Перевод Б. Лившица	473
Парк. Перевод Б. Лившица	475
Март. Перевод Б. Лившица	476
Ноябрь. Перевод Б. Лившица	479

Поль Клодель

Мрачный май. Перевод Б. Лившица	480
---------------------------------------	-----

Поль Фор

- Филомела. Перевод Б. Лившица..... 482
Сельские баллады. Перевод В. Брюсова 485

Шарль Пеги

- «Блажен, кто пал в бою...». Перевод Б. Лившица 492

Шарль Вильдрак

- Песнь пехотинца. Перевод Б. Лившица 494

Андре Сальмон

- Светляки. Перевод Б. Лившица 496
Танцовщицы. Перевод Б. Лившица 498

Макс Жакоб

- Серенада. Перевод Б. Лившица 499

Эмиль Верхарн

- Лондон. Перевод В. Брюсова 501
Декабрь. Перевод М. Волошина 503
Толпа. Перевод М. Волошина 505
Банкир. Перевод В. Брюсова 508

Поль Валери

- «Елена, царица печальная...». Перевод Б. Лившица 512
Юная парка. Перевод Б. Лившица 513
Погибшее вино. Перевод Б. Лившица 516

Interieur. Перевод Б. Ливицца	517
Дружеская роща. Перевод Б. Ливицца.....	518
Морское кладбище. Перевод Б. Ливицца.....	519

Жан Жироду

«Я вижу Бельфора...». Перевод Б. Ливицца	526
Пробуждение весны в северных странах. Перевод Б. Ливицца	527

Леон-Поль Фарг

Гальки. Перевод Б. Ливицца	528
----------------------------------	-----

Поль-Жан Туле

Песенка. Перевод Б. Ливицца.....	529
«Как эти яблоки...». Перевод Б. Ливицца	530

Жорж Роденбах

Вечер. Перевод В. Брюсова.....	531
Болезнь. Перевод В. Брюсова.....	533

Ренэ Гиль

Жалоба пастушке. Перевод В. Брюсова.....	534
--	-----

Эрнест Рейно

Забывшие певцы. Перевод В. Брюсова.....	537
Фавн. Перевод В. Брюсова	538

Юг Лапэр

Завещание. Перевод В. Брюсова	539
-------------------------------------	-----

Люси Деларю-Мардрюс

Родной аромат. *Перевод В. Брюсова*..... 540

Гийом Аполлинер

Сумерки. *Перевод Б. Лившица* 541

Отшельник. *Перевод Б. Лившица*..... 543

Переселенец с Лендор-Роуда. *Перевод Б. Лившица*..... 548

Музыкант из Сен-Мерри. *Перевод Б. Лившица* 551

Через Европу. *Перевод Б. Лившица* 556

Сухопутный океан. *Перевод Б. Лившица* 558

Лунный свет. *Перевод Б. Лившица* 559

Библиография..... 560

Библиотека мировой литературы

Французская поэзия.
ОТ ВИЙОНА ДО АПОЛЛИНЕРА

ИЧП фирма «Кристалл»
Лицензия ЛР № 061434 от 20.08.97 г.
119186, Санкт-Петербург, наб. Фонтанки, 156.

Оригинал-макет

«ТО-ДИЗАЙН»

Подписано к печати 23.04.98. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать высокая. Бумага типографская.
Гарнитура «Академия». Объем 36 п. л.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 95.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга»
Комитета Российской Федерации по печати.
198005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

